

ЯД ВАШЕМ: ИССЛЕДОВАНИЯ

1



Яд Вашем выражает глубокую признательность
благотворительному фонду *Генезис (Genesis Philanthropy Group)*
за финансирование издания

ЯД ВАШЕМ: ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Составители

Даниил Романовский

Давид Зильберкланг



Национальный мемориал Катастрофы и героизма Яд Вашем
Иерусалим 2009

Редакция сборника на русском языке

Ответственный редактор: Даниил Романовский

Литературный редактор: Марина Астина

Верстка: Софья Нездатная

Корректор: Дмитрий Перчонок

Перевод: Катя Гусарова, Бенцион Дымерский, Даниил Романовский

Консультанты: Аркадий Зельцер, Леонид Рейн

Yad Vashem Studies, Original English and Hebrew Editions

Editor: David Silberklang

Associate Editor: Nathan Cohen

Managing Editor: Daniella Zaidman-Mauer

Assistant Editor: Adina Drechsler

Editorial Board

Yitzhak Arad	Yehuda Bauer	Dan Michman
David Bankier	Havi Dreifuss	Avner Shalev
Omer Bartov	Israel Gutman	Yfaat Weiss
	Otto Dov Kulka	

Данное издание не может быть перепечатано или воспроизведено в какой-либо форме, полностью или частично, без письменного разрешения издателя.

Ответственность за мнения, выраженные в этом издании, лежит целиком и полностью на авторах.

© 2009 All rights reserved to Yad Vashem
P.O. Box 3477, Jerusalem 91034, Israel
publications.marketing@yadvashem.org.il

ISSN 1565-9941

Typesetting: Sophia Nezdlatny

Printed in Israel by Offset Nathan Shlomo Press

Содержание

<i>От составителей</i>	7
<i>Аркадий Зельцер</i> МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА 20–30-Х ГОДОВ: ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ	11
<i>Дов Левин</i> СУДЬБОНОСНОЕ РЕШЕНИЕ: БЕГСТВО ЕВРЕЕВ ВО ВНУТРЕННИЕ РАЙОНЫ СССР ЛЕТОМ 1941 ГОДА	43
УНИЧТОЖЕНИЕ ДВУХ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН НА УКРАИНЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА	73
<i>Юрген Фёрстер</i> ВЕРМАХТ ПРОТИВ СССР: ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ	93
<i>Ицхак Арад</i> РАЗГРАБЛЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ЕВРЕЙСКОГО ИМУЩЕСТВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР	119
<i>Шмуэль Спектор</i> УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В СОПРОТИВЛЕНИИ И В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ	155
<i>Мордехай Альтишулер</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ЭПОХУ СТАЛИНА	171
<i>Нати (Анатолий) Канторович</i> РЕАКЦИЯ НА ПРОЦЕСС ЭЙХМАНА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ПОПЫТКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА, 1960 - 1965 ГОДЫ	193
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	233
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	237



От составителей

Настоящий сборник, выпускаемый Национальным мемориалом Катастрофы и героизма Яд Вашем, посвящен Холокосту – нацистскому геноциду евреев – на территории СССР, а также темам, тесно связанным с Холокостом: отношениям евреев с окружающим нееврейским населением накануне вторжения Германии в СССР и памяти о Холокосте в послевоенном Советском Союзе. Сборник содержит семь научных статей и одно свидетельство очевидца о Холокосте на Украине.

Среди авторов статей – ведущие израильские историки Холокоста и советского еврейства: Мордехай Альтшулер, Ицхак Арад, Дов Левин и Шмуэль Спектор, немецкий историк Второй мировой войны Юрген Фёрстер и два молодых израильских исследователя – Аркадий Зельцер и Нати (Анатолий) Канторович. Все эти статьи публиковались на иврите и(ли) английском языке в сборниках “קובץ מחקרים - ד' ושמ” и “Yad Vashem Studies”, выходивших с 1981 по 2007 годы. Свидетельство старшего лейтенанта Вермахта Эрвина Бингеля (записанное с его слов во время пребывания в советском плену) было опубликовано в “קובץ מחקרים - ד' ושמ” и в “Yad Vashem Studies” в 1959 году в переводах на иврит и английский язык.

Сборник открывается статьей д-ра Аркадия Зельцера «Межэтнические отношения и советская политика 20–30-х годов: пример Восточной Белоруссии», опубликованной в 2006 году. В фокусе исследования находится большая часть современной Витебской области Беларуси, в том числе города Витебск и Полоцк. Статья А. Зельцера показывает, как складывались отношения между евреями и нееврейским населением на территории, которой вскоре предстояло стать ареной нацистского геноцида евреев.

В центре научных интересов профессора Дова Левина, сотрудника Еврейского университета в Иерусалиме – история евреев на территориях, аннексированных СССР в 1939–1940 годах, т.е. в странах Прибалтики, в Западной Украине и Западной Белоруссии (до сентября 1939 года – Восточной Польше), в Бессарабии и Северной Буковине. Помещенная здесь статья «Судьбоносное решение:

бегство евреев во внутренние районы СССР летом 1941 года» была опубликована на английском языке в сборнике *“Yad Vashem Studies”* в 1990 году и является переработкой главы 11 монографии «Эпоха в скобках: перемены в жизни евреев в районах, аннексированных СССР в начале Второй мировой войны», вышедшей в свет на иврите годом раньше. Статья посвящена эвакуации и бегству евреев с «западных» (то есть аннексированных) территорий СССР в первые недели германского вторжения. Евреи этих районов, воспринимавшие Советский Союз как чужое государство и не пользовавшиеся доверием советских властей, оказались в особенно тяжелом положении.

Д-р Юрген Фёрстер, автор статьи «Вермахт против СССР: война на уничтожение», сотрудник Университета Альберта Людвиг во Фрейбурге, работал в свое время (в 1981 году, когда и писалась статья) в Институте военной истории (*Militärgeschichtliches Forschungsamt*) во Фрейбурге (ныне находится в Потсдаме). Фёрстер – один из авторов многотомного издания «Германия и Вторая мировая война», вышедшего на немецком языке в 1990-е годы, автор множества монографий и статей, посвященных войне Германии против Советского Союза 1941–1945 годов¹.

Статья «Вермахт против СССР...» призвана развеять легенду, прочно укрепившуюся в сознании многих немцев, гласящую, что исполнителями геноцида были только СС и полиция, тогда как Вермахт, верный традициям немецкой армии, не воевал с мирным населением. Фёрстер показывает, как генералы Вермахта позволили нацистским вождям, и прежде всего Гитлеру, убедить себя в том, что на Востоке Германия ведет войну особого рода, неподвластную общепринятым законам ведения войны, и что уничтожение евреев в СССР – неременный залог победы. Германская армия добровольно и осознанно принимала участие не только в уничтожении советских военнопленных, но и в геноциде мирного еврейского населения.

Историк Ицхак Арад, бывший директор мемориала Яд Вашем, уже известен русскоязычному читателю². Его статья «Разграбление нацистской Германией еврейского имущества на оккупированных территориях СССР» (2001) посвящена актуальной сегодня теме

¹ Русскоязычный читатель знает Фёрстера как редактора сборника «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ», вышедшего в 1993 году на немецком языке, а в 1994 переведенного на русский (М.: Прогресс-Академия, 1994).

² Еще в 1990 году увидел свет сборник статей Ицхака Арада *Холокост: Катастрофа европейского еврейства (1933–1945)*. Иерусалим: Яд Вашем, 1990.

– судьбе имущества жертв нацистского геноцида. Статья фокусирует внимание на политике немецких оккупационных властей относительно собственности евреев на советских территориях, на бесчисленных приказах, циркулярах и распоряжениях, а также на борьбе всевозможных немецких организационных структур за эту собственность. Дело, однако, не исчерпывалось «официальным» ограблением жертв – значительная часть еврейского имущества поступала не в казну Рейха, а в собственность немецких солдат, немецкой и местной полиции, членов расстрельных команд и всевозможным нацистским чиновникам разного ранга.

Старейший сотрудник Яд Вашем Шмуэль Спектор (1924–2006), составитель «Энциклопедии еврейской жизни до и во время Холокоста» (вышла в 2001 году на английском языке), автор множества публикаций по истории Холокоста в Восточной Европе³, в своей статье 1994 года «Участие евреев в сопротивлении и в партизанском движении на территории Советской Украины» дает общую характеристику партизанского движения на Украине и оценивает масштабы участия в нем евреев. Спектор приводит статистические данные о присутствии евреев в различных партизанских соединениях Украины, рассказывает о судьбах некоторых героев.

Мордехай Альтишулер, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, ведущий специалист по истории евреев СССР, в статье «Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина» (2002) коснулся истории послевоенных попыток советских евреев увековечить память своих родных и близких, убитых нацистами и их пособниками, – безуспешных, как правило, попыток. Борьба за право почтить память убитых неизменно наталкивалась на сопротивление советских властей и часто заканчивалась репрессиями против инициаторов установки памятников и проведения траурных церемоний.

Статья М. Альтишулера интересна и с другой точки зрения. Впервые в историографии автор поднимает вопрос: кого признавали своими представителями и лидерами евреи СССР – страны, где власти в 1920–1940-е годы ликвидировали большинство еврейских национальных институтов. Кто, собственно, мог инициировать увековечение памяти евреев, погибших от рук нацистов? Автор по-

³ Можно упомянуть, например, монографию Спектора о Холокосте в Западной Волинии: Shmuel Spector, Shoat yehudei Vohlin (Jerusalem, 1986).

казывает, что не в последнюю очередь инициатива исходила от синагог — ввиду отсутствия у советских евреев других национальных институтов, синагоге, институту религиозному, пришлось взять на себя эту роль.

Нати (Анатолий) Канторович — докторант Тель-Авивского университета, научный сотрудник Центра по изучению рабочего движения им. Пинхаса Лавона в Тель-Авиве. Его «Реакция на процесс Эйхмана в Советском Союзе: попытка предварительного анализа, 1960–1965 годы» (2007) — одна из первых работ, посвященных анализу отношения СССР к Холокосту. Автор показывает, что советская печать не обошла молчанием процесс в Иерусалиме. Она рассказала массовому читателю, что такое нацистский геноцид евреев, а заодно и познакомила новое поколение евреев в СССР с еврейским коллективным прошлым. Однако враждебное отношение советского руководства к Израилю, нежелание подчеркивать страдания евреев во время Второй мировой войны и складывавшийся как раз в те годы официальный миф о войне, согласно которому советский народ (психологически отождествляемый с русским) понес самые тяжелые жертвы, предопределили существенное искажение фактов при освещении процесса в советской печати.

При подготовке сборника переводчики и составители придерживались принципа — приводить цитаты из русскоязычных источников (исторических документов, газет, книг) по русскому оригиналу, а не в обратном переводе с иврита или английского языка. Там, где русский оригинал оказывался недоступен, мы прибегали к косвенной речи, включая в текст парафраз цитаты. При передаче немецких терминов мы, как правило, пользовались переводами, принятыми в советских изданиях 1960–1970-х годов. Географические названия даны в соответствии с принятой сегодня нормой (например, «Вильнюс», а не «Вильна»); единственное исключение — свидетельство Бингеля, где, желая сохранить аутентичность текста, мы приводили современные названия только в примечаниях. Для уточнения географического расположения населенных пунктов, о которых идет речь в статьях, мы старались пользоваться современным административным делением.

Мы надеемся, что сборник будет интересен как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и Холокоста.

Аркадий Зельцер

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА
20–30-Х ГОДОВ: ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ*

В своих воспоминаниях советские евреи нередко указывают, что враждебность окружающего населения в годы Второй мировой войны оказалась для них полной неожиданностью¹. Важно поэтому проверить отношение неевреев к евреям в предвоенные годы: не рассматривали ли евреи свое окружение сквозь призму советской пропаганды интернационализма. Необходимо также оценить, как довоенная советская социальная и национальная политика повлияла на участие местного населения в Холокосте². Был ли всплеск антисемитизма в СССР только следствием проводимой нацистами пропаганды, – или скрытое этническое напряжение уже в самый ранний период оккупации привело к подъему антисемитских настроений среди части населения, а потом и к антиеврейскому насилию, и нацистская пропаганда упала на подготовленную почву.

Материалы из открывшихся советских архивов позволяют углубить представления о межэтнических стереотипах и конфликтах в Советской Белоруссии в межвоенный период, особенно в 1930-е годы, когда сведения такого рода почти полностью исчезли из советских публикаций. Такая информация содержалась в постановлениях партийных и советских органов различного уровня, в официальной советской переписке, в том числе в регулярных или специальных отчетах ОГПУ–НКВД о настроениях населения.

* Статья основана на главе диссертации «Евреи северо-восточной Белоруссии между двумя мировыми войнами, 1917–1941» (руководитель – проф. Мордехай Альтшулер), защищенной в Еврейском университете в Иерусалиме.

Автор выражает признательность Центру исследования антисемитизма им. Видаля Сассона при Еврейском университете в Иерусалиме за поддержку.

¹ См. например: Илья Альтман, *Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945*. М., 2002. С. 430.

² О взаимоотношениях евреев и неевреев в годы войны в Белоруссии см.: Даниил Романовский, «Отношения между евреями и окружающим нееврейским населением в Восточной Белоруссии в период Второй мировой войны. К постановке проблемы» // *Евреи Беларуси. История и культура* (Минск), № 5 (2000). С. 93–127; Альтман, *Жертвы ненависти*. С. 424–436; Yizhak Arad, *Toldot ha-Shoah bi-Vrit ha-Moazot ve-ha-shtahim ha-mesupahim* (Jerusalem, 2004), pp. 763–810.

Проблема межэтнических отношений будет рассмотрена в статье на примере северо-восточной Белоруссии, в состав которой входят Витебск и Полоцк, а также ряд еврейских местечек. Такое локальное исследование позволит определить весь спектр межэтнических проблем.

1. Евреи и окружающее население: сосуществование и противостояние

Массовые миграции, урбанизация и индустриализация, начавшиеся в середине 20-х годов, существенно изменили исторически сложившееся в Белоруссии распределение социальных ролей между этническими группами и сломали давние стереотипы. Советская политика белорусизации способствовала росту национального самосознания основной этнической группы – белорусов – и подчеркивала ее значимость, вызывая сопротивление и недовольство остального населения. Особенно чувствительны к новой ситуации были квалифицированные рабочие, служащие и интеллигенция³. Все это усиливало традиционные, не всегда осознанные, недоверие и настороженность по отношению к другим группам населения, в том числе к представителям иного этноса⁴.

Белорусы в основном были крестьянами. Идеи белорусского национализма, распространенные среди белорусской интеллигенции и получившие благодаря политике белорусизации государственную поддержку, находили слабый отклик у основной части крестьянства. Белорусизация ослабевала по мере отдаления от Минска⁵.

В основе самоидентификации большей части крестьянства (в общей социально-психологической антитезе «свои – чужие») ле-

³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 71. Л. 16.

⁴ О понятии чужака и об отношении к чужакам, уходящих корнями в родовой период и сформировавшихся в России, в значительной мере, в Средние века, см., например: Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, «“Изгой” и “изгойничество” как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода (“Свое” и “чужое” в истории русской культуры)» // *Типология культуры. Взаимное взаимодействие культур. Труды по знаковым системам*. Тарту, 1982. С. 110–121; А. Ахиезер, «Антисемитизм в России: Взгляд культуролога. Социокультурные основания антисемитизма» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 1 (1992). С. 98–128.

⁵ Аркадий Зельцер, «Белорусизация 20-х: достижения и неудачи» // *Евреи Беларуси. История и культура* (Минск), № 3–4 (1998). С. 74, 86.

жали занятость сельскохозяйственным трудом и, соответственно, традиционный сельский уклад жизни. Важными составляющими этой самоидентификации были язык крестьян (в то время как городское население говорило на русском или на идише) и их конфессиональная принадлежность со сложившейся мифологией, сочетавшей в себе элементы религиозного мировоззрения и фольклорных верований.

К середине 20-х годов процент белорусского населения в городах был достаточно высок и продолжал расти. До революции и в первые годы советской власти многие крестьяне, оказавшись в городе, аккультурировались в русской городской среде. Во второй половине 20-х – начале 30-х годов поток мигрантов из деревень заметно возрос, и бывшие крестьяне, жившие достаточно компактно на городских окраинах, в общежитиях и бараках, оставаясь тесно связанными с деревней⁶, перестали полностью перенимать городской стиль жизни, язык и пр., но создали собственную субкультуру.

В 20-е годы началось формирование белорусской национальной бюрократии, что облегчалось политикой коренизации, формальным принципом которой было достижение пропорционального представительства этнических групп во всех областях социальной жизни. Политика коренизации вела к усилению роли белорусов и соответственно к снижению значимости остальных этнических групп⁷. При этом служащие-белорусы, как правило, оставались носителями крестьянской психологии и выразителями крестьянских интересов. Национализм белорусской интеллигенции в значительной степени опирался на традиционализм крестьянства.

В отличие от белорусов, русские в основном жили в городах. До революции они играли ключевую роль в государственном управлении и экономике, однако в послереволюционное десятилетие их позиции ослабли. Первоначально русские чиновники не хотели служить в советских учреждениях, да и советская политика поощряла замену аппарата управления новыми людьми, не связанными с прежним режимом; в результате эти места занима-

⁶ Н. Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930*. СПб., 1999. С. 90–92, 229–238.

⁷ Зельцер, «Белорусизация 20-х». С. 78–82; E. Chernyavski, "Di shverikaytn fun undzer natsyonaler politik" // *Shtern*, № 3 (1927), p. 37; Mordekhai Altshuler, *Ha-Yevsekzia bi-Vrit ha-Moazot, 1918–1930. Bein leumiyut le-komunizm* (Jerusalem, 1980), p. 347.

ли представители национальных меньшинств. Важное преимущество русских – хорошее владение русским письменным языком – в ходе социальных перемен и политики белорусизации утратило прежнее значение и перестало быть обязательным критерием продвижения по службе. Все чаще определяющим фактором становились безоговорочная преданность режиму, правильное социальное происхождение, – но не национальность. Как правило, недовольство русского населения оставалось пассивным, временами прорываясь резкими антибелорусскими высказываниями и публикациями⁸.

Евреи проживали в основном в городах и местечках. Немногие были заняты в сельском хозяйстве. В годы военного коммунизма и НЭПа произошли серьезные изменения в структуре занятости еврейского населения. Из ремесленников-одиночек и работников мелких мастерских в Витебске сформировался социально привилегированный слой фабричных рабочих. Образованная часть городского еврейского населения пополнила ряды служащих; как и рабочие, они состояли в профсоюзах и в силу этого занимали сравнительно высокую ступень в советской социальной иерархии. Евреи, и прежде игравшие определенную роль в экономике региона, заняли теперь позиции в государственном управлении и в идеологических учреждениях (в партии, в комсомоле).

Взаимные межэтнические стереотипы базировались как на традиционных представлениях, сложившихся на протяжении длительного периода совместного существования, так и на критериях, которые сформировались уже после революции. В дореволюционные годы многие традиционные предрассудки (религиозные, этнические, социальные) усиливались под влиянием враждебной евреям царской бюрократии и близких к ней консервативных кругов, в том числе части интеллигенции⁹.

⁸ *Два гады нацыянальнай работы ў БССР (Збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальным пытаннях)*. Мінск, 1929. С. 93–94; *Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 годы)*. Минск, 2001. С. 124–125; Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 10051. Оп. 1. Д. 454. Л. 265; П. Рысаков, «Критика шовинизма и местного национализма» // *Революция и национальности*, № 8–9 (1930). С. 27. Существовали трения и между белорусами и поляками, а также между белорусами и латышами; проявляться они могли в конфессиональной области, в языке и в социальной сфере (НАРБ. Ф. 701. Д. 71. Л. 28; *Перед крутым поворотом*. С. 119).

⁹ R. Edelman, *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917* (New Brunswick, 1980), pp. 65–101.

Новые межэтнические стереотипы явились в значительной мере результатом быстрого социального продвижения евреев, что стало возможным благодаря эмансипации, дарованной февральской революцией 1917 года. Принцип этнического равенства был полностью принят большевистским руководством, и его реализация легла в межвоенные годы в основу советской национальной политики. Поощрение национальных меньшинств в середине 20-х – середине 30-х годов способствовало быстрому социальному продвижению части еврейского населения.

Вместе с тем не всегда можно однозначно отделить традиционные стереотипы от новых. Под воздействием советской политики традиционные предрассудки изменялись и приобретали специфические советские черты.

Религиозные стереотипы – традиционная форма противостояния – в советские годы продолжали присутствовать на бытовом уровне; религиозная самоидентификация оставалась достаточно сильной. В конце 20-х годов, в период усиления продовольственных трудностей, в Витебске накануне пасхи можно было услышать, что «жида... на свою пасху получили муку для мацы»¹⁰. По сводкам НКВД, в 1937 году в Освейском районе во время крестьянского митинга, посвященного выборам в Верховный Совет, прозвучало мнение, что будут использоваться два вида бюллетеней – синий для евреев и белый для православных¹¹.

Значимость религиозной самоидентификации свидетельствовала о слабо развитом этническом сознании неевреев: евреи воспринимались скорее как нехристиане, чем как иная этническая группа. В конце 20-х годов шестидесятилетнего еврея вытолкнули из хлебной очереди со словами: «Жида взяли власть в свои руки и морят православных голодом»¹².

Белорусскому населению, очевидно, и в 20-е годы была свойственна отмеченная этнографами конца XIX – начала XX веков склонность к демонизации евреев («мистический страх перед евреями», по словам Бердяева)¹³. Бытовому христианскому созна-

¹⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 745. Л. 381.

¹¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 31.

¹² ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 704. Л. 12.

¹³ О демонизации образа евреев в фольклорных поверьях белорусского крестьянства см.: О. Белова, «Евреи и нечистая сила (По материалам славянской

нию по-прежнему была присуща уверенность в том, что евреи используют христианскую кровь в ритуальных целях. В 1928 году этот вопрос волновал школьников Витебского округа¹⁴. В апреле 1933 года уборщица на одной из фабрик Витебска рассказывала рабочим, что однажды перед еврейской пасхой евреи заперли ее в квартире, хотели зарезать, чтобы на ее крови испечь мацу¹⁵.

Советская антирелигиозная политика также способствовала росту антиеврейских настроений. Население было уверено, что в предвзятом отношении властей к православию и в преследовании православия особую роль играют евреи. Эта уверенность, зародившись во времена изъятия церковных ценностей в начале 20-х годов, вновь дала о себе знать в ходе кампании массового закрытия культовых зданий, начавшейся в 1929 году. Крестьяне в деревнях были убеждены, что закрывают только церкви, но не синагоги¹⁶. Во время коллективизации конца 20-х – начала 30-х годов, когда евреи – члены еврейских сельскохозяйственных артелей оказались в одних колхозах с крестьянами, различия в религиозном укладе превратились в дополнительный источник конфликтов. В частности, столкновения происходили из-за того, что евреи отказывались работать в дни религиозных еврейских праздников¹⁷.

В то же время этническая или религиозная принадлежность носителей ксенофобии не стала в Белоруссии определяющим фактором: случаи агрессии по отношению к евреям встречались на предприятиях вне зависимости от того, были большинство рабочих белорусами или поляками.

Традиционные предрассудки в отношении евреев отличали прежде всего крестьян – наиболее консервативный слой населения. Крестьяне переносили на евреев свое недовольство городом;

народной культуры)» // Джошуа Трахтенберг, *Дьявол и евреи*. Москва–Иерусалим: Гешарим, 1998. С. 258–276 (особенно 260). Н. Бердяев, «Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства» // *Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX веков*. СПб., 1993. С. 328.

¹⁴ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 24. О ритуальных мотивах антисемитизма и слухах о ритуальных убийствах в других местах страны см.: Н. Тепцов, «Монархия погибла, антисемитизм остался (Документы Информационного Отдела ОГПУ 1920-х годов)» // *Неизвестная Россия. XX век*. М., 1993. С. 327–328, 343–344).

¹⁵ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 266.

¹⁶ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 747. Л. 328–329.

¹⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 29. Л. 263.

более того, в Белоруссии евреи превратились в символ городского образа жизни¹⁸. Декларирование классовой избранности пролетариата лишь усиливало напряженность¹⁹.

Крестьяне, мало склонные к политическим и идеологическим обобщениям и теоретизированию, были заинтересованы в сохранении экономической стабильности и болезненно относились к угрозе голода²⁰. Когда в конце 20-х годов опасность голода стала реальностью (выросли цены, выросли налоги, началась коллективизация), враждебность крестьян к евреям-горожанам усилилась. Все чаще можно было услышать: «Что ты хочешь от жидов, они сами кушают белый хлеб, а нам и черного не дают»²¹.

Приобщение евреев (при поддержке государства²²) к сельскому хозяйству вызывало недовольство крестьянства; острый дефицит пригодных для возделывания земель и продолжавшиеся в советское время массовые миграции крестьян-белорусов на свободные земли Сибири и Дальнего Востока только ухудшали ситуацию. Крестьяне-белорусы считали себя полноправными наследниками помещичьих земель и видели конкурентов как в евреях, так и в латышских крестьянах, обычно более зажиточных и образованных.

¹⁸ Так, например, секретарь ЦК Компартии Белоруссии Криницкий указывал: «Отношение между рабочими и крестьянами есть фактически отношение между еврейскими рабочими и белорусскими крестьянами» (*Di baratung fun di yidseksyes ba der kompartey fun Vaysrusland // Der emes*, Oct. 23, 1925). См. также: Altshuler, *Ha-Yevsekzia bi-Vrit ha-Moazot*, p. 212; «Достижения в национальной политике в БССР» // *Трибуна*, № 20 (1928). С. 3).

¹⁹ R. Kugel, "Der yidisher arbeter un der vaysrusisher poyer" // *Der veker*, Dec. 8, 1924. О недовольстве советского крестьянства своим статусом в середине 20-х гг. см., например: Vladimir Brovkin, *Russia after Lenin. Politics, Culture and Society, 1921–1929* (London, New York, 1998), pp. 161–163; Sheila Fitzpatrick, *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* (New York and Oxford, 1994), pp. 27–28; *Перед крутым поворотом*. С. 119.

²⁰ М. М. Кудюкина, «Отношение российского крестьянства к власти во второй половине 20-х годов» // *Российская ментальность: Методы и проблемы изучения*. М., 1999. С. 161–165; Brovkin, *Russia after Lenin*, p. 167.

²¹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 26. Социальное недовольство принимало этнические признаки. Ср. также высказывание рабочего в Ленинграде в 1935 г., после отмены продовольственных карточек: «Только богатые будут есть белый хлеб, как и в прошлом» (Sarah Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941* (Cambridge, 1997), p. 28).

²² Тепцов, «Монархия погибла...». С. 338–342; Matthias Vetter, *Antisemiten und Bolschewiki: Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft, 1917–1939* (Berlin: Metropol, 1995), S. 143–144.

Со своей стороны евреи видели в крестьянстве малообразованный слой населения («royersher kop» – аналог русского выражения «дубовая голова») ²³, получавший льготы при налогообложении. Острая конкуренция между евреями и крестьянами возникала не только среди местечковых и сельских кустарей, но и при распределении общественных и строительных работ, когда работодатели предпочитали евреям крестьян ²⁴.

Трения усугублялись также слабостью государственной и кооперативной торговли. Не найдя нужного товара в потребительской кооперации или не сумев продать ей свой продукт из-за заговаривания кооператива (причем если в местечковом кооперативе работали евреи, в них и видели причину неудачи), крестьяне были вынуждены обращаться к частнику, лавочнику-еврею, и покупать или продавать на худших условиях ²⁵.

В периоды массовых миграций, например, когда крестьяне уходили в города на сезонные заработки (в 20-е годы), взаимное влияние города и деревни усиливалось. Настроения горожан, в том числе отношение к евреям, передавались крестьянам; новые городские жители сохраняли крестьянскую психологию.

В городах источниками напряженности становились безработица, жилищный кризис (особенно болезненный в фабричных поселках, где большинство жителей составляли бывшие крестьяне, ютившиеся на жилой площади в два раза меньше городской санитарной нормы), а также малограмотность и низкая квалификация новых рабочих, снижавшие их конкурентоспособность ²⁶. Миграция местечковых евреев в Витебск, как и значительно более массовый приток крестьян, обостряла конкуренцию на рынке труда. Недовольство своим социальным или экономическим положением, рабочие конфликты, вертикальные (конфликт между начальником-евреем и подчиненным-неевреем, или наоборот) или горизонтальные, – все это немед-

²³ I. Guri, *Vi kumt di kats ibern vaser* (Jerusalem, 1997), p. 129. О высокомерии евреев по отношению к неевреям см., например: A komunist, "Vi zet oys di masn-arbet tsvishn di borisover arbeter" // *Der emes*, Apr. 25, 1929.

²⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 7. Л. 147.

²⁵ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 524. Л. 155; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 16.

²⁶ N. Kabakov, "Der voynung-kризis in Vitebsk" // *Oktyabr*, Aug. 8, 1926; G. F. R., "Ir kent mit der zhidovke ton vos ir vilt" // *Oktyabr*, Nov. 24, 1928.

ленно сказывалось на межэтнических отношениях. Нередко обе стороны были убеждены в существовании особого протекционизма по этническому признаку, одобренного и поддержанного властью. В 1929 году уборщица в фармацевтической лаборатории просила евреев научить ее говорить на идише, надеясь этим облегчить себе проблемы с продовольствием: «Евреям дают больше хлеба, чем русским, и если бы я умела по-еврейски говорить, то меня приняли бы за еврейку и дали бы больше хлеба»²⁷. Евреи, в свою очередь, считали, что «гой за гою тянет»²⁸.

Другим антиеврейским стереотипом, распространенным как в Витебске, так и в местечках, была вера в паразитический образ жизни евреев, процветающих за счет остального населения²⁹. Для многих бывших крестьян образ белорусской деревни, кормящей еврейский город, трансформировался в образ трудящихся неевреев и не желающих работать, но хорошо живущих евреев. Такие же обвинения нередко слышались, впрочем, и со стороны горожан и отражали старые противоречия между горожанами и евреями³⁰. В рукописной листовке под названием «Бей жидов», написанной школьницей из Городка, негативное отношение к евреям проявляется через рефлексию собственной неустроенности:

*Жид считает мужика
Хуже всех за дурака,
Хуже нету мужикам
Им усюды (всюду), как ослам.
В худшей праце и везде
Мужик заусёды впеrade (всегда впереди).*

*Он привык быть в нищете,
Не живавши в добротe,
Найхудшейших условиях бывать,
Век веками на разумных працавать (работать)³¹.*

²⁷ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746. Л. 364.

²⁸ Об отношении евреев к неевреям см., например: П. Стасулис, «Вылазка еврейского шовиниста» // *Витебский пролетарий*, 18 дек. 1929.

²⁹ N. Kabakov, "Vos iz forgekumen afn fabrik 'Dvina'" // *Oktjabr*, Nov. 27, 1928. О подобных высказываниях по всей стране см.: Тепцов, «Монархия погибла...». С. 327–345.

³⁰ См., например: Heinz-Dietrich Löwe, *The Tsars and the Jews: Reforms, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917* (Chur, Switzerland, 1993), pp. 13–18.

³¹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 24.

Парадоксальным образом из обвинений евреев в паразитическом образе жизни отнюдь не следовало требование принудить их к производительному труду. Наоборот, провинциальное население сохраняло сложившиеся годами представления о евреях как о торговцах или, в крайнем случае, ремесленниках. Раздражение части населения вызывал сам факт перемены евреями рода занятий, а тем более социальное продвижение. Даже городские рабочие, не говоря уже о новой белорусской бюрократии, полагали, что дело евреев – заниматься торговлей: «Еврейские работницы лентяйки, их не следует пускать на фабрику, торговать селедкой – это их дело»³².

Точно так же считалось, что евреи уклоняются от службы в армии. Существовавший в годы Гражданской войны стереотип сохранялся на протяжении 20-х годов, а возможно, даже усиливался по мере обострения напряженности в отношениях СССР с другими странами (Польшей, Англией и др.): «Они (евреи) все убежали с фронта и только старались, как бы куда залезть в тыл и поступить в милицию или губпродком. Это была их работа, а теперь их право больше, они пролезли и в канцелярию и в кооперацию, везде их полно стало, а чуть начнись война, так их ни одного не увидишь на фронте, все станут больными»³³.

Часть населения склонна была обвинять в паразитическом образе жизни как евреев, так и власти, причем к властям причисляли и образованную часть служащих, которые в отличие от «народа» производительным трудом заняты не были, но жили лучше, особенно в 30-е годы. Нередко обвинения в «паразитизме» и в «иудеократии» сливались в одно³⁴.

Новые стереотипы в отношении евреев появились как результат советских экономических, социальных и национальных преобразований. Население вносило в антиеврейские настроения политические мотивы (как писал Бердяев, «люди... связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими»³⁵). Убеж-

³² N. Kabakov, "Vos is forgekumen afn fabrik 'Dvina'" // *Oktyabr*, Nov. 27, 1928; G. F. R., "Ir kent mit der zhidovke ton vos ir vilt" // *Oktyabr*, Nov. 24, 1928. В Ленинграде часть населения считала «лодырями» и грузин (Davies, *Popular Opinion*, p. 136).

³³ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 19.

³⁴ Davies, *Popular Opinion*, pp. 136–137.

³⁵ Бердяев, «Христианство и антисемитизм». С. 331.

денность в существовании «еврейского засилья» отражала глубокий конфликт между населением и чуждой этому населению советской и партийной элитой. Так, например, рабочие видели врага в лице коммунистов, евреев и специалистов³⁶. Интеллигенция и служащие сужали эту схему до коммунистов и евреев. В некоторых случаях все эти признаки оказывались характерны для одной группы населения. Недовольство «засильем евреев» в политической элите следует рассматривать в контексте общего недовольства присутствием чужаков («неславян»). Такого рода взгляды получили распространение по всей стране и касались не только евреев, хотя, вероятно, в Белоруссии предубеждения по отношению к евреям были много сильнее, чем по отношению, например, к «кавказцам»³⁷.

Борьба с внутривнутрипартийной оппозицией, в которой видные места занимали евреи (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Лашевич, Сокольников и др.), также усиливала межэтническую напряженность. Дискредитация оппозиционеров в прессе воспринималась как освобождение от евреев³⁸. Часть населения сохраняла враждебность к Троцкому – еврею, да еще и преуспевавшему в социальном плане, – даже в 30-е годы, когда он был уже выслан из СССР: «Троцкого убрали, уберем и перебьем всех жидов»³⁹. И наоборот: в 20-е годы евреи нередко считали, что стремление исключить Троцкого и Зиновьева из партии обусловлено их еврейским происхождением⁴⁰. Недовольство неевреев вызывал сам факт при-

³⁶ Davies, *Popular Opinion*, pp. 84, 129–130; Brovkin, *Russia after Lenin*, pp. 186–187.

³⁷ Davies, *Popular Opinion*, pp. 88–89. В Белоруссии НКВД зафиксировал выступление против кандидатуры Сталина в ходе выборов 1937 г. и призыв не голосовать за него «из-за национальных различий» (НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 27). Впрочем, крестьяне воспринимали его и как человека иного социального слоя. Среди белорусских крестьян циркулировали слухи о чуждом происхождении Сталина, о том, что он либо сам помещик, либо сын помещика (НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 5). Точно так же в разговорах о Кагановиче (о том, что он еврей, знали все) подчеркивалось его чуждое крестьянам социальное происхождение (НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 26).

³⁸ В. А. Шишкин, *Власть: Политика, экономика*. СПб., 1997. С. 146–150; Михаил Бейзер, *Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация*. Москва–Иерусалим, 1999. С. 105; Sh. Etfinger, "Rusia ve-ha-yehudim – nisayon shel sikum histori" // *Gesher*, № 1 (66) (1971), p. 18. Проблему рассматривает также М. Vetter (*Antisemiten und Bolschewiki*, S. 255–279).

³⁹ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 79.

⁴⁰ *Перед крутым поворотом*. С. 66.

сутствия евреев в местном партийном и советском руководстве. Одна из витебских коммунисток, не сумев как-то в 1928 году попасть на прием к секретарю Витебского окружка партии, еврейку, была убеждена, что к русскому секретарю она бы обязательно попала⁴¹. По-видимому, даже рассуждения о необходимости особого внимания к евреям из-за их угнетенного положения в прошлом могли вызывать раздражение остального населения⁴², хотя до середины 30-х годов таков был общепринятый подход к проблемам всех национальных меньшинств, как евреев, так и белорусов.

Введение языка идиш в работу учреждений, – один из основных элементов советской национальной политики в отношении евреев, – могло усилить общее негативное восприятие носителей чужого языка. Разговор на идише вызывал раздражение («Все они на своем языке лопочут»⁴³). В 1927 году секретарь Евсекции Витебского окружка комсомола в письме в ЦК ВКП(б), отмечая рост антисемитизма в Витебске, указывал на открытое недовольство использованием идиша в повседневной жизни («Жиды, жиды, разговаривают все по-жидовски. По-русски надо говорить, а не по-жидовски», и упоминал избиение еврейки – за то, что она запела песню на идише⁴⁴. Евреи, предполагая, что окружающим непонятен их язык, далеко не всегда были корректны; имевшие негативный оттенок слова типа «goy», «shikse», «fonya», «sheygets» в различных вариациях широко использовались в витебской еврейской среде⁴⁵, несмотря на то, что часть неевреев, выросших в еврейском окружении, неплохо понимала идиш. С другой стороны, не понимавшим идиш неевреям казалось, что евреи все время о них говорят⁴⁶. Недовольство усилилось, когда идиш вошел в обиход части заводских профсоюзов. На витебской швейной фабрике «Профинтерн» в 1930 году семеро рабочих-белорусов покинули

⁴¹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 386.

⁴² А. И. Вдовин, В. Ю. Зорин, А. В. Никонов, *Русский народ в национальной политике XX века*. М., 1998. С. 273.

⁴³ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 745. Л. 337.

⁴⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 118. Л. 92.

⁴⁵ Goryachikov, "Oysvortslen dem «traditsyonaln» shovinizm" // *Der emes*, Feb. 3, 1929.

⁴⁶ B. Shulman, "Shovinizm un antisemitizm" // *Oktyabr*, Nov. 29, 1928.

собрание, где представитель газеты “Der emes” выступал на идише, несмотря на обещания, что по завершении доклада последует перевод⁴⁷. Дополнительным раздражителем стала деятельность общества ОЗЕТ, особенно когда в конце 20-х годов в него начали усиленно привлекать неевреев. Членство в обществе и участие в его лотерее на предприятиях, юридически добровольные, несли отпечаток принудительности⁴⁸. Население, уставшее от постоянных сборов в добровольные общества и от многочисленных разовых займов, рассматривало лотерею ОЗЕТ как особый «еврейский налог». Витебский служащий жаловался: «Неудобно не взять билет, если предлагает начальство, но взять билет на ОЗЕТ – это равносильно тому, что выбросить деньги в клозет»⁴⁹.

Со своей стороны еврейское население объясняло антисемитизмом многие действия новой белорусской бюрократии, как в экономической сфере, так и в области национальной политики. Так, в 1929 году в Бешенковичах среди населения было широко распространено мнение, что районное начальство, включая руководство райкома и райисполкома, в силу антисемитизма саботирует еврейскую работу и «игнорирует интересы еврейских масс»⁵⁰.

Дополнительным фактором, повлиявшим на усиление межнациональных разногласий, стала политика интернационализации, с 1927 году определявшая происходящее в промышленности, в сельском хозяйстве и в общественной сфере. Интернационализация была призвана ликвидировать этнические различия в занятости, позволить различным этническим группам привыкнуть друг к другу и тем самым уменьшить межэтнические трения; однако на практике привела к обратным результатам. Во второй половине 20-х и в 30-е годы по всей стране численность рабочих на промышленных предприятиях быстро росла; приходили люди, незнакомые с профессиональной заводской (фабричной) или даже ремесленной деятельностью, и напряженность между

⁴⁷ Li, “A muster fun farkriplungen di partey-linye in der natsarbet” // *Der emes*, Oct. 9, 1930.

⁴⁸ Бейзер, *Евреи Ленинграда*. С. 109–110.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 22.

⁵⁰ I. V. Raysin, “Ofener oportunizm in beshenkovicher praktik” // *Oktyabr*, June 20, 1929.

«новыми» и «старыми» рабочими усиливалась⁵¹. Разумеется, социальное напряжение немедленно проявлялось в чувствительной межэтнической сфере. Немногочисленные представители одного этноса, оказавшись на фабриках, где большинство составляли представители других этнических групп, сталкивались со всем комплексом межэтнических предубеждений. Неудивительно, что наиболее шумевшие проявления антисемитизма на заводах и фабриках случались на предприятиях, где евреи были меньшинством и хулиганы не сомневались в своей безнаказанности⁵². И наоборот, известен случай хулиганского поведения рабочих-евреев по отношению к белоруске, произошедший в 1930 году на витебской швейной фабрике «Профинтерн», где большинство работников были евреями⁵³.

Евреев посылали в деревню к крестьянам ради сближения двух этнических и социальных групп, что на практике далеко не всегда способствовало ликвидации напряженности, особенно в период социальных кризисов, в том числе в ходе коллективизации⁵⁴. Интернационализация колхозов, начавшаяся в середине 1929 года, привела лишь к обострению межнациональных отношений⁵⁵. Одной из причин напряжения стало несоответствие уставных положений в еврейских артелях и в новых колхозах: в еврейских артелях весь инвентарь и скот были обобществлены, а крестьяне после вступления в колхоз продолжали (частично) владеть собственностью⁵⁶. Нередко городские жители видели источник всех

⁵¹ См., например: Hiroaki Kuromiya, *Stalin's industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932* (Cambridge, 1988), pp. 87–99.

⁵² ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449; Я., «Начался процесс над хулиганами и антисемитами завода “Новки”» // *Заря Запада*, 20 марта 1929; НАРБ. Ф. 11. Д. 120. Л. 28.

⁵³ НАРБ. Ф. 11. Д. 120. Л. 87; “*Me hot gevolt makhn a shpas*” // *Der emes*, Oct. 28, 1930. Известны несколько случаев агрессии евреев по отношению к белорусам и полякам и на «нееврейских» предприятиях. В Бобруйске на фабрике «Октябрь», известной «делом Баршай», комсомольцы-евреи обварили белоруса, мотивировав это желанием отомстить за историю с Баршай. В Витебске на фабрике «Двина» еврейка-комсомолка избивала немую белоруску (*Перед крутым поворотом*. С. 94, 97).

⁵⁴ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 76; ГАВО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 325. Л. 36–39.

⁵⁵ См.: Н. Shmeruk, *Ha-kibuz ha-yehudi ve-ha-hityashvut he-haklait ha-yehudit ba-Beylorusia ha-Sovyetit (1918–1932)* (Jerusalem, 1961), pp. 130–153; Kh. Avrutin, “*Aroystraybn fun kolvirt di antisemitn (Polotsk)*” // *Oktyabr*, July 4, 1934; “*Kamfn far proletarisher internatsyonalizm fun numer tsu numer*” // *Oktyabr*, Aug. 8, 1934.

⁵⁶ НАРБ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 29. Л. 262; НАРБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 177. Л. 268; НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 29. Л. 69.

бед в присутствии евреев в руководстве колхозов: «С колхозов ничего не будет, пока евреи будут руководить колхозами и мы будем голодать»⁵⁷. Даже ослабление давления на крестьянство в марте 1930 года воспринималось частью крестьян как уступка евреям: «Дом не обогуливать (не обобществлять), корову одну не обогуливать, а у кого это? У того, кто разбазарил, осталась одна корова, и поголовно у всех евреев, – им больше чем на руку: у них дом, корова и огородик»⁵⁸.

Возможность продемонстрировать отношение к чужакам население получало в ходе выборов в центральные и местные органы власти, профсоюзы и пр. Так, например, в Городке во время выборов в местные советы в 1925–1926 годах евреи голосовали только за евреев (а неевреи, по-видимому, за неевреев)⁵⁹. В Бешенковичах во время предвыборного собрания в еврейский национальный совет в 1929 году часть избирателей покинула собрание с выкриками: «Вместе с евреями выбирать в совет не желаем»⁶⁰. Подобные настроения встречались в Белоруссии и во время выборов в Верховный Совет в 1937 году, когда крестьяне отказывались голосовать за евреев и призывали голосовать за белорусов. Так, витебский НКВД зафиксировал высказывание крестьянки-староверки, не пожелавшей голосовать за наркома внутренних дел республики Бермана, поскольку он еврей⁶¹.

Другой формой противостояния были взаимные оскорбления и насилие, получившие распространение в повседневной жизни. Враждебность на этнической почве встречалась во всех слоях общества, как в городе, так и в деревне, в том числе среди членов партии и комсомола⁶². Действия – или бездействие – властей в ситуациях межэтнической напряженности сказывались на отношении различных этнических групп друг к другу и к самой власти.

⁵⁷ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 253.

⁵⁸ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 747. Л. 335.

⁵⁹ Властям удалось тогда несколько ослабить это противостояние, но напряженность не исчезла (НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 47. Л. 108).

⁶⁰ I. V. Raysin, "Ofener oportunizm in beshenkovicher praktik" // *Oktyabr*, June 20, 1929.

⁶¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 6, 27, 40.

⁶² ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 24; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 386; An oysforsher, "Tsutsyen tsu farantvortlekhkayt" // *Oktyabr*, Feb. 15, 1929; В. С. Измозик, Еврейский вопрос в частной переписке советских граждан середины 20-х годов. По

2. Межэтнические конфликты и политика властей

Позиция советского руководства по отношению к межэтническому противостоянию, в том числе антисемитизму, в 20–30-е годы исходила из общей партийной установки на оперативное и постоянное вмешательство во все вопросы повседневной жизни. Несоблюдение этого принципа считалось отклонением от партийной линии – «хвостизмом» (на идише «ekizm») ⁶³. Так, секретарь Главного Бюро Евсекций Белоруссии Бейлин в конце 1926 года наряду с антисемитизмом отсталых крестьян и антисемитизмом интеллигенции подчеркивал и специфическую, по его мнению, для Белоруссии разновидность – «антисемитизм из-за хвостизма», когда представители советской и партийной бюрократии, позволяя себе антисемитские выходки, видели себя «выразителями настроений народных масс» ⁶⁴.

С 1926 года и вплоть до конца 1928 повышенное внимание властей к проблеме антисемитизма ⁶⁵ не выходило за рамки общего требования усилить агитационную работу; иногда – в крайних случаях – принимались административные меры. В январе 1928 года, когда об антисемитизме писали уже повсеместно, агитпроп Витебского окружкома отказывался придать борьбе с ним характер специальной кампании и полагал достаточным увязать ее «со всей текущей работой» ⁶⁶.

Позиция властей Белоруссии изменилась после громкого дела об издевательствах над еврейкой Баршай на стекольном заводе

материалам перлюстрации // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 3 (7) (1994). С. 164–188; Тепцов, «Монархия погибла...». С. 327–351.

⁶³ M. Kiper, "Di shtelung fun der frage vegn antisemitizm" // *Di royter velt*. 1927. № 1. P. 79. Позже, в 1929 г., когда на фоне борьбы против правого уклона развернулась кампания партийных чисток, отсутствие реакции на проявления антисемитизма расценивалось как недостаточное внимание к требованиям партии (Altshuler, *Ha-Yevsekziya bi-Vrit ha-Moazot*, p. 264).

⁶⁴ "Shlos-vort fun khaver Beylin. Farbreyster plenum fun der yidbyuro bam Ts.K. K.P.V." // *Oktyabr*, Nov. 26, 1926.

⁶⁵ Бейзер, *Евреи Ленинграда*. С. 110; В. Pinkus, *The Jews of the Soviet Union: The History of the National Minority* (Cambridge, 1988), p. 86; Тепцов, «Монархия погибла...». С. 353–356; Г. Костырченко, *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М., 2001. С. 106–107.

⁶⁶ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 671; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449–452. См. также: С. М. Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. New York, 1952. С. 83–87; D. Mats, "Vegn kamf mit dem antisemitizm" // *Der emes*, May 19, 1928.

«Октябрь», расположенном недалеко от Бобруйска⁶⁷. Сведения о произошедшем появились в прессе в ноябре 1928 года. Руководство Белоруссии, по-видимому, опасалось широкого распространения подобных эксцессов, поэтому было предложено «принять репрессивные меры в отношении антисемитов, ведущих открытую антисемитскую агитацию»⁶⁸.

На вторую половину ноября 1928 года в Белоруссии пришлась беспрецедентная для 20–30-х годов кампания, направленная исключительно против антисемитизма, вне схемы борьбы партии на два фронта. Однако уже в конце ноября кампания по искоренению антисемитизма была введена в рамки общей борьбы против отклонений от партийного курса. Вновь назначенный первым секретарем ЦК компартии Белоруссии еврей Ян Гамарник⁶⁹, говоря о национальной политике, подчеркивал в своих выступлениях универсальность партийной борьбы с шовинизмом (будь то великорусский, белорусский, еврейский или польский шовинизм, усиление которых он увязывал с нарастанием классовой борьбы), – хотя и придавал особое значение нетерпимости к антисемитизму⁷⁰. В посвященной этому вопросу передовице минского «Октября» пересматривалась прежняя точка зрения, объяснявшая еврейский шовинизм реакцией на антисемитизм, в свете общего партийного тезиса, гласящего, что местный национализм «является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной»⁷¹. Новая же «партийная диалектика» утверждала, что при наличии общих контрреволю-

⁶⁷ “Di antisemitische khuliganes fun zavod ‘Royter Oktyabr’ vern ibergegebn tsum gerikht // *Der emes*, Nov. 15, 1928; “A fakt fun barbarishn antisemitizm” // *Der emes*, Nov. 18, 1928. Дело Баршай не было первым в СССР уголовным делом о хулиганстве на почве антисемитизма. См. А. Д. Miral, “9 khadoshim ifise far a antisemitishn ‘shpas’” // *Der emes*, July 3, 1928; А. Д. Т., “Haynt mishpet men vider di okhotnoryader khuliganes” // *Der emes*, Sept. 23, 1928; Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 74–77.

⁶⁸ Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 87–88. Цитируется постановление, опубликованное в *Der emes* 18 декабря 1928.

⁶⁹ Гамарник Ян Борисович (1894–1937) – советский военный и политический деятель. С 1915 по 1917 гг. учился на юридическом факультете Киевского университета. Свояк Х.-Н. Бялика. В РСДРП с 1916 г. В 1919–1920 гг., во время Гражданской войны, был комиссаром дивизии на Южном фронте. В 1928–1929 гг. – первый секретарь ЦК КПБ, затем начальник политуправления Красной Армии. Покончил с собой в годы массовых репрессий.

⁷⁰ “Vi shteyt di natsionale frage in Vaysrusland” // *Der emes*, Dec. 9, 1928.

⁷¹ *Двенадцатый съезд РКП(б)*. Стенографический отчет. М., 1968. С. 487.

ционных целей, каждое явление имеет собственные социальные корни: антисемиты – агенты кулаков и попов, еврейские шовинисты – нэпманов и раввинов⁷². В декабре 1928 года Центральное Бюро Евсекций в Москве окончательно констатировало, что подчеркивание антисемитизма в ущерб другим формам «кулацко-нэпманской активности» является проявлением мелкобуржуазного влияния⁷³, а недооценка еврейского национализма и шовинизма – признаком правого уклона в еврейской среде⁷⁴.

Белорусские власти также отмечали перекося в деятельности судебно-следственных органов в сторону борьбы с антисемитизмом, при известной снисходительности к другим проявлениям национальной вражды⁷⁵. Более того, часть белорусского руководства полагала дальнейшее расширение кампании против антисемитизма излишним. Многие в бюрократической среде – и не евреи, и евреи – были убеждены, что особое внимание к проблеме ведет лишь к усилению антисемитизма⁷⁶. В конце 1928 года Мартин Карклин, председатель экономического совета при Совете народных комиссаров БССР, выразил недовольство замечанием секретаря витебской Евсекции о необходимости усиления правительственных мер по борьбе с антисемитизмом. Его отповедь вызвало и утверждение, что советские органы уделяют борьбе с антисемитизмом меньше внимания, чем партийные⁷⁷.

Власти оказались перед смущающей идеологической дилеммой: рабочие (наиболее «прогрессивный» класс) участвовали в уголовно наказуемых деяниях на этнической почве. Двусмысленность была устранена в ноябре 1929 года специальным постановлением ЦК КП(б)Б, в котором ответственность за национализм любого толка возлагалась на социально враждебные, по оценкам

⁷² *Oktjabr*, Дек. 2, 1928. Точно так же Криницкий уже в январе 1927 г. отрицал, что белорусский национализм растет как реакция на национализм русский, утверждая, что это явление имеет собственные корни (Altshuler, *Ha-Yevsekziya bi-Vrit ha-Moazot*, pp. 228–229).

⁷³ Протокол ЦБ Евсекции от 21–22 декабря 1928 г. (*Der emes*, Jan. 22, 1929).

⁷⁴ «Аб барацьбе з правым ухілам у яўрэйскім асяродзішчы (Рэзалюцыя пленуму цэнтральнага бюро яўрэйскіх секцый)» // *Зьвязда*, 15 марта 1929.

⁷⁵ НАРБ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 16. Л. 726.

⁷⁶ Ю. Ларин. *Евреи и антисемитизм в СССР*. Москва–Ленинград, 1929. С. 280; Kh., “Tsi darf a komunist a yid helfn dem kamf kegn antisemitizm” // *Der emes*, May 25, 1928.

⁷⁷ НАРБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 130. Л. 15–16.

властей, слою населения. Следственным органам предлагалось, «не ослабляя борьбы со злостными проявлениями антисемитизма... привлекать к ответственности не только конкретных носителей национальной ненависти, но их вдохновителей [из кулацко-нэпманской среды], к которым следует применять наистрожайшие меры пресечения»⁷⁸.

В рамках этой новой схемы витебское партийное руководство стало уделять много внимания росту «национально-шовинистических настроений среди отдельных еврейских рабочих»⁷⁹. На предприятиях Витебска были организованы собрания, где подчеркивалось, что «шовинизм и антисемитизм имеют в истоке национализм, который является врагом пролетариата»⁸⁰.

Вплоть до постановления ЦК КП(б)Б по делу Баршай административные и уголовные наказания применялись крайне редко. Наиболее активные антисемиты считались хулиганами, а то и контрреволюционными элементами. Антисемитизм рассматривался скорее как дополнительный пример девиантного (контрреволюционного) поведения. Однако даже в таких случаях власти не всегда были готовы прибегнуть к репрессивным мерам. Лишь после усиления борьбы с антисемитизмом в конце 1928 года жесткие меры стали широко применяться⁸¹.

Население неоднозначно реагировало на подготовленные в Витебске в 1928–1930 годах показательные судебные процессы по обвинениям в национализме. Например, на расположенном неподалеку от Витебска заводе «Новки» хулиганы чрезвычайно грубо, цинично издевались над работницей-еврейкой – обзывали ее «жидовкой», «ездили на ней верхом» в туалет, обливали холодной водой и т. д. В 1929 году суд над мастерами-антисемитами мог вызывать сочувствие рабочих-неевреев, которые сами страдали от тех же мастеров (от избиений, насилия и пр.) и видели

⁷⁸ "Vegn kamf fun di gerikht-oysforsherishe organen kegn antisemitizm. Bashtimung funem sekretaryat fun Ts.K. K.P.(b.)V." // *Der emes*, Nov. 26, 1929; НАРБ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 16. Л. 726.

⁷⁹ "Di partey bakamft dem antisemitizm un shovinizm" // *Oktyabr*, Dec. 28, 1928.

⁸⁰ Fayershteyn, "Der proletaryat muz zikh optreyslekh fun azelkhe khuliganes!" // *Der emes*, Dec. 12, 1928. Alfa. «Антисемитизм и шовинизм – дело контрреволюции» // *Заря Запада*, 26 янв. 1929.

⁸¹ Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 73–78; НАРБ. Ф. 701. Д. 1. Л. 625; *Трибуна*, № 12 (1928). С. 23.

в происходящем расплату за свои собственные унижения⁸². В то же время на фабрике «Двина», которая в конце 1928 года, после публикации статьи в витебской газете «Заря Запада», привлекла внимание властей, были выбраны для общественного осуждения не столь вопиющие проявления антисемитизма (на фабрике, впрочем, процветавшего). В одном случае еврейка Храпунова пожаловалась механику Лиховидову, известному антисемиту, что у нее упал ремень с привода на станке, а услышав в ответ матерную брань, развернулась и, подняв юбку, сказала: «Поцелуй мне туда». В ответ последовало: «Жиды, жидовская морда, лентяи, не хотите работать»⁸³.

Придание эксцессам на «Двине» политического характера вызвало недовольство рабочих. Собрание работников цеха отклонило резолюцию о снятии Лиховидова с работы, исключении его из профсоюза и передаче дела в суд. Многие выступавшие, в том числе коммунисты, утверждали, что ничего особенного на фабрике не произошло, что история раздута, выступали в защиту Лиховидова, наконец, требовали увольнения всех участников конфликта. На районной партийной конференции также было высказано мнение, что «Заря Запада» создала много шума из ничего⁸⁴. Руководству пришлось организовать ряд более узких собраний – молодежных, партийных и комсомольских, – на которых и было принято требуемое решение. Лишь под давлением ОГПУ прокуратура начала уголовное расследование⁸⁵.

В октябре 1930 года на витебской фабрике «Профинтерн» произошла история, зеркально повторяющая события на «Двине». Двух рабочих-евреев обвинили в еврейском шовинизме: они сорвали одежду с работницы-белоруски и облили ее холодной водой⁸⁶. Состоялось шумное разбирательство; выяснилось, что издевательства длились несколько месяцев. Точно так же, как и

⁸² «Суд над насильниками со стеклозавода “Новки”» // *Рабочий*, 21 марта 1929; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 609. Л. 583.

⁸³ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449.

⁸⁴ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449–450; N. Kabakov, “Dem emesn ponim fun antisemitizm (A briv fun Vitebsk)” // *Oktyabr*, Dec. 1, 1928.

⁸⁵ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449–450; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 28.

⁸⁶ Хулиганство на «Профинтерне» (определенное властями как еврейский шовинизм) не было единственным случаем такого рода. В Дубровно, на фабрике «Днепров-

годом ранее на «Двине», евреи «Профинтерна», включая коммунистов, выразили недовольство тем, что событию придается политический характер. Несмотря на требования руководства, они отказывались признать в поведении обидчиков национальные мотивы и квалифицировали этот случай как банальное хулиганство (один из рабочих постоянно приставал к женщинам). Во время собрания один из рабочих высказал распространенное среди собравшихся мнение: «С чего сделали весь шум? Дотронулись до *shikse*, а устроили шумиху с насилием»⁸⁷.

Как и в конфликте на «Двине», эти события были втиснуты в рамки классового подхода: отсталость еврейских рабочих, наплыв выходцев из местечек, слабость интернационализации на фабрике. Нежелание рабочих цеха считать действия хулиганов национализмом было расценено властями как признак того, что «шовинизм на фабрике принял организационные формы», а отсутствие своевременной реакции фабричных коммунистов-евреев – как проявление оппортунизма⁸⁸. Любой конфликт между евреями и неевреями, сопровождавшийся нередкой на фабрике грубостью, мог быть квалифицирован как шовинизм⁸⁹.

Не только власти, но и сами евреи опасались, что такие разбирательства могут лишь обострить межэтнические противоречия: «Суды за антисемитизм еще больше вызывают вражду русских к нам, и все меры советской власти к примирению национальной розни не приводят ни к чему. Русские нас не любят, они теперь молчат, но при случае они нам отомстят»⁹⁰. Действительно, обвинения антисемитизма вызвали недовольство окружающего населения, полагавшего, что евреи искусственно раздувают вопрос («Еврейские работницы у нас слишком чувствительны: не скажи русская работница ни слова – все принимается за антисемитизм»; или: «Теперь антисемитизм их конек и на нем они выезжают»⁹¹).

ская мануфактура», евреи заставляли рабочего-нееврея кричать, проходя по цеху: “*Tsdoke tatsil mimoves*”; лили краску ему в молоко (M. Kantor, “Az der kop iz farfoyn, iz der gantser krank” // *Der emes*, Feb. 21, 1930).

⁸⁷ N. Kabakov, “Der yidisher shovinizm hot af der vitebsker ney-fabrik ‘Profintern’ nit bakumen dem gehovikn vidershtand” // *Oktyabr*, Nov. 1, 1930.

⁸⁸ Ibid.; K., “Der shovinistisher fal in Vitebsk” // *Der emes*, Oct. 28, 1930.

⁸⁹ K., “Nokh an aroystretung fun yidishn shovinizm (Vitebsk)” // *Oktyabr*, Nov. 3, 1930.

⁹⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746. Л. 363.

⁹¹ Там же.

Таким образом, кампания против антисемитизма, несколько ослабевшая с лета 1929 года, но, тем не менее, не прекращавшаяся до 1934, рассматривалась властями как частный случай общей национальной политики: борьбы против великодержавного шовинизма и местного национализма, включая «еврейский шовинизм». Власти были склонны расширительно толковать все связанные с межнациональной проблематикой события⁹²: увольнение белоруса, совершенное служащим-евреем, и принятие на его место еврея могли квалифицироваться как еврейский шовинизм, а отказ от участия в лотерее ОЗЕТ – как проявление великодержавного шовинизма⁹³. Более того, обвинения в национализме объединялись с общими политическими обвинениями в национал-оппортунизме или в троцкизме. Усиление кампании против белорусского национализма в 1933–1934 годах сказалось на национальной сфере в целом; соответственно усилилась борьба с еврейским и с польским национализмом⁹⁴.

Изменение национальной доктрины в середине 30-х годов – замена интернационалистской концепции экспорта революции на советско-патриотическую – повлияло на подход властей к проблеме межнациональных отношений. Всемирная поддержка национальных меньшинств в ущерб русским сменилась поддержкой всех национальностей, большинство представителей которых проживало в пределах СССР, и в первую очередь русских. К тому же в 1934–1935 годах высокопоставленные советские функционеры заговорили о полном разрешении национальной проблемы в СССР. Секретарь Совета национальностей ЦИК Александр Хацкевич уверял в феврале 1936 года: «Антисемитизм окончательно ликвидирован, стерты с лица земли остатки антисемитизма, который травил и бичевал трудящиеся массы даже еще в первые годы советской власти...»⁹⁵. Замалчивание национальных про-

⁹² М. Бейзер отмечает, что в Ленинграде корреспонденты газет, говоря о предосудительном с точки зрения властей поведении (в какой бы то ни было области), неизменно выдвигали антисемитизм как отягчающее обстоятельство (Бейзер, *Евреи Ленинграда*. С. 113).

⁹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 159. Л. 97.

⁹⁴ Kh. Dunets, *In kamf af tsvey frontn (kegn 'rekhtn' un 'linkn' opneyg un natsyonal oportunizm in der ekonomisher arbet tsvishn di yidishe arbetndike* (Minsk, 1932), pp. 45–53; "An antsheydenem vidershtand. Di antisovetishe aroystretungen afn ideologishe front" // *Shtern*, № 3–4, pp. 91–103; *Oktyabr*, Feb. 8, 1933; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 265. Л. 408.

⁹⁵ Из выступления Хацкевича на пленуме ОЗЕТ в Москве в 1936 г. (ГАРФ. Ф. Р-9498. Оп. 1. Д. 81. Л. 24).

блем в средствах массовой информации отражало увеличивавшийся разрыв между официально пропагандируемым образом счастливой жизни в СССР и реальностью.

Сначала тема антисемитизма переместилась из центральной прессы в местную и национальную⁹⁶; затем слово «антисемитизм» стало все реже встречаться в заголовках статей в национальной прессе, хотя в самих статьях проблема по-прежнему обсуждалась. Наконец, с 1935 года антисемитизм фактически перестает упоминаться в печати как фактор жизни евреев в СССР. Об антисемитизме говорили, чтобы подчеркнуть счастливую жизнь евреев в Советском Союзе, либо сообщая о расцвете антисемитизма за рубежом (в США, особенно в Польше и в Германии), либо рассказывая о страданиях евреев при царизме или во время Гражданской войны (межэтнические проблемы в годы НЭПа упоминались много реже). После начала переговоров с Германией в мае 1939 года, подписания пакта Молотова – Риббентропа и вторжения немецких и советских войск на территорию Польши тема современного антисемитизма в Европе фактически исчезла со страниц советской прессы⁹⁷.

В реальной жизни, однако, антисемитизм продолжал существовать, и случаи, квалифицировавшиеся местными властями как «антисемитизм», были не столь уж редки⁹⁸.

Часть белорусского населения местечек восприняла состоявшуюся в конце 30-х годов ликвидацию еврейских национальных институтов (национальных советов и школ с преподаванием на идише) как признак тотального наступления государства на права евреев. В маленьком местечке Колышки в сентябре 1938 года местная милиция развернула «кампанию по борьбе со спекуляцией», в ходе которой ночью без достаточных оснований были арестованы пятнадцать евреев; они провели в тюрьме четыре с половиной месяца. Представители местной администрации и ми-

⁹⁶ Упоминание случаев антисемитизма в «Правде» в 1935 г. (Костырченко, *Тайная политика Сталина*. С. 110–111) являлось исключением. Власти готовы были использовать антисемитизм как предлог для расправы над неугодными.

⁹⁷ В то же время статьи об угнетении евреев до революции появлялись в еврейской печати и позже, в частности, в контексте присоединенных территорий (Aba Lev, *Fun der pogrom-geshikhte in tsarishn Rusland ("Der byalestoker pogrom in yuni 1906" // Oktyabr, July 16, 1940)*.

⁹⁸ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 76–77; ГАВО. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 37. Л. 9; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1716. Л. 6; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1028.

лиции не только не пресекали откровенно антисемитские высказывания, но и запугивали еврейское население; известны случаи вымогательств. Антисемитские настроения быстро распространились в местечке, на домах и на колхозном амбаре появились надписи «Все жида спекулянты», такие же речи звучали на собраниях. Двух стариков-евреев вытолкали из очереди за хлебом. Когда закрыли еврейскую школу и перевели учеников в белорусскую, учителя-белорусы высмеивали еврейских учеников. Поговаривали даже, что нет необходимости покупать у евреев дома, поскольку их можно будет скоро получить бесплатно.

В соответствии с официальной советской национальной доктриной этого периода, комиссия, расследовавшая инцидент, в своем отчете подчеркивала конкретную вину отдельных лиц, сведя к минимуму упоминания «народного» антисемитизма. В качестве компенсации за смещение идеологически верного равновесия, за чрезмерное внимание к антисемитизму подчеркивалось недостойное, с точки зрения советской морали, поведение части еврейского населения местечка – «спекуляция», «национализм», «клерикализм» и пр.

Члены комиссии, в которую вошли высокопоставленный чиновник республиканской прокуратуры, представители Витебского областного комитета партии и областной прокуратуры (оба работника прокуратуры были евреями), расширили обвинения в еврейском национализме. Они распространили на евреев формулировки, применявшиеся в этот период, как правило, лишь в отношении поляков, немцев и других «инонациональностей», которые рассматривались как пятая колонна в грядущей войне: «Буржуазные националисты, троцкистско-бухаринские агенты фашизма, долгое время орудовавшие в этом районе, стремились под флагом осуществления национальной политики (создание национального еврейского совета, еврейской национальной школы) оторвать еврейское население от общих задач советской власти и коммунистической партии, подогреть шовинистические настроения, оторвать еврейское население от культуры великого русского народа». Однако официальные постановления белорусских властей не содержали подобных формулировок. В специальном постановлении Бюро Витебского обкома партии говорилось о нарушениях «революционной законности» и об «отдельных фактах проявления антисемитизма» в Колышках, а районной

прокуратуре и милиции предписывалось «привлечь к строгой ответственности действительных спекулянтов, а также лиц, виновных в разжигании национальной розни среди населения»⁹⁹.

Советская антизападная пропаганда, сопровождавшаяся с 1926 года военной истерией, только усиливала агрессивность антиеврейских высказываний. Часть населения, недовольного советской политикой, утешала себя надеждой отомстить во время войны евреям, как, впрочем, и другим чужакам (представителям правящей элиты, специалистам и т. д.), за их успехи и свои неудачи. Работница игольной фабрики в Витебске говорила: «Все жида бляди, я не могу дождаться того дня, когда будет война и смогу тупым ножом резать жидов на улице». Другие были уверены, что после убийства евреев непременно наступит облегчение: «Война нужна, и евреев всех перерезать надо, тогда нам станет легче жить»¹⁰⁰. Таковы были и настроения крестьян, убежденных, что будущая война сметет их главных врагов – большевиков и евреев, виновных в резком ухудшении экономического положения в стране¹⁰¹.

После прихода Гитлера к власти в Германии НКВД стал фиксировать факты поддержки нацистской политики¹⁰², в том числе и антисемитизма. В Полоцке конторщик уже в 1933 году выказывал одобрение: «В Германии хорошо сделал Гитлер, что всех жидов побил, чего они и заслужили. До правления их нельзя допускать, они своей хитростью приносят много вреда, а немцы не дураки, они не то, что наши русские, допустили управлять Россией»¹⁰³. Весной 1939 года корреспондент из Колышек приводил пример распространенного среди белорусов подхода: «Многих евреев арестовали, а остальных разгоним, как разогнали их в Германии»¹⁰⁴.

⁹⁹ Цит. по: V. Selemenev and A. Zeltser, "Kolyshki – A Shtetl in the Late 1930s" // *Jews in Eastern Europe*, № 2 (45) (2001), pp. 58–73.

¹⁰⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 16, 19. О надеждах, возлагавшихся на войну как на способ избавления от большевиков, см. также: Davies, *Popular Opinion*, pp. 94–95. О ситуации в Витебске см.: ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 19.

¹⁰¹ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 77; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 28.

¹⁰² НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1026. Л. 63; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1028. Л. 59; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 330. Л. 25; ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 541. Л. 115. О высказываниях в поддержку политики нацистов, в том числе антисемитизма, в других местах страны см.: Davies, *Popular Opinion*, pp. 93–97.

¹⁰³ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 112.

¹⁰⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1810. Л. 67.

Одним из наиболее распространенных действий, расцениваемых властями как проявление нелояльности, стало изображение нацистской свастики. Возможно, свастика привлекала молодежь того времени в силу запрета на ее изображение, безотносительно к реальной политике Германии и к антисемитизму. Так, в 1935 году свастику на дверях, на партах, на спинах друг у друга рисовали ученики школы № 104 местечка Сенно (с обучением на идише).

В целом в 30-е годы стало меньше проявлений антисемитизма и антиеврейских высказываний, зарегистрированных НКВД и отмеченных в партийных документах. Скорее всего, это было связано как с ослаблением внимания властей к национальным меньшинствам во второй половине 30-х годов, так и с переменами в обществе.

3. Ксенофобия и кризисы в советском обществе

Межэтническое противостояние на протяжении межвоенного времени знало подъемы и спады.

Усиление антисемитизма во второй половине 20-х годов проявилось первоначально в быстро растущих советских мегаполисах – Москве и Ленинграде. Объяснялось это, по-видимому, как наличием более широкого, нежели в провинции, слоя образованного населения, склонного к теоретическим обобщениям, недовольного социальной политикой властей и обеспокоенного растущей конкуренцией евреев, так и общими процессами модернизации, протекавшими значительно интенсивнее, чем в провинции. Однако к концу 20-х годов модернизация усилилась и в провинциальных городах.

Революция 1917 года сломала традиционные устои жизни городского населения (отношение к собственности, поведенческие стереотипы, взгляды на положение женщины в обществе, на брак и семью); города страдали от острых экономических проблем, от нехватки жилья и от сильной безработицы. В широких слоях населения, включая новую советскую элиту, рабочих и служащих, особенно выходцев из деревень, все чаще встречались такие отклонения от нормативного поведения, как рукоприкладство, пьянство и проституция; все реже вспоминали об уважении к человеческому достоинству. С одной стороны, сказывался кри-

зис традиционного сознания приезжавших в город крестьян. С другой стороны, мигранты из деревень, нахлынув в города, принесли с собой сельскую культуру, которая оказывала влияние и на городское население.

Отклонения от нормативного поведения были столь часты, что в 1926 году власти были вынуждены начать массовую кампанию против хулиганства и пьянства, которые превратились в общее бедствие. Грубость была нередким явлением на заводах и фабриках Витебска и округа¹⁰⁵. Неудивительно, что хулиганство приобретало этническую окраску, усиливая межнациональную напряженность.

Дестабилизация конца 20-х годов, как экономическая (ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия и предметов первой необходимости), так и политическая (сворачивание НЭПа, дискредитация прежних кумиров, военная истерия), и дискомфорт от быстрой модернизации вызвали всплеск недовольства. Население, особенно провинциальное, обвиняло торговцев, наживавшихся на тяжелом продовольственном положении, и чиновников, которые, игнорируя нужды населения, отправляли зерно за границу. Обе эти группы в значительной мере ассоциировались у жителей Витебска и региона с евреями, традиционно занятыми торговлей или быстро продвигавшимися по службе. Подозрительность усиливалась продолжавшимся противостоянием между еврейским городом и белорусской деревней, между рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

Однако в конце 1929 года и в 1930–1932 годах население региона пережило шок от жестокости, с которой проводились коллективизация и раскулачивание, и от методов борьбы с мелкой городской буржуазией (изъятий, обысков, арестов). Население все чаще винило в происходящем саму власть, высших государственных чиновников, живущих в иных условиях. Значительно уменьшилась традиционная для России вера в непричастность высшего руководства страны к происходящим событиям. Во второй половине 30-х годов, когда вместо провозглашавшегося ранее революционного аскетизма в быту появилось раздражающее население подчеркнутое внешнее благополучие и сопутствующее ему в условиях дефицита неравенство в распределении благ – за-

¹⁰⁵ *Заря Запада*, 20 марта 1929; *Рабочий*, 21 марта 1929.

крытые распределители, «блат» и пр., – возросла, по-видимому, враждебность к новой советской бюрократии («выдвиженцам»), среди которой было немало бывших крестьян.

Можно предположить, что вспышка антисемитизма в 1928–1929 годах лишь опередила общий подъем ксенофобии в обществе. На фоне усилившейся социальной напряженности и кризиса традиционного сознания, во время массового наплыва неславянских и нехристианских групп населения (в первую очередь мусульман) в города, на «стройки пятилетки», межэтническая напряженность заметно усилилась¹⁰⁶. Опережающий рост антисемитизма, скорее всего, был связан с более заметным социальным продвижением евреев.

Антисемитизм существовал в советском обществе на всем протяжении 30-х годов. Тем не менее донесения НКВД, фиксирующие высказывания населения, показывают, что евреи как мишень для недовольства не занимали во второй половине 30-х годов доминирующего положения, как это было, по-видимому, в конце 20-х. Основной мишенью стала сама власть, в том числе высшее партийное руководство. Недовольство было вызвано социальной и экономической политикой, борьбой с религией и т. д. Причем такая ситуация была характерна и для донесений о настроениях среди крестьянства в 1937 году, где антисемитские высказывания упоминались много чаще, чем в других отчетах. Этим переменам способствовал ряд причин.

Столкнувшись с сильным продовольственным и товарным голодом в начале 30-х годов, а затем, в меньшей степени, в 1936–1937 годах, население было больше озабочено проблемой физического выживания, приспособления к ситуации, чем поиском виновных. В этих условиях к евреям испытывали скорее безразличие, чем выраженную враждебность, хотя противостояние «свой – чужой», характерное не только для межэтнической, но и для социальной сферы (рабочие – крестьяне, кооперированные крестьяне – крестьяне-единоличники, население – местная и центральная бюрократия), не исчезло. Кроме того, нужда ломала старые стереотипы; неофициальной торговлей («спекуляцией», по официальной терминологии) занималась значительная часть

¹⁰⁶ Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 105–107; Костырченко, *Тайная политика Сталина*. С. 108.

населения как в городе, так и в деревне, вне зависимости от этнической принадлежности.

Индустриализация, в том числе и в провинции, а также введение в 1932 году паспортной системы и прописки, ограничившее миграции населения, способствовали снижению безработицы. Избыток рабочей силы, включая выходцев из деревень, стремившихся вырваться из колхозов или бежавших от раскулачивания, реализовывался на новых советских предприятиях, как правило, в промышленных центрах РСФСР и Украины.

На уменьшение открытых проявлений ксенофобии влияло насаждение мифа о счастливой жизни в СССР. Советская пропаганда предложила другого многоликого врага¹⁰⁷, на фоне которого образ еврея поблек. Не исключено также, что во второй половине 30-х годов не столь остро проходил кризис традиционного сознания. Теперь население городов в значительной степени уже состояло из бывших крестьян и выходцев из местечек, и приобщение мигрантов к городской жизни проходило в более привычном им окружении.

Кроме того, сказывалась угроза наказания за проявление межэтнической нетерпимости. Работники государственного сектора (как евреи, так и неевреи), скорее всего, осознали опасность увольнения «за национализм»: в начале – середине 30-х годов при такой записи в трудовой книжке вероятность устроиться на предприятие или в государственное учреждение без особого разрешения президиума горпрофсовета была очень мала¹⁰⁸. Со стороны особенно осторожных еврейских рабочих можно было услышать: «Не тронь ее, она белоруска (*“chepe ir nit, zi iz a vaysrusishe shikse”*)¹⁰⁹». В другом случае житель Витебска, нееврей, бросил своей жене: «Брось с этими жидами ругаться, а то из-за тебя нагадят мне как коммунисту»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Об отношении населения к навязанному официальной пропагандой психозу вредительства и шпиономании см.: G. T. Rittersporn, “The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics in the 1930s” // J. A. Getty and R. T. Manning (eds.), *Stalinist Terror: New Perspectives* (Cambridge University Press, Cambridge, 1993), pp. 99–115.

¹⁰⁸ Протокол заседания президиума горпрофсовета от 28.1.1934 (ГАВО. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 56. Л. 11).

¹⁰⁹ “Vitebsker partey un proforganizatsyes muzn likvidirn di durkhreysn afn gebit fun vaysrusizatsye un internatsyonaler dertsung” // *Oktyabr*, Dec. 26, 1930.

¹¹⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746. Л. 366.

Трудно оценить эффективность административных и уголовных мер воздействия для ослабления межнационального противостояния; тем не менее, население воздерживалось от публичных выступлений – и это способствовало уменьшению открытой межэтнической конфронтации.

Даже те неевреи, что относились к евреям с предубеждением, далеко не всегда были готовы к открытому проявлению ксенофобии. Обобщенный отрицательный образ еврея, подкрепленный множеством стереотипов, как это нередко случалось в истории, отступал на второй план, когда приходилось в повседневной жизни сталкиваться с евреем – конкретным человеком. В 30-е годы не столь редки были и смешанные браки, причем существовала тенденция к увеличению их числа¹¹¹. Беженец-еврей из Польши, оказавшийся в Витебске, отмечал в 1939 году дружеское отношение неевреев, с которыми ему приходилось работать, их готовность посвятить его во все специфические стороны жизни в СССР¹¹².

Вместе с тем можно предположить, что враждебность части населения к евреям не исчезла; потребовались лишь подходящие условия, чтобы она проявилась в полной мере. Неудивительно, что антисемитские высказывания и выходки (впрочем, как и антисоветские и антисталинские выступления вообще) исходили часто от максималистски настроенных школьников и студентов, не постигших правил поведения в советском обществе 30-х годов¹¹³.

* * *

Взаимные стереотипы евреев и неевреев включали как традиционные предубеждения, существовавшие до революции (религиозные и этнические), которые в советских условиях трансформировались и приобрели новые черты, так и новые, появившиеся после революции, в связи с эмансипацией русских евреев, и усиленные советской национальной и социальной политикой.

¹¹¹ M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile* (Jerusalem, 1998), pp. 75–76, 268–270.

¹¹² Архив Яд Вашем (АЯВ). М10. АР-1. 456.

¹¹³ ГАВО. Ф. 10058. Оп. 1. Д. 330. Л. 25.

Неевреи видели в евреях паразитический слой населения, занятый чуждой деятельностью (торговлей), говоривший на чужом языке и исповедовавший чуждую религию. По мере социального продвижения евреев усиливались представления о еврейской круговой поруке и о дискриминации неевреев. Со своей стороны любые решения в пользу белорусов и русских евреи воспринимали как проявление антисемитизма.

Социальное продвижение евреев вызывало недовольство как собственно городских жителей, опасавшихся конкуренции на рынке труда, так и недавних мигрантов из крестьян, сохранявших тесные связи с деревней. Они были недовольны самим фактом «продуктивизации» евреев, использованием идиша в качестве основного языка на некоторых предприятиях, расценивая это все как особые «еврейские привилегии». Евреи же воспринимали первоочередное наделение землей белорусских крестьян как ущемление своих национальных прав.

В межвоенные годы все социальные и экономические неурядицы неизменно сопровождались усилением межэтнической напряженности. Недавние крестьяне были недовольны своим положением в обществе, и этот дискомфорт малообразованных людей, тяжело переживавших кризис традиционного сознания, нередко сопровождался агрессивностью, находившей выход в особо чувствительной межэтнической сфере. Агрессивность же обращалась против чужака, а чужака в Витебске нередко отождествляли с евреем, олицетворявшим иной – городской – образ жизни. Наиболее ярко это проявилось в годы свертывания НЭПа, когда проявлений антисемитизма стало так много, что власти сочли нужным вмешаться. Последовавшее затем сокращение числа межэтнических эксцессов, как по отношению к евреям, так и со стороны евреев (хотя вторых было намного меньше), было связано не только с жесткой позицией властей, но с потрясением от коллективизации и от почти полной ликвидации городского частного сектора, с адаптацией недавних иммигрантов к городским условиям. Население было больше озабочено проблемами выживания, чем поиском виноватых, к тому же недовольство в значительной мере сместилось на саму власть.

Вместе с тем межэтническая напряженность не исчезла, антисемитизм сохранялся в латентных формах, и любые изменения в политической сфере могли привести к антиеврейским эксцессам.

Ликвидация еврейских национальных учреждений в Белоруссии в конце 30-х годов была воспринята частью населения как ослабление позиций евреев, как введение антиеврейских ограничений, как знак, что власти намерены в этом вопросе следовать примеру нацистской Германии.

Таким образом, нацистская антисемитская пропаганда в годы войны легла на подготовленную почву. Затаенные до времени предубеждения против евреев, уверенность в существовании «еврейского засилья», в том, что евреи не хотят заниматься честным трудом и служить в армии, в годы войны приобрели открытые и достаточно массовые формы. Давнее напряжение прорвалось вспышкой антисемитизма, как в советском тылу, так и на территориях, подвергшихся нацистской оккупации, и во многом определило отношение местного населения к Холокосту.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
"Inter-War Ethnic Relations and Soviet Policy: The Case of Eastern Belorussia"
в Yad Vashem Studies 34 (2006) pp. 71-102.*

Дов Левин

СУДЬБОНОСНОЕ РЕШЕНИЕ:
БЕГСТВО ЕВРЕЕВ ВО ВНУТРЕННИЕ РАЙОНЫ СССР
ЛЕТОМ 1941 ГОДА

Неизменное на протяжении без малого двадцати лет стремление Советского Союза вернуть западные территории, бывшие когда-то частью царской России, смогло наконец осуществиться благодаря заключенному 23 августа 1939 года пакту о ненападении между СССР и Германией, известному как пакт Риббентропа – Молотова. В сентябре 1939 года советская армия оккупировала восток Польши, и 1–2 ноября того же года эти территории были включены в состав Белорусской и Украинской советских республик. 28–30 июня 1940 года были аннексированы Бессарабия и Северная Буковина, прежде принадлежавшие Румынии. За полтора месяца – с 15 июня до начала августа 1940 года – Советский Союз поглотил три независимые балтийские страны – Литву, Латвию и Эстонию.

На аннексированных Советским Союзом территориях проживали около двух миллионов евреев. Они встретили аннексию с чувством облегчения, если не с радостью, – ведь таким образом им удалось избежать нацистской оккупации. Во многих кругах еврейского общества жил страх перед СССР, но даже состоятельным людям и религиозным евреям советская власть казалась меньшим злом, нежели нацистская. Небольшая часть евреев – коммунисты, разного рода левые – с энтузиазмом приветствовали установление советской власти; многие из них примкнули к новому режиму и заняли ответственные посты в хозяйстве и в службе безопасности.

Советские преобразования на аннексированных территориях – национализация частной собственности, роспуск всех самостоятельных еврейских организаций и учреждений, запрет любой сионистской деятельности, а в дальнейшем также аресты и депортации евреев (и неевреев) в восточные районы СССР – отрезвили многих и отчасти развеяли иллюзии по поводу советского режима. Вместе с тем встряска ускоренной советизации подготовила евреев аннексированных территорий к более тяжелому удару – немецкому вторжению в СССР 22 июня 1941 года. За один-два

года советизации евреи аннексированных территорий узнали, как устроена жизнь в Советском Союзе, выучили русский язык – и уже не так боялись ехать на восток в июне 1941 года. Вхождение многих евреев в местную администрацию порой облегчало эвакуацию другим евреям. Социальные связи оказались разрушены, многие евреи лишились собственности, – но тем легче они решались оставить родной дом. Даже высылка евреев в восточные районы СССР парадоксальным образом означала, что многих беженцев в советской глубинке ждали родственники и друзья.

Настоящая статья является переработкой главы 11 книги «Эпоха в скобках: перемены в жизни евреев в районах, аннексированных СССР в начале Второй мировой войны»¹. В этой главе речь идет только об эвакуации и бегстве евреев с аннексированных территорий в первые недели вторжения Германии в СССР. Эвакуация и бегство евреев с земель, бывших частью СССР до сентября 1939 года, остаются за рамками данной статьи.

* * *

На рассвете 22 июня 1941 года нацистская Германия начала блицкриг против Советского Союза, атаковав его по всему протяжению границы. В ходе наступления немецкая армия брала в клещи крупные города, чтобы отрезать их друг от друга, и подвергала массированным бомбардировкам военные и гражданские объекты. Этим операциям предшествовали мощные удары немецкой авиации и сухопутных сил по гражданскому населению в областях, аннексированных незадолго до этого Советским Союзом. Жестоким налетам с воздуха подверглись города со значительным еврейским населением, такие как Рига, Каунас, Белосток, Ровно и Львов. Быстрое продвижение Вермахта вызвало всеобщую неразбериху, и целые участки линии фронта остались без какой-либо защиты. Попытки контратак в большинстве своем потерпели неудачу, и советская линия обороны, в особенности на севере (на территории от Латвии до Волыни), рухнула. Красной Армии сопутствовал несколько больший успех на юге (на участке

¹ Dov Levin, *Tkufa be-sograyim: Tmurot be-hayei ha-yehudim be-ezorim she-suphu le-Vrit ha-Moazot be-thilat Milhemet ha-Olam ha-Shniya* (Jerusalem: Hebrew University, Institute of Contemporary Jewry, 1989), pp. 318–332.

от Волыни до Бессарабии) и в самой северной части балтийского побережья (в Эстонии и на нескольких островах Финского залива). Однако в целом советское сопротивление не было адекватно силе немецкого вторжения. Литва была захвачена за несколько дней, Западная Белоруссия, Латвия, Восточная Галиция и Северная Буковина – за две недели, Волынская и Ровенская области Украины – за три недели, Бессарабия – за месяц, Эстония – за два месяца.

Промежуток времени между началом вторжения и оккупацией в значительной мере определял возможность успешного бегства или эвакуации из районов боевых действий. Немецкая армия стремительно наступала, оставляя в тылу неоккупированные «мешки», – территории, города и местечки, оставшиеся под советским контролем. Так, например, немцы захватили Даугавпилс в восточной Латвии 26 июня, за три дня до вторжения в Лиепаяу на западе страны. Самый восточный городок на старой польско-советской границе в Полесье был оккупирован 2 июля, через три дня после взятия Пинска на западе. Местечко Несвиж, расположенное поблизости от старой советской границы, было захвачено немцами 27 июня, в то время как Новогрудок на востоке пал лишь спустя девять дней, 6 июля. Железные и шоссейные дороги были парализованы; среди тех, кто рассчитывал бежать на восток, царили замешательство и отчаяние.

Внезапность и мощь немецкого нападения привели к непомерно высоким потерям советской стороны и вызвали хаос во всех сферах жизни. Ниже приведено свидетельство о происходившем в Риге после воздушного налета на шестой день войны, 27 июня 1941 года:

По радио передавали сообщения о победах, но мы видели, как солдаты Красной Армии шли вниз по улице... в полном беспорядке, в грязной и рваной форме, с опущенными головами, с трудом тащась в покрытых пылью сапогах... Время от времени они садились на тротуар, чтобы перемотать портянки, или просто сидели неподвижно, прислонясь к стене и не произнося ни слова².

² Свидетельство Шмуэля Шошана: Отдел устной истории Института современного еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме (ОУИ). (12)225. Л. 5.

Если так выглядела Красная Армия, то не составляет труда представить себе, какова была ситуация на всех уровнях гражданской администрации. Например, во многих городах те, кто откликнулся на опубликованный в первый день войны указ о мобилизации (он касался родившихся в 1905–1918 годах) и прибыл на сборные пункты, не могли быть мобилизованы³. 23 июня, на второй день войны, военкомат в Вильнюсе был «совершенно безлюдным, [там] было не с кем говорить»⁴. В некоторых местах призванных резервистов вскоре распустили по домам.

Вражеские парашютисты и агенты, сброшенные в тылу Красной Армии, представляли серьезную угрозу гражданским властям. Помимо дивизий румынской армии, сражавшихся против советских сил на южном участке фронта, Вермахту оказывали значительную помощь нерегулярные формирования, образованные литовскими, латвийскими, эстонскими и украинскими националистическими организациями. Они преследовали отступающие части Красной Армии, захватывали стратегические объекты и городские центры и предпринимали карательные рейды против местного еврейского населения, которое, как они считали, симпатизировало ненавистным советским властям и сотрудничало с ними. Спустя короткое время к ним присоединились сотрудники местных органов власти и милиции, почтовые и железнодорожные рабочие, пожарные, а также солдаты и офицеры, дезертировавшие из Красной Армии. Им удалось овладеть целыми городскими районами⁵ и даже небольшими городами, где они попутно убивали советских чиновников и грабили советские учреждения. Разумеется, терроризирование местных еврейских жителей было одним из их излюбленных занятий. Даже в районах, которые Красная Армия все еще контролировала (пусть лишь номинально), росли отчуждение и враждебность к евреям

³ Родившиеся в 1919–1922 годах (то есть достигшие к началу войны 19–22 лет) в западных областях СССР были призваны на срочную службу еще в апреле 1941 года. См.: Г. Геллер, "Mit freid in di reyen fun di Roiter Armei" // *Der emes*, April 20, 1941.

⁴ Свидетельство Ицхака Шапира: ОУИ. (12)143. Л. 1. Ср.: Shalom Cholawski, *Ir ve-yaar be-mazor* (Moreshet – Sifriyat Ha-Poalim, 1973), p. 47.

⁵ Во Львове украинские националисты захватили церковные колокольни и стреляли с них во все стороны; см.: Izhak Levin, *Aliti mi-Speziya: Reshumot ud muzal mi-geto Lvov* (Tel Aviv: Am Oved, 1947), p. 52. Об аналогичных событиях в Риге см. свидетельства Беллы Менделевич (ОУИ. (12)211. Л. 9) и Б. Герчика (ОУИ. (12)206. Л. 2.).

со стороны их соседей, которые прежде опасались публично выражать свои подлинные чувства.

Одновременно с продвижением врага по всему фронту советские власти объявили о мобилизации добровольцев в народное ополчение. Были открыты ускоренные курсы первой медицинской помощи, которые посещали в основном женщины. В различных городах были созданы военно-строительные полки и батальоны, и тысячи людей возводили укрепления и заграждения, рыли окопы и т. д. Из партийно-комсомольских активистов и преданных советской власти граждан формировались истребительные батальоны и так называемые коммунистические, или рабочие батальоны. В их задачи, среди прочего, входила охрана зданий государственных и партийных органов. Тогда же началась интенсивная пропагандистская кампания, в которой евреи принимали активное участие. Уже на этой стадии Москва отдала указания о практической подготовке к партизанской войне и об эвакуации на Восток тысяч семей советских офицеров и служащих. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», предусматривавшее эвакуацию населения и промышленного оборудования, было принято 27 июня 1941 года (то есть через пять дней после начала войны). Оно касалось восьми советских республик, включая все аннексированные территории⁶.

Решение об эвакуации не сказалось на судьбе большинства жителей аннексированных территорий, включая евреев, так как было принято слишком поздно: значительная часть этих земель была уже захвачена врагом. В указе говорилось, что эвакуация гражданского населения должна осуществляться в установленном порядке. В первую очередь эвакуации подлежали специалисты и инженерно-технический персонал стратегически важных предприятий, а также женщины, дети, инвалиды и люди старше 50 лет. На самом же деле предпочтение при эвакуации отдавалось семьям членов Коммунистической партии и государственных служащих, – так называемого «партийно-советского актива».

⁶ Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Карело-Финская ССР и несколько областей РСФСР. 24 июня был создан Комитет по эвакуации во главе с Л. М. Кагановичем. См.: Ю. А. Поляков, *Эшелоны идут на Восток*. М., 1966. С. 10.

Советским и партийным учреждениям предстояло договориться с местным армейским командованием о маршрутах эвакуации и о выделении транспортных средств. Однако из-за неудач на фронте и требований военного времени предпочтение при выделении продовольствия, материалов и транспорта отдавалось вооруженным силам, что чрезвычайно затрудняло эвакуацию гражданских лиц. Центральные магистрали и переезды были захвачены или окружены противником, и для нужд эвакуации, как правило, использовались второстепенные дороги или обходные пути. В Эстонии эвакуацию проводили морем.

К июню 1941 года на аннексированных территориях большинство евреев уже разделяли иллюзии советских граждан и верили, что война, охватившая к тому времени почти всю территорию Европы, им не угрожает. Это ощущение коренилось главным образом в их вере в мощь Советского Союза и особенно «великой Красной Армии», чья «непобедимость» воспевалась денно и нощно. Свидетели стремительного развала польского государства и его вооруженных сил в сентябре 1939 года, они не допускали мысли, что выражение «военный крах» может быть применено и к СССР. Однако вскоре их надежды доказали свою полную несостоятельность; перспектива нацистской оккупации оказалась реальной и ощутимой.

За время, прошедшее между 1939 и 1941 годами, местные евреи перестали ощущать нацистскую угрозу во всей ее остроте, в основном из-за того, что советская пропаганда изо всех сил замалчивала известия о происходившем по другую сторону границы. Поэтому паника и беспорядочное отступление Красной Армии в первые дни вторжения вызвали у местных евреев замешательство и ощущение беспомощности, которые вскоре сменились отчаянием.

Жители маленьких местечек вблизи западной границы, на восточных берегах Немана, Западного Буга, Сана и Прута, первыми столкнулись с жестокой реальностью войны и с необходимостью принимать трудные решения (в этих районах немцы продвигались особенно быстро). Ниже мы приводим воспоминания очевидца о первых часах войны в приграничном поселке Липканы (Липкань) в Бессарабии:

Нас разбудила внезапная стрельба. Учения? Стрельба становилась все громче. Один снаряд, затем другой упали между домами, сотрясая местечко. Люди в

панике выбегали из своих домов. Мы должны бежать, но куда? «Туда», на берег Прута? Вокруг слышались плач и стоны. Советские офицеры без головных уборов и ремней выскочили из казарм. Они не отвечали на наши мольбы... Но люди успокаивали себя тем, что очень скоро немцы, голые и босые, побегут назад. Когда запоят советские орудия, немцы, забыв бабки, конечно, удержат⁷.

Надеждам евреев Липкан не суждено было сбыться. На следующий день, 23 июня, на волне гражданской эвакуации они бежали в местечко Бричень, где «в каждой комнате, в коридорах и на чердаках приютилось по шесть или семь семей, а многие просто остались под открытым небом». Вскоре, вследствие быстрого продвижения наступающих армий и флангового охвата очагов сопротивления, эта область оказалась отрезана от остальных частей Бессарабии, а пути отхода для армии и гражданского населения заблокированы. В других местах евреи оказывались в такой же ситуации.

Зрелище унижительного отступления Красной Армии и крах органов власти, которые не оказывали гражданскому населению никакой помощи, вызвали панику среди местных евреев. Угроза массовых убийств, озвученная националистическими бандами, и неминуемая опасность, приближавшаяся с Запада, поставили их перед трудной дилеммой. Стоявший перед ними выбор был очень ограничен: они могли идти вслед за колоннами Красной Армии, отступавшими на территорию, которая все еще контролировалась Советами, или, рассредоточившись, искать убежища в окружающих лесах и деревнях, стараясь ускользнуть как от регулярной армии, так и от националистических формирований. Третья возможность заключалась в том, чтобы остаться на месте и ожидать развития событий. Вскоре выяснилось, что альтернатива иллюзорна: националисты уже выставили пикеты на выездах из городов и поселков и поджидали именно евреев. Более того, власти не приняли каких-либо эффективных мер для организации партизанской борьбы на занятых врагом территориях. Второпях сформированные специальные отряды были заняты в основном охраной тыла и флангов отступающих частей Крас-

⁷ Yisrael Roshko, "Al hurbanotayikh, Lipkan" // M. Zilberman-Silon, M. Berger-Tamir (eds.), *Kehilat Lipkani: Sefer zikaron* (Tel Aviv, 1963), p. 304.

ной Армии и лишь изредка вели арьергардные бои с противником. Спешное бегство государственных служащих и партийных функционеров, – единственной силы, способной организовать эффективную партизанскую борьбу, – закрыло перед евреями возможность вступить в ряды таких подразделений и спастись вместе с ними.

Таким образом, евреи стояли перед выбором: остаться дома или бежать. Бегство вызывало целый ряд серьезных вопросов: куда бежать? Каким образом? Вместе с кем? Необходимость принять ответственное решение становилась все острее, по мере того как продолжалась эвакуация государственных предприятий и партийных органов за линию, служившую границей до сентября 1939 года. Гражданское население, включая евреев, оказалось предоставлено самому себе. «Хотя мы плохо представляли себе, что ожидает нас, если мы останемся дома и окажемся под немецкой оккупацией, – писал очевидец, который впоследствии бежал и вступил в ряды Красной Армии, – многие решили в любом случае уйти вместе с отступающими солдатами». Другая причина, заставившая многих евреев немедленно покинуть свои дома, заключалась в страхе перед нееврейскими соседями; многие остро ощущали напряжение, копившееся в последние годы. Звучали угрозы, заставлявшие опасаться повторения кишиневского погрома⁸. Рижский еврей, который при советской власти занимал пост директора национализированной фабрики, вспоминал:

27 июня, приехав на фабрику, я увидел, что во дворе построили две виселицы. Работница со слезами на глазах сообщила мне, что одна из них предназначена для меня, а другая – для Озина [латышского коммуниста, который был одним из руководителей фабрики]. Я вышел из здания и поделился этой историей с моими знакомыми. Они посоветовали мне немедленно уехать, «не поднимая шума». Я взял на фабрике лошадь и телегу, привел жену и детей, и мы отправились в путь. По дороге в нас стреляли из окон домов. На восемнадцатом километре мы встретили доктора Дубинского, который, как главный врач, получил в свое распоряжение автобус. Он согласился взять мою жену и детей, и в течение многих месяцев я ничего не знал о них⁹.

⁸ Произошел в 1903 году. – Примеч. ред.

⁹ Свидетельство Якова Школьника: ОУИ. (12)247. Л. 1–2.

Будущее казалось неопределенным, однако евреи чувствовали, что при нацистской оккупации будет хуже. Вера в неминуемый приход Вермахта усугубляла страх перед беспорядками и насилием со стороны местного населения. Вопрос заключался в том, как долго продлится брожение и сколько будет жертв. Практически вся еврейская община на аннексированных территориях питалась слухами и догадками, однако некоторые евреи отлично понимали, что им-то следует бежать в любом случае и любой ценой. Необходимым считали бегство: 1) члены Коммунистической партии и комсомола, видные сотрудники партийного и профсоюзного аппарата, НКВД и милиции; 2) администраторы, отвечавшие за проведение политики советизации в экономической сфере и участвовавшие в национализации предприятий, земель и т. д. (в том числе и евреи, которые заняли в государственных учреждениях должности изгнанных представителей других этнических групп); 3) те, кто официально не был связан с советскими учреждениями, но сочувствовал режиму и публично заявлял об этом на собраниях по месту работы или на массовых митингах. К этим категориям следует добавить многочисленных беженцев из западных районов Польши, которые успели испытать на себе нацистскую политику по отношению к еврейскому населению. Во многих случаях именно они первыми решали повторно бежать из новых мест своего проживания и уговаривали местных евреев поступить так же.

Еврейская молодежь, не обремененная семьями, была особенно склонна присоединяться к колоннам беженцев, отправлявшихся вглубь страны. Движение на восток увлекло за собой различные группы еврейского населения, включая и целые семьи. Среди них были люди, подозревавшиеся во враждебности к советскому режиму, в том числе и те, кого могли ожидать арест и ссылка: крупные собственники, члены Бунда, сионисты-ревизионисты, члены молодежного движения «Бейтар», участники борьбы против большевиков в 1918–1920 годах и другие (некоторые члены сионистского движения, в частности М. Пачановский из «Ха-Ноар Ха-Циони» в Восточной Галиции, возражают против такой трактовки событий).

Столкнувшись с дилеммой – бежать или остаться, – человек часто не мог решить, какими соображениями и аргументами руководствоваться. Иногда превалирующие в общине настроения

помогали колеблющимся принять решение: «Евреи не знали, что делать. Их лидеры были в тюрьме, и они не могли посоветоваться с ними... Решение было принято в одно мгновение: бежать!»¹⁰.

Небольшой городок Оргеев (Орхей) в Бессарабии служит примером массового бегства еврейской общины. После того как 7 июля 1941 года было объявлено, что все жители города должны временно эвакуироваться во внутренние районы Советского Союза, «люди двинулись к границе пешком или на подводах, запряженных лошадьми или волами». Кто-то направился в приграничный городок Криуляны (Криулень), кто-то – в приграничный поселок Резина. Спустя два дня Оргеев покинули все еврейские жители города, сумевшие раздобыть хоть какое-то средство передвижения¹¹.

Порой сторонники эвакуации полагали, что эта мера носит краткосрочный характер, потому что «через несколько дней немцы будут разбиты» и можно будет вернуться домой. Поэтому многие не захватили с собой необходимых вещей и провизии. Некоторые считали, что «женщинам и старикам нечего бояться. Только молодые мужчины подвергаются опасности».

Как видно из следующего отрывка, аргументы против бегства также носили веский характер:

Как будто кто-то шептал мне на ухо: «Беги, приятель. Выберишься поскорее из Александрии, беги в Россию. Возьми своих родителей, все оставьте и бежите, спасайте свои жизни. Здесь произойдет что-то страшное. Самое худшее: убийство евреев!» Но этому голосу, шедшему из сердца, возражал другой голос, голос разума, говоривший холодно и рассудительно: «Что за глупости, Шалом! Что значит – убийство? Что, просто так начнут убивать людей? Конечно, будут наложены ограничения и запреты, как это делается в оккупированной немцами Польше. Но убийства?» Но вдруг я понял, что это вовсе не был голос моего разума. Это был голос моих родителей, говоривших со мной. Они категорически возражали против того, чтобы бросить все и отправиться в

¹⁰ См., например: S. Kandel, "Yamim tragiim" // *Sefer Kalarash* (Tel Aviv, 1966), p. 398. Большинство беженцев из Калараша сумели пересечь Днестр. См.: S. Veisman, "Hurban ve-yeush" // *Sefer Kalarash*, p. 402; ср.: R. Avraham Shlafid, "Megilat ha-dmaat" // *Pinkas Britsheve* (Tel Aviv, 1970), p. 396; Shmuel Yabkovski, "Be-shevi ha-sovyeitim u-vrihati mi-Zihanoviz" // Eliezer Leoni (ed.), *Zihanoviz mahoz Byalistok* (Tel Aviv, 1964), p. 585 (Цехановец – местечко под Белостоком. – Примеч. ред.).

¹¹ Naya Mundryan, "Im ha-'Shod'" // *Orheyov be-vinyana u-ve-hurbana* (Tel Aviv, 1959), pp. 149–150.

неизвестность. Они также все время старались задержать меня. К нам приходили соседи, успокаивавшие друг друга: не так страшен черт, как его малюют, Бог поможет. Может быть, комендантом в городе станет добросердечный человек или корыстолюбец, с которым мы всегда сумеем договориться. И кроме этого, куда мы побежим в эти безумные дни, да еще в нашем возрасте? Мы что, станем бродягами в России, зимой? Они также говорили, что русские никому не дадут пересечь старую границу, проходившую по линии Корец – Новоград-Волынский. Некоторые из горожан, в том числе и наш сосед, как раз вернулись оттуда, и они подтверждают это. В конце концов, именно поэтому они и вернулись назад¹².

Случалось, что молодые евреи, которым удалось залезть на армейские грузовики, направлявшиеся на восток, передумывали и оставались, поддавшись уговорам своих матерей. «Ребята откликнулись на мольбу матерей и тем самым подписали себе смертный приговор». Иногда молодым людям удавалось уговорить родителей отправиться с ними на восток. Однако сплошь и рядом молодые евреи оставались в родных городах вместе с родителями и младшими братьями и сестрами. Нежелание оставлять семью не позволило им бежать. Десятки тысяч людей (юношей, девушек и глав семейств) думали о бегстве, имели возможность бежать – и отказались от бегства только по этой причине. Позднее это трагическое явление неоднократно повторялось в гетто и лагерях уничтожения.

Против бегства возражали как «оптимисты», так и «пессимисты». Первые утверждали, что война между двумя могущественными державами в итоге положит конец нацистскому кошмару, грозящему евреям. Они не хотели бросать свои дома, поскольку считали, что война не продлится долго и будет вестись на территории противника, как неустанно обещали советские пропагандисты. С другой стороны, те, кто допускал возможность победы немцев, полагали, что лучше остаться дома, чем отправиться в неизвестность. Кроме того, многие опасались нарушить указания властей, запрещавших гражданам самовольно покидать места работы и выезжать из города без разрешения.

¹² Shalom Golani, "Aleksandriya – yoman ha-Shoa" // *Pinkas ha-kehila Aleksandriya* (Tel Aviv, 1972), p. 202; cp.: Eliezer Pomeranz, *Be-redifa aharei ha-emet* (Haifa, 1966), p. 83.

Хотя многие знали о жестоком отношении немцев к евреям, никто не мог даже помыслить о возможности систематического массового убийства. Некоторые евреи даже радовались советскому отступлению. Они были убеждены, что немцы разгромят СССР, и отказывались верить историям о нацистских злодеяниях, которые рассказывали беженцы с Запада. Эти рассказы казались им измышлениями советской пропаганды, и в качестве контраргумента они приводили поведение немцев в годы Первой мировой войны. Немецкие евреи или евреи – носители немецкой культуры (например, в Курляндии¹³, Эстонии и Восточной Галиции) искренне верили, что немцы не причинят им какого-либо вреда¹⁴.

Как ни странно, некоторые евреи (как правило, арестованные советскими властями и ожидавшие высылки вглубь России) даже с нетерпением ожидали прихода немцев. Некоторых из них националистические формирования или даже немецкие солдаты освободили из тюрем во время панического бегства Красной Армии.

Возможно, евреи Западной Украины и Белоруссии сделали выводы из судьбы беженцев, которые прибыли ранее из западных районов Польши и оказались без каких-либо средств к существованию и крыши над головой. Советские власти в конечном итоге стали считать их неблагонадежными элементами, а некоторых даже выслали вглубь страны. Евреи Полесья, Волыни и Восточной Галиции опасались, что нечто подобное произойдет и с ними, если они решатся оставить свои дома и присоединиться к отступающей Красной Армии. Вместе с тем сведения о немецких зверствах тоже возымели свое действие. Другими словами, пример еврейских беженцев из западных районов Польши играл неоднозначную роль в процессе принятия решения о бегстве.

В результате массового исхода еврейского населения не произошло. Отсутствие достоверной информации о ситуации в оккупированных немцами районах и неспособность предвидеть будущее развитие событий помешали евреям в массовом порядке покинуть свои дома и пуститься в странствия по Советскому Союзу. Возможно, какая-то форма организации могла бы помочь

¹³ Западная и юго-западная часть Латвии. – *Примеч. ред.*

¹⁴ Benzion Shrueter, "Bi-Yrit ha-Moazot: Pegishot im yehudim be-shnot ha-milhamah ve-le-ahareya" // *Masua*, № 5 (1977), p. 200.

многим из них выжить, но вторжение вызвало шок и парализовало их волю.

В Бессарабии многие евреи надеялись, что их города оккупируют румынские войска, а не Вермахт. Из предыдущего опыта они знали, что с румынами можно поладить, если не скупиться на взятки. «Мы заплатим им выкуп и сделаем все, что сможем». Раввин из города Единцы (Эдинец) в Бессарабии так вспоминал о настроениях в своей общине в те дни: «Конечно, можно ожидать погрома, но, по меньшей мере, кому повезет, выживут»¹⁵. Аргументы подобного рода заставили многих людей в последний момент изменить планы бегства. В частности, нечто подобное произошло в местечке Романовка возле Аккермана¹⁶.

Иногда этот подход бывал следствием арестов и депортаций, произведенных советскими властями за несколько дней до вторжения: «Лучше умереть со звездой Давида, нашитой на спине, чем стоять в очереди даже в уборную под русской властью»¹⁷.

Говоря об аргументах против бегства на восток, нельзя не упомянуть нежелание людей бросать свое имущество. Многие просто не понимали, «как человек может оставить дом и все свои вещи и начать жизнь бродяги»; те, кто владел недвижимостью, особенно землей, были полны решимости «не бросать свое наследие и свои дома»¹⁸.

Показания очевидцев свидетельствуют о том, что к евреям, участвовавшим в организованной эвакуации, власти относились достаточно нейтрально, в соответствии с общими распоряжениями; отношение же к тем, кто бежал по своей инициативе, часто бывало неоднозначным или откровенно враждебным¹⁹.

¹⁵ Свидетельство рабби Й. Элькиса: ОУИ. (101)13. Ср. свидетельства К. А. Бартини (ОУИ. (101)10. Л. 13) и Авраама Турчина (ОУИ. (101)5. Л. 10–11). См. также: S. Kandel, "Yamim tragiim", p. 398.

¹⁶ Yisrael Shildkraut, *Al hurvot Besarabiya* (Tel Aviv, 1954), pp. 250–251.

¹⁷ Свидетельство Якова Школьника: ОУИ. (12)247. Л. 1. См. также свидетельства Баруха Брашинского (ОУИ. (101)29. Л. 2), М. Эйдельберга (ОУИ. (101)23. Л. 7), Ш. Рыбака (ОУИ. (101)20. Л. 47), Д. Элькинда (ОУИ. (12)164. Л. 25), И. Злотокрылова (ОУИ. (12)199. Л. 3), А. Година (ОУИ. (101)98. Л. 4). Ср.: M. Ben-Berit, "Hamilhama parza" // *Markuleshti – yad le-moshava yehudit be-Besarabiya*, (Tel Aviv, 1977) pp. 379–380.

¹⁸ M. Ben-Berit, "Be-derekh le-Ukraina" // *Markuleshti*, p. 382; ср.: Yeta Shapira Rozenzvaig, *Gam be-Ponar hayinu* (Lohamei Ha-Getaot, 1979), pp. 14–15.

¹⁹ Вопрос, отдавалось ли евреям предпочтение при эвакуации, обсуждается в статье: Dov Levin, "Brit ha-Mozot ve-hazalat ha-yehudim: beayot ve-uvdot" // *Nisyonot ve-peulot hazala be-tkufat ha-Shoa* (Jerusalem, 1976), pp. 183–193.

Успех или неудача попытки бегства вглубь российской территории определялись следующими факторами.

1. В первые дни вторжения, когда все еще можно было убежать от наступающей немецкой армии, местные органы власти нередко призывали население к спокойствию и предостерегали против попыток бегства, хотя сами служащие лихорадочно готовились к эвакуации персонала и оборудования. Вот свидетельство жителя города Единцы Менделя Либермана:

Жители не знали, какова подлинная ситуация, потому что даже то, что передавали по радио, не соответствовало действительности. Таким образом, мы питались слухами. В то же самое время мы чувствовали, что государственные учреждения готовятся к отъезду вглубь российской территории. Все высокопоставленные служащие, включая евреев, получили указания готовиться к эвакуации. Мы также слышали, что необходимо специальное разрешение, чтобы пересечь реку Днестр на границе между Бессарабией и Россией. Тревога росла... Евреи начали закапывать в землю имущество и ценности. Тем временем враг начал бомбить город.

Когда местные жители, включая учителей, отправились в местный партийный комитет за разрешением на переход Днестра, им сделали выговор: «Что это значит? Вы что, не верите в мощь Красной Армии? Вы создаете панику». Директор местного отделения Государственного банка произнес перед сотрудниками речь о том, что «никакой враг не посмеет ступить на землю советской родины, и нет никаких оснований опасаться румынско-немецких оккупантов». Спустя всего лишь несколько часов по городу разнесся слух о том, что директор и другие видные чиновники, в том числе и администратор-еврей по фамилии Штейнборц, покинули город и двинулись в Россию²⁰.

Обычно представители гражданской администрации уезжали в спешке, если не в панике. Более того, они не задумываясь реквизировали немногочисленные доступные средства транспорта для себя и своих семей, тем самым исключая всякую возможность массовой стихийной эвакуации²¹.

²⁰ M. Raikher, "Di martirologiye fun Yedinetzer yidn" // *Yad le-Yediniz* (Tel Aviv, 1973), pp. 714, 756–758; ср. свидетельство рабби И. Элькиса: ОУИ. (101)13. Л. 25.

²¹ "Bi-shnot ha-shilton ha-sovyeti" // *Pinkas Zhetl* (Tel Aviv, 1958), p. 314 (Жетл (Дятлово) – город в Гродненской области. – Примеч. ред.).

Власти часто цензурировали новости о происходящем и не сообщали испуганному населению правду. Такова была ситуация в местечках Слоним в Западной Белоруссии и Сарны в Полесье. Услышав, что «последние [государственные] учреждения покидают город, а арьбергартные армейские части отступают в панике», некоторые из евреев Сарн начали «уходить пешком, неся на руках грудных детей, с узлами за спиной»²².

2. Во многих городах и местечках власти издали указ, запрещающий жителям покидать места работы. Нарушители считались дезертирами и подлежали суду. Когда люди осознавали, что сами представители власти бежали, обычно было уже слишком поздно (так произошло, например, в городке Кременец на Волыни). После того как советские власти покинули Слоним, телефонные операторы продолжали работать как обычно и отвечали на звонки. На телефонной станции было много молодых евреек-телефонисток; с началом войны они получили приказ не покидать место работы ни на минуту. В ходе своего поспешного бегства местное руководство совершенно забыло об этом важнейшем центре связи и не посчитало нужным разрешить телефонисткам прекратить работу и, возможно, уехать вместе с ними. Женщины продолжали трудиться, пока немецкие солдаты не вошли в здание почтового отделения²³. В эстонском городе Пярну местный житель по фамилии Ферман (пожарный по профессии), мобилизованный в силы гражданской обороны, получил приказ оставаться на своем посту до последнего. Его семья эвакуировалась, но ему не разрешили к ней присоединиться. Шмуэль Рыбак из Таллинна, шофер одного из министров эстонского правительства, мобилизованный в первые дни войны, отвез своего начальника к границе, однако того отправили обратно – продолжать работу. В последние дни эвакуации министр сел на корабль, отплывавший в один из советских портов. Рыбак позднее рассказывал:

Я остался один с машиной и не знал, что делать дальше... Я хотел вернуться домой, потому что мои родители остались в Таллинне... Я начал отъезжать

²² Shlomo Zandvais, "Sarni – hithavuta, kiyuma ve-hurbana" // *Sefer yizkor le-kehilat Sarni* (Tel Aviv, 1961), pp. 80–81.

²³ Noah Kaplinski, "Kakh hufkarnu al-yadei ha-Sovyetim" // *Pinkas Slonim* (Tel Aviv, 1962), p. 39.

*от причала, когда советские моряки предупредили меня, что немцы уже вошли в город. Вместе с ними я поднялся на маленький военный корабль, что-то вроде минного тральщика, и прибыл в Кронштадт*²⁴.

Евреи, мобилизованные в рабочие батальоны в Латвии и в организации, созданные для защиты предприятий и государственных учреждений, сталкивались с похожими проблемами. Само существование этих формирований укрепляло дух еврейского населения, но служба в них требовала постоянного присутствия. Таким образом, семьи оказались разлучены в самое трудное время.

3. Вблизи старой советской границы беженцы могли передвигаться на подводах или пешком, но во всех других районах они нуждались в более эффективных транспортных средствах: поездах (там, где они еще ходили) или автомашинах. Поскольку даже в мирное время все они находились под строгим контролем государственных и партийных органов, для бегства на восток часто требовалось разрешение сесть в поезд или в другой транспорт. По свидетельствам очевидцев, в большинстве случаев предпочтение отдавалось государственным служащим и их семьям, а также семьям офицеров Красной Армии. Рядовым гражданам, как правило, женщинам, иногда разрешали сесть в поезд или в машину. Так произошло в латвийском городе Лиепая, который был взят немцами после недели жестоких боев.

*Семьи военнослужащих и советских чиновников собрались на второй день войны, 23 июня, в порту, а затем сели в поезд. Многие из евреев города устремились на железнодорожную станцию, которая вскоре оказалась заполнена людьми. Мужчинам сесть в поезд не разрешали; только женщины и дети смогли протиснуться в вагоны. На следующий день уже было поздно, так как все пути к бегству были отрезаны*²⁵.

Люди, заполнившие железнодорожную станцию в Коломые в надежде сесть в поезд на восток, были отправлены назад, – им сказали, что в поезде нет мест для рядовых граждан. Еврейским студентам из Коломыи, учившимся во Львовском университете,

²⁴ Свидетельства Ш. Рыбака (ОУИ. (101)20. Л. 38) и Цви Глазера (ОУИ. (12)164. Л. 10–11).

²⁵ Свидетельство Иехудит Гиммельфарб: Архив Яд Вашем (АЯВ). ОЗ/2597. Л. 6. Ср. свидетельство «Иры»: ОУИ. (12)174. Л. 24.

удалось взобраться на поезд, однако охранники высадили мужчин и разрешили эвакуироваться только девушкам. Студенты продолжили свой путь пешком; многие погибли по дороге²⁶. Во Львове поезда отдали в распоряжение семей советских служащих и офицеров Красной Армии. Однако поскольку их продолжали использовать для транспортировки осужденных и их семей, не осталось места даже для членов Коммунистической партии и сочувствующих, не говоря уже о семьях рядовых граждан²⁷.

4. Многие евреи, все же решившие бежать на восток, столкнулись с неожиданным препятствием на старой советской границе, до которой они добрались на поезде или пешком. Выяснилось, что на многих участках границы все еще действуют ограничения на въезд жителей аннексированных территорий. Порядок, применявшийся при выделении транспортных средств и разрешений на эвакуацию, действовал и здесь: разрешения на въезд на территорию Советского Союза получали прежде всего советские служащие и члены их семей. Чиновники местных органов власти, работники промышленных предприятий и других учреждений, которые были эвакуированы в организованном порядке, равно как и обладатели партийного билета и специальных разрешений, выданных службами безопасности, тоже могли рассчитывать перейти границу. Но десятки тысяч рядовых граждан (значительное число которых составляли евреи) были задержаны на пограничных пунктах – путь на восток был для них закрыт. Еврейских беженцев из местечка Ольшаны в Западной Белоруссии, добравшихся до городка Радошковичи на старой польско-советской границе (на подводах, на велосипедах и пешком), встречали щиты, на которых было написано по-русски, что каждый, кто пересечет границу без разрешения, будет расстрелян. Пограничники приказали беженцам, собравшимся на пропускных пунктах, вернуться домой: «Ночью мы не колеблясь будем стрелять в любого, кто находится вблизи границы»²⁸. Молодые

²⁶ Yosef Kermish, "Shoat yehudei Kolomiya bi-froz milhemet ha-olam ha-shniya" // *Sefer zikaron le-kehilat Kolomiya ve-ha-sviva*, (Irgun yozei Kolomiya ve-ha-sviva, 1972) pp. 272–273.

²⁷ Tanya Fuks, *A vanderung iber okupirte gebitn* (Buenos Aires, 1947), p. 112. Ср. свидетельство Адольфа Эрба: АЯВ. ОЗ/1796. Л. 3.

²⁸ Pesah Gershonovitz, "Untern daitshishn rezhim" // *Lebn un umkum fun Olshan* (Tel Aviv: Irgun yozei Olshan be-Yisrael, 1965), p. 195.

евреи из Несвижа, добравшись до старой границы (в десяти километрах от их местечка) на четвертый день войны, получили приказ вернуться домой, чтобы «не создавать панику в то время, когда немцев отбрасывают назад». Когда они отказались сделать это, часовые навели на них оружие. Лишь немногим удалось проскользнуть через границу²⁹.

Тысячи эвакуированных и беженцев из балтийских стран, включая членов Коммунистической партии и госслужащих, были задержаны на несколько дней на старой советско-латвийской границе возле Себежа, под тяжелыми бомбардировками вражеской авиации, «вплоть до получения инструкций из Москвы»³⁰. Командир в ранге генерала даже утверждал, что «если на самом деле среди тысяч людей, ожидающих на границе, действительно найдутся один или два шпиона, то пусть лучше немецкая авиация уничтожит всех, кто пытается пересечь границу в Россию, чем два шпиона проникнут в нашу страну»³¹. Задержка эта привела к катастрофическим последствиям для евреев: многие вернулись в свои дома, где сразу же попали в руки немцев и их пособников из числа латышей, украинцев, литовцев и других. Иногда пограничники заставляли беженцев садиться в поезда, идущие на запад³².

Когда наконец пропускные пункты на границе открылись для всех желающих (по распоряжению сверху или просто из-за того, что часовые бросили свои посты с приближением немецких войск), было уже слишком поздно. Ожидавшие рассеялись по округе, и большинство попало в руки немцев и сотрудничавших с ними националистических банд.

5. Впрочем, не везде советские власти создавали преграды и трудности на пути еврейских беженцев. Показания очевидцев и воспоминания свидетельствуют о сочувствии и помощи, которую обычно оказывали им в тех местах, где военная ситуация была

²⁹ Cholawski, *Ir ve-yaar be-mazor*, p. 47; ср.: M. Gefen et al., *Sefer ha-partizanim ha-yehudim*, vol. 1, p. 545; *Sefer Nesvizh* (Merhaviya, 1958), p. 121.

³⁰ Yankl Piker, *Azoi iz geven* (Tel Aviv, 1979), p. 77; ср.: Hana Lea Kravchuk, "Mir antloifn fun der heim" // *Yanova al gadot shel Viliya* (Tel Aviv, 1973), p. 393 (Янова (Йонава) – местечко в Литве. – Примеч. ред.); свидетельство Хаи Зимзон (АЯВ. М.1.Е-1909. Л. 2–3, 11–12).

³¹ Свидетельство Шауля Бейлинзона: ОУИ. (12)276. Л. 5.

³² Анонимное свидетельство: АЯВ. 2243/77152-А; Е. Pomeranz, *Be-redifa aharei ha-emei*, pp. 83–84.

относительно благоприятной, а расстояние до линии фронта и наличие транспортных средств позволяли помочь. Так счастливо сложились обстоятельства, например, в местечке Рокитно на Волыни. Рокитно располагалось возле старой польско-советской границы и было эвакуировано на относительно раннем этапе (10 июля 1941 года):

Распространились слухи о том, что НКВД выдаст разрешения на переход границы в Советскую Россию. На рассвете уже собралась длинная, изогнутая очередь, состоявшая в основном из евреев, нетерпеливо ожидавших кусочка бумаги, который давал им проблеск надежды. Слухи оправдались: разрешения действительно были выданы, и еврейские жители начали искать транспорт, в основном лошадей и подводы. О поездке на поезде можно было только мечтать, но благодаря усилиям местного комитета Коммунистической партии был найден товарный вагон... Мы приехали на пропускной пункт на старой советско-польской границе... Проверка документов была короткой, и нам разрешили продолжить наше путешествие³³.

Беженец из западной Польши, который в конце 1939 года проскользнул через советско-литовскую границу и оставался в Вильнюсе вплоть до начала войны в июне 1941 года, пишет в своих воспоминаниях о том, что русские в те дни вели себя весьма человечно:

Семьям русских офицеров выделили автомашины для поездки на восток, и женщины хотели взять с собой домашнее имущество. Однако офицеры, отвечавшие за эвакуацию, выбросили весь скарб из машин, сказав им, что спасать нужно людей, а не вещи. Благодаря их вмешательству нам удалось посадить в машины еще нескольких женщин³⁴.

Военные обстоятельства и географические особенности Эстонии позволили эвакуироваться в СССР всякому, «кто того пожелал». Хотя определенные документы все же требовались (в частности, разрешение на эвакуацию), вплоть до августа 1941 года (то есть первые шесть недель после начала войны) достать их было не

³³ Yaakov Shvarz, "Yeziyat Rokitne" // *Rokitne ve-ha-sviva*, (Irgun yozei Rokitne ve-ha-sviva, 1967) pp. 251–252.

³⁴ Свидетельство Шломо Гейзлера: АЯВ. ОЗ-1565. Л. 8.

очень сложно³⁵. Власти Бессарабии тоже не чинили особых препятствий тем, кто просил специального разрешения на переход реки Днестр, по которой проходила старая советско-румынская граница. Согласно показаниям, большинство беженцев были евреями. Более того, после принятия решения о тотальной эвакуации региона власти оперативно возвели целый ряд временных мостов и переправ через реку, в дополнение к существовавшим мостам, которые не справлялись с огромным числом эвакуируемых. Иногда солдат Красной Армии специально посылали перевезти на лодках группы евреев, появившихся «в последний момент» на правом берегу Днестра, там, где других средств переправы не существовало³⁶.

Учитель иврита из селения Маркулешты (Мэркулешть), который в ходе своего бегства на восток попал в одну из деревень на берегу Днестра, дал характерное описание помощи, которую советские власти оказывали еврейским беженцам:

Жители бежали во всех направлениях, готовясь пересечь Днестр, чтобы спасти свою жизнь и жалкие пожитки. Советские власти, в свою очередь, пытались в последний момент организовать спешную эвакуацию. Все ожидали, что Красная Армия возведет временный мост через реку, который позволит бежать всем желающим. Однако из-за отсутствия необходимых инструментов и материалов работа продвигалась очень медленно. Время поджимало. Части Красной Армии появились на западном берегу Днестра, и вслед за ними шли ненавистные нацисты со своими румынскими помощниками... Мы стояли, слушая плохие новости, когда к нам подошел еврей и сообщил нам, что какой-то солдат, по-видимому, пограничник, сидит под деревом на соседней улице и раздает документы всем желающим пересечь Днестр, чтобы попасть на Украину... Через полчаса я стал обладателем документа, согласно которому я был беженцем из Маркулешт, учителем по профессии, и вместе со мной была моя семья из трех человек. Позднее это временное удостоверение несколько раз помогло мне выкрутиться из опасных ситуаций и, что даже более важно, предоставило мне возможность добыть немного еды... В документе не указывались ни мое национальное

³⁵ См. свидетельства Ш. Рыбака (ОУИ. (101)20. Л. 42–44), Гиты Каплан (ОУИ. (101)25. Л. 33), М. Гельцера (ОУИ. (101)19. Л. 8–9), Цви Глезера (ОУИ. (12)189. Л. 10–11), Ривы Цымбаловой (ОУИ. (12)236. Л. 7–8).

³⁶ Свидетельство «Адами»: ОУИ. Л. 23.

происхождение, ни предмет, который я преподавал в прошлом, ни моя социальная или идеологическая принадлежность... Тем временем на место продолжали прибывать все новые и новые части отступавшей Красной Армии. В деревне нарастал ажиотаж по мере того, как к ней приближались вражеские войска. Это трудное положение заставило власти завершить строительство моста. К вечеру в субботу армия сдвинулась с места и начала переходить через реку по мосту. Наша очередь наступила около полуночи: мы пересекли Днестр на подводе, доставившей нас в ближайшую деревню Каменка³⁷.

Свидетельства очевидцев содержат слова благодарности за помощь и сочувствие, которые оказывали еврейским беженцам Красная Армия и советские власти с момента получения разрешения на переход границы и до фактической переправы через Днестр. Относительно небольшое расстояние отделяло большинство деревень от восточной границы, и добраться до нее на подводе, запряженной лошадей или волом, не составляло труда. После того как беженцы оказались на восточном берегу реки, им разрешили сесть в поезда, идущие на восток, не взяв платы за проезд. Бегство евреев носило массовый характер, и в некоторых местных селениях оставшиеся начали беспокоиться, что не смогут собрать миньян³⁸ для молитвы³⁹.

И в других местах еврейские беженцы получали помощь и теплое, человеческое отношение. Советский служащий, отвечавший за транспорт в местечке Новый Свержень в Западной Белоруссии, приложил огромные усилия, чтобы помочь одному из местных жителей, еврею, бежать из города. Он знал, что этот человек был политическим заключенным при польской власти и «будет в числе первых жертв после прихода немцев». Секретарь местного комитета Коммунистической партии в местечке Давид-Городок в Полесье помог двадцати местным жителям – молодым людям и девушкам, которых пограничники остановили на границе, – получить разрешения на въезд на территорию России. В городе

³⁷ М. Ben-Berit, "Be-derekh le-Ukraina", p. 384.

³⁸ Миньян – минимальное число евреев – взрослых мужчин (десять человек), необходимое для коллективной молитвы. – *Примеч. ред.*

³⁹ Н. Mundryan, "Im ha-Shoa", p. 149; ср.: Y. Schildkraut, *Al hurvot Besarabiya*, p. 249.

Вильянди в Эстонии местные власти всячески старались убедить местных евреев принять участие в организованной эвакуации. Альфреда Пикк, старая коммунистка, возглавлявшая горсовет, лично обошла семьи всех евреев города⁴⁰. В результате по меньшей мере половина еврейского населения Вильянди эвакуировалась на территорию СССР. Усилия по эвакуации евреев предпринимались властями и в других местах.

Однако за исключением указанных выше немногочисленных случаев, в которых евреям уделялась особая забота, советские власти проявляли прагматичное, а иногда и циничное отношение к еврейским беженцам и эвакуированным, – вследствие указаний вышестоящего руководства или по личным соображениям. Как бы то ни было, трудности, с которыми столкнулись еврейские беженцы, не были следствием враждебной политики или намеренной дискриминации. Вместе с тем, принятый в просоветских кругах взгляд, согласно которому советское правительство в годы Второй мировой войны организовано спасало своих еврейских граждан, не имеет под собой никаких оснований. Разумеется, большинство евреев – жителей аннексированных территорий (как эвакуированные в организованном порядке, так и бежавшие из мест своего проживания самостоятельно) не смогли бы выжить без помощи советских властей, однако власти действовали в рамках общей политики, не отдавая какого-либо предпочтения евреям.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря действиям советских властей десятки тысяч евреев избежали Освенцима, Трешлинка и Понар (иногда довольно странными путями, включая ссылку в Сибирь). Хотя без этого их спасение оказалось бы невозможным, соображения человечности, не говоря уже о желании спасти евреев, сыграли здесь весьма незначительную роль.

Евреи, проживавшие в городках и деревнях вблизи советско-германской границы, первыми бросили свои дома и побежали на восток⁴¹. Евреи – жители районов, располагавшихся к востоку от границы, сердечно приняли беженцев в своих домах. Спустя день или два, однако, с приближением немецких войск, сами хозяева вливались в поток беженцев, направлявшихся на восток.

⁴⁰ Свидетельство М. Эйдельберга: ОУИ. (101)23. Л. 8.

⁴¹ См. примеч. 53.

Сотрудники служб безопасности, высокопоставленные чиновники государственных учреждений и общественных организаций и директора фабрик получили разрешение взять с собой свои семьи. Иногда они выделяли в автомашинах места для друзей и родственников. Случалось, что видным госслужащим-евреям и их семьям давали разрешение сесть в поезда, предназначенные для семей советских офицеров. Евреи-водители были особенно востребованы, так как неевреи часто отказывались выполнять работу шоферов по личным или национальным соображениям, а те, кого заставляли вести машину под дулом пистолета, убегали при бомбардировках, нападениях националистов и т. д.⁴² Иногда врачам, которых мобилизовывали для сопровождения раненых солдат или для оказания медицинской помощи в дороге, разрешали взять с собой семьи.

Членам Союза писателей из города Белосток (большинство из которых были местными евреями или беженцами из западной Польши) предоставили специальный вагон в одном из последних поездов, отправлявшихся в Россию⁴³. Кое-где молодым евреям, членам комсомола и таких созданных в это время организаций, как «Рабочая гвардия» или истребительные батальоны, предлагали эвакуироваться. Вероятно, молодежь приводило в эти новые формирования желание сражаться с нацистским врагом, подступавшим к воротам их городов. Неслучайно бойцами этих отрядов, как правило, были молодые люди 17–25 лет, принадлежавшие к самым разным социальным слоям и придерживавшиеся самых разных идеологических взглядов⁴⁴. В Эстонии, где происходили длительные

⁴² Y. Piker, *Azoi iz geven*, p. 76; ср. свидетельства Ашера Лейтмана (ОУИ. (12)194. Л. 10), Рафаэля Голана (ОУИ. (12)192. Л. 11) и Меира Крона (ОУИ. (12)213. Л. 5).

⁴³ Организованная эвакуация писателей стала возможной после того, как делегация руководства Союза писателей (Максим Танк (председатель), Давид Сфард и Бер Марк) обратилась за помощью в обком Коммунистической партии и получила от дежурного секретаря записку с указанием посадить их в поезд. См.: David Sfar, *Mit zikh un mit andere* (Jerusalem, 1984), p. 121; ср.: Sheine-Miryam Broderzon, *Mein leids-veg mit Moische Broderzon*, (Buenos Aires, 1960) pp. 31–32.

⁴⁴ Например, в Белостоке несколько бывших политических заключенных решили остаться в городе, чтобы помочь в поддержании общественного порядка (местная милиция разбежалась с приближением немцев) и защите города от врага – вопреки рекомендациям местного комитета Коммунистической партии, призывавшего их эвакуироваться. Лишь немногие выжили, присоединившись к партизанам (среди них, в частности, писатель Герш Смоляр). См.: D. Sfar, *Mit zikh un mit andere*, p. 121;

арьергардные бои, численность евреев среди бойцов в три раза превышала численность евреев в населении страны⁴⁵.

В первые дни войны евреи балтийских стран, желавшие сражаться с врагом, могли вступить в территориальные корпуса Красной Армии в своих странах. Сотни еврейских солдат проходили в них срочную службу. Обычно они страдали от антисоветских настроений, распространенных среди их товарищей. Во время боев положение еврейских солдат ухудшилось, теперь они были вынуждены опасаться товарищей по оружию – неевреев. Позднее выжившие евреи эвакуировались вглубь страны вместе с этими частями.

В других районах советские воинские части нередко были готовы провезти еврейскую молодежь через старую границу (пусть даже только часть пути)⁴⁶. Во время долгих пеших переходов, под вражескими налетами или лежа в засадах, молодые евреи и солдаты часто заводили дружбу, которая продолжалась на протяжении длительных скитаний на просторах Советского Союза. Некоторым удалось даже присоединиться к воинским частям.

Члены еврейских молодежных движений, которые поддерживали тесные связи друг с другом и вели подпольную деятельность при советском режиме, занимали видное положение в среде еврейской молодежи. Страх перед внезапной высылкой вглубь России еще до войны заставил их находиться в постоянной готовности к немедленному отъезду. С первыми известиями о нападении Германии на Советский Союз члены молодежных движений без промедления организованно двинулись на восток по следам отступающей Красной Армии. Обычно их снаряжение и высокий боевой дух соответствовали ситуации.

ср.: Hersh Smolar, "Ha-haim ha-yehudiim be-Maarav Beilorusiya" // *Shvut*, № 4 (1976), pp. 135–136.

⁴⁵ В письме от 5 марта 1976 года бывший активист еврейской общины Таллинна М. Шер сообщил автору настоящей статьи о том, что у него хранится перечень 120 еврейских бойцов истребительных батальонов в Эстонии. В другом перечне, составленном в Израиле на основании свидетельств бывших жителей Эстонии (в первую очередь Яакова Каплана из Тель-Авива, ранее проживавшего в Тарту), содержатся имена 80 человек и биографические данные некоторые из них. По меньшей мере шестьдесят из них погибли в боях. Подробнее см.: Dov Levin, "Estonian Jews in the Soviet Union, 1941–1945" // *Yad Vashem Studies*, vol. XI (1971), pp. 212–214.

⁴⁶ Aleksandr Kantorovski, "Sokulka tahat ol ha-kovshim" // *Sefer Sokulka* (Jerusalem, 1968), p. 343; свидетельство Исраэля Фридмана: ОУИ. (12)184. Л. 1–2.

22 июня, в день начала войны, наш секретариат собрался на срочное совещание. Мы решили, что весь киббуц должен немедленно двинуться на восток. Мы разделились на четыре группы и договорились встретиться на российской границе. Группа, первой прибывшая в одну из заранее согласованных точек на границе, должна была дожидаться там следующей группы; после ее прибытия первая группа снова отправлялась в путь, и так далее. Мы придерживались этого плана на всем протяжении пути. Продовольствие мы добывали совместно. Советы эвакуировали своих людей; мы пробрались в один из вагонов поезда. Одна из групп сбилась с пути. Спустя некоторое время мы обнаружили их рюкзаки с фотографиями наших товарищей. Их поезд попал под бомбежку, и все они погибли⁴⁷.

Те, кому тем или иным образом удалось прибиться к воинским частям, были защищены от немецких парашютистов и местных националистов. Однако от налетов Люфтваффе не был защищен никто. Время от времени пассажиры сходили с поездов и прятались в стороне от железной дороги, «пока худшее не закончится». Иногда они даже помогали восстанавливать разрушенное железнодорожное полотно.

В целом, однако, положение беженцев, ехавших в поездах, было несравненно лучше положения тех, кто уходил пешком, на велосипедах или на подводах. Армия не защищала их; они были легкой добычей для банд националистов, подкарауливавших их на дорогах к границе. Лишь немногим удавалось влезть на армейские грузовики⁴⁸. Беженцы искали окольные пути к пограничным пропускным пунктам, и многим действительно удавалось ускользнуть от часовых, которые могли бы отправить их обратно на запад. Вместе с тем не всех перехваченных пограничниками людей заставили вернуться назад. Мужчины, женщины и дети долгие часы и даже дни ждали в полях под палящим июльским солнцем, пока охрана не получит более благоприятные инструкции или попросту не оставит свои посты.

⁴⁷ Levi Dror, "Shomrei ha-gahelet" // *Sefer Ha-Shomer Ha-Zayir*, vol. 2 (Merhaviya, 1964), p. 227.

⁴⁸ Среди тех, кто проделал этот трудный и опасный путь под палящим июльским солнцем, был слепой латвийский коммунистический деятель Шац-Анин. Ему удалось пробиться в СССР, где он и провел годы войны. См.: M. Shatz-Anin, "Af mein lebns-veg" // *Sovetish Heimland*, № 11 (1970), pp. 148–149.

Упорство и целеустремленность часто играли решающую роль в успехе бегства⁴⁹. Тактика флангового охвата, которую применял Вермахт, заставляла беженцев тщательно планировать маршруты своего движения и постоянно ожидать внезапного появления врага. Им неоднократно приходилось менять направление и иногда идти длинными обходными путями, чтобы избежать встречи с немецким арьергардом⁵⁰. Под давлением чувства вины перед теми, кто не смог бежать, и тоски по дому многие повернули назад. Количество людей, погибших во время бегства, не поддается точной оценке:

Покинув свои дома в спешке, без каких-либо транспортных средств, они начали отставать. Вскоре немцы, которых они наняли, чтобы подвезти свои пожитки, взбунтовались, поубивали их и разграбили багаж на подводах. Земля поистине горела под ногами у беженцев. Они даже не могли заставить себя оглянуться назад. Вражеские самолеты непрерывно бомбили дороги, чтобы задержать отступающую советскую армию. Бомбы создавали глубокие воронки на бессарабских грунтовых дорогах и приводили к многочисленным жертвам. Поезда также бомбили с воздуха, и множество пассажиров погибло. После налета беженцы сходили с поезда и рыли братские могилы на обочинах железной дороги, чтобы похоронить своих близких. В некоторых случаях они едва покрывали неглубокие могилы землей, и собаки могли глотать похороненные тела. Каждый новый воздушный налет заставлял людей прекратить рыть могил и броситься в бегство... Земля Бессарабии и Украины была усеяна еврейскими трупами⁵¹.

Всеобщее замешательство, вызванное вторжением, исключало организованную эвакуацию и тем более какой-либо контроль за массовым стихийным бегством людей. В тех регионах, где продвижение противника было относительно медленным, – например, в Эстонии и Бессарабии, – власти могли осуществлять определенный надзор над организацией эвакуации. Для этого была введена

⁴⁹ E. Pomeranz, *Be-redifa aharei ha-emet*, pp. 83–84.

⁵⁰ Поскольку прямое железнодорожное сообщение с территорией СССР было отрезано, путь многих еврейских беженцев из центральных районов Латвии проходил через восточную Эстонию, а евреи Литвы бежали в направлении Пскова через восточную Латвию. Многие застряли на старой советско-латвийской границе в районе городка Зилупе. См. свидетельство Арье Шабата: АЯВ. 2987/258. Л. 2.

⁵¹ S. Kandel, "Yamim tragiim", p. 398.

система регистрации для всех, кто рассчитывал перейти старую советскую границу через Финский залив в Эстонии и Днестр в Бессарабии.

Спустя много лет после окончания войны в Советском Союзе были опубликованы оценки числа «эвакуированных» (в советской терминологии к ним было принято относить и тех, кто покинул оккупированные районы самостоятельно). Опубликованные цифры, как правило, неполны и, за редким исключением, не содержат данных об этническом составе эвакуированных⁵².

Несмотря на неполноту данных, не вызывает сомнения, что численность евреев среди эвакуированных превышала их процент в общем населении. Это объяснимо: многие евреи были служащими государственных и общественных учреждений; кроме того, евреи категорически не желали оставаться под нацистской оккупацией. Еврейские служащие, эвакуированные в организованном порядке, старались брать с собой свои семьи, в то время как в среде их нееврейских коллег семейная солидарность была не столь развита. Неевреи меньше опасались, что их близкие подвергнутся преследованиям нацистских властей.

Масштабы эвакуации и бегства евреев из аннексированных областей определялись сочетанием ряда факторов. Главными среди них были высокая мотивация; способность и желание властей оказать помощь, материальную и моральную; расстояние до старой советско-польской границы⁵³; промежуток времени между началом войны и захватом соответствующего места немецкими войсками; доля евреев в населении и их позиции в партийных и советских органах и в экономике; качество транспорта; и, наконец, решающий фактор – решение наступающей армии обойти с фланга или, наоборот, захватить соответствующую местность.

⁵² Регистрация эвакуированных из Литвы, проведенная в СССР 25 мая 1943 года, показала, что из 19 592 беженцев 8 050 человек были евреями. Около 5 500 евреев являлись гражданскими лицами, а остальные – солдатами, мобилизованными в Литовскую дивизию. См.: S. Varašinskas, *Karo sukuriose* [«События войны»; на литовском яз.] (Vilnius, 1970), pp. 38–39.

⁵³ Статистические данные о евреях, бежавших с Волыни, свидетельствуют о значении этого фактора. Процент евреев, которым удалось спастись из пяти городов, расположенных поблизости от старой советской границы, был следующим: Рокитно – 25 %, Корец – 20 %, Мизоч – 15 %, Острог – 10,5 %, Дубровица – 7,8 %. Ср. процент уцелевших беженцев из пяти местечек, располагавшихся на наибольшем удалении от старой границы: Турыйск – 3 %, Мацеев – 2,5 %, Ковель – 1,6 %, Луцк – 1,5 %, Устилуг – 0,3 % (см.: Shmuel Spector, *Shoat yehudei Vohlin* (Jerusalem, 1986), pp. 49–50.

Общее число еврейских беженцев и эвакуированных, происходивших из западной Польши и аннексированных территорий, можно оценить в 140 000 – 170 000 человек⁵⁴. 50 % из них бежали из балтийских стран и бывших румынских территорий, 50 % – с бывших польских земель. Эти цифры включают в себя тысячи евреев, которые на момент начала войны уже находились на территории собственно Советского Союза (проходили воинскую службу, были в командировках, учились в университетах, отдыхали в санаториях, работали и т. д.). Численность евреев, ускользнувших от наступавших немецких армий, не превышала 7 % от общей численности еврейского населения оккупированных районов.

Как отдельная статья впервые вышло по-английски под названием "The Fateful Decision: The Flight of the Jews into the Soviet Interior in the Summer of 1941" в Yad Vashem Studies, том 20 (1990) pp. 115-142. Перевод с английского Бенциона Дымерского.

⁵⁴ Ниже приводится распределение численности бежавших евреев по странам и регионам:

Восточная Галиция	26 000 – 35 000
Западная Белоруссия	22 000 – 30 000
Волынь	12 000 – 13 000
<hr/>	
Всего (бывшие польские территории)	60 000 – 78 000 ^a
Северная Буковина	5 000 – 10 000
Бессарабия	45 000 – 50 000
<hr/>	
Всего (бывшие румынские территории)	50 000 – 60 000 ^b
Литва	14 000 – 15 000 ^c
Латвия	14 000 – 15 000 ^d
Эстония	2 000 – 2 500 ^e
<hr/>	
Всего (балтийские страны)	30 000 – 32 500

Следует отметить, что и Волынь, и Бессарабия были захвачены в течение месяца. При этом только 5 % евреев Волини сумели спастись, в то время как среди евреев Бессарабии этот показатель составлял 25 %. Шесть процентов евреев бежали из Литвы, территория которой за несколько дней была полностью оккупирована. Эта высокая цифра может быть объяснена тем, что в Литве процент евреев, занятых в партийном, государственном, общественном аппарате и на промышленных предприятиях был несравнимо выше, чем на Волини и в других районах Западной Украины и Западной Белоруссии. Таким образом, относительно большое число евреев было включено в организованную эвакуацию.

^a Цифры по Волыни приведены в кн.: Spector, *Shoat yehudei Vohlin*, p. 51. Бернард Вейнриб оценивает общее число евреев, бежавших с бывших польских территорий, в 120 000 – 180 000 человек. См.: P. Meyer, B. Weinryb et al., *The Jews in the Soviet Satellites* (Syracuse University Press, 1953), p. 353.

^b Dov Levin, "Yehudei Besarabiya ba-shilton ha-sovyeti b-yimei milhemet ha-olam ha-shniya" // *Shvut*, № 4 (1976), pp. 101–118, 152–153.

^c Dov Levin, *Fighting Back – Lithuanian Jewry's Armed Resistance to the Nazis, 1941–1945* (New York, 1985), pp. 28–32.

^d Dov Levin, *Im ha-gav be-kir: lehimat yehudei Latviya ba-nazim, 1941–1945* (Tel Aviv, 1978), pp. 57–59.

^e Dov Levin, "Estonian Jews in the U.S.S.R., 1941–1945" // *Yad Vashem Studies*, vol. XI (1971), pp. 273–297.

О цифрах относительно Бессарабии и северной Буковины см. также: Jean Ancel, "The Romanian Way of Solving the 'Jewish Problem' in Bessarabia and Bukovina, June – July 1941" // *Yad Vashem Studies*, vol. XIX (1988), pp. 230–231.

УНИЧТОЖЕНИЕ ДВУХ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН НА УКРАИНЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА*

Старший лейтенант Эрвин Бингель
Пленный № 2406004

Среда, 15 августа 1945 года

Настоящее сообщение описывает массовые расстрелы евреев в 1941–1942 годах в Виннице и в Умани (городе и окрестностях).

Моей учебной частью был 87-й пехотный полк (Висбаден). Мы входили в состав 36-й дивизии 12-го армейского корпуса. С этим полком в 1940 году я участвовал в Западной кампании. 14 июня 1940 года я был ранен и попал в военный лазарет в Ганау-на-Майне (Германия). Оттуда я был выписан в декабре 1940 года, и поскольку ранение не позволяло мне продолжать службу в пехотном полку, а с другой стороны моя просьба об освобождении от воинской службы не была удовлетворена, то меня передали 783-му резервистскому батальону 12-го армейского корпуса. Задачей этой части было охранять пленных, взятых во время Западной кампании. Первое время наша часть выполняла эту задачу строго в соответствии с полученными распоряжениями.

1 сентября 1941 года нас сменили, а нам приказали двигаться во Львов. При этом батальон был пополнен солдатами категорий «годен к резервистской службе», «годен к работе» и «негоден к военной службе», отбракованными из различных частей.

Нашим новым объектом стал транзитный лагерь (*Durchgangslager*) для военнопленных. Охрана его была возложена на 3-ю роту под командованием капитана Беккера и на 4-ю роту под командованием оберлейтенанта Рикке. Командиром 2-й роты, вплоть до последующих событий, был я.

Сначала я оставался в Германии с моей ротой, чтобы передать каждый из лагерей части, прибывшей нам на смену, тогда как остальные две¹ роты уже двигались на Восток.

7 сентября 1941 года я прибыл к польской границе. Наш маршрут лежал через Галицию во Львов. Уже на этом пути всякому,

* Отрывки. Источник – Архив Яд Вашем, O18. 225

¹ В оригинале по ошибке – три.

кто не был полностью бесчувствен, должно было резать глаза зрелище мер, направленных против еврейского населения в этой части Польши. Вот пример: если по тротуару шли солдаты СС, а навстречу им шли евреи, то казалось чем-то совершенно естественным лишать этих людей их прав и скидывать с тротуара, как собак. Если евреи забывали вовремя снять шапку, в ту же минуту они лежали на мостовой. Все это не могло дать солдату оснований для гордости, – напротив, ему должно было быть стыдно носить военную форму страны, которая допускает такое поведение.

Глубоко разочарованные, мы ехали к месту нашего назначения. 12 сентября 1941 года мы застали в Виннице часть, которая уже приняла транзитный лагерь, расположенный на винницком аэродроме. Охрана лагеря была поручена 3-й роте под командованием капитана Беккера.

Эта рота впоследствии прославилась зверствами, совершенными ею в некоторых лагерях. Подробности я сообщу в конце своих показаний. Точные данные о людях, которые имели отношение к этому делу, приведены в конце сообщения.

Два дня спустя после нашего прибытия в Винницу нас уже отправили в Умань. 15 сентября мы прибыли в Умань. Я явился в городскую комендатуру и получил дальнейшие приказы. На меня возложено было следующее: во-первых, обеспечить охрану железнодорожных путей в этом районе; во-вторых, перекрыть подходы к аэродрому Умани. К этим приказам прибавился еще один, особый приказ, а именно: на следующий день закрыть аэродром Умани для любого транспорта, в том числе и для транспорта Вермахта.

В назначенный день моя рота, получив подкрепление, двигалась к аэродрому. Солдаты были беспокойны; они полагали – и вполне справедливо – что должно произойти нечто необычное. Из города доносилось пение русских песен; слышно было, что сюда движутся огромные людские массы. Между тем главные улицы было уже очень хорошо видно, и по этим улицам сюда шли бесконечные колонны, по шесть человек в ряд, и на ходу они пели; теперь они подходили к территории перед аэродромом. Было ясно видно, что это не только мужчины, но мужчины, женщины и дети всех возрастов. Что означало это скопление людей, не понимал никто. Происходящее стало еще загадочнее, когда мне передали приказ снять охрану с ближайших постов. Эти посты сменил обер-лейтенант фельд-

жандармерии Георг Байер, – подробные сведения о нем можно найти в конце этого сообщения. Итак, я отвел своих людей (кроме главных постов, стоявших на дороге Умань – Киев) на 400 метров. Эти люди располагались на расстоянии 200 метров от места дислокации. Тем временем полностью рассвело, и стало возможно видеть и различать все самым точным образом. Подойти ближе было невозможно, и только самое внимательное наблюдение позволяло понять, что означали все эти действия. Когда место перед аэродромом заполнилось, из города прибыли несколько грузовиков. Из них вышли несколько отделений фельджандармерии; их сразу отвели в сторону. Затем с одной машины сгрузили столы и расставили их на значительном расстоянии друг от друга. Одновременно прибыли еще несколько машин с украинской милицией, которой командовали офицеры СС.

Эта милиция, кроме прочего, привезла с собой рабочие инструменты и грузовик, груженный хлорной известью. Здесь я должен вкратце вернуться к предыдущему дню: в тот день перед аэродромом были вырыты длинные траншеи, напоминавшие ямы для хранения картофеля.

Сейчас вдоль этих траншей двигался грузовик, и через каждые 15–20 метров из него выгружали по шесть – восемь мешков хлорной извести.

Тем временем на аэродроме приземлились несколько транспортных самолетов «Юнкерс-52», из них вышли несколько подразделений солдат СС; когда все выгрузились, они присоединились к уже находившейся на месте команде фельджандармерии и построились рядом с ней. Можно было предположить, что обе команды готовятся принять присягу. Мой переводчик – он был евреем, о чем знал только я – сообщил мне, что, как ему стало известно, все это множество людей привело сюда объявление, расклеенное на всех улицах города Умани, а в районе распространявшееся украинской милицией. Объявление гласило:

ЕВРЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА УМАНИ И РАЙОНА.
ПРИКАЗ О ЯВКЕ.

**Для точного учета еврейского населения в городе Умани и районе, все евреи, без различия возраста, должны в известный им день явиться в пункт своей прописки.
Неявка повлечет за собой тяжелейшее наказание.**

В результате все, кого этот приказ касался, явились. Внешне безобидное, это объявление было каким-то образом связано с уже сделанными приготовлениями.

Но еще больше мы были потрясены тем, что увидели в последующие часы. Одному ряду евреев было приказано выйти вперед, подойти к столам и построиться перед ними. Они должны были снять с себя все, что на них было надето. У многих еще были при себе драгоценности, – их было велено положить на стол. Когда они разделись, их всех, независимо от пола, заставили выстроиться в одну шеренгу перед вырытыми траншеями, а члены команды встали позади, чтобы сделать свое бесчеловечное дело, о котором, вероятно, уже знает весь мир. Автоматами и пистолетами Р-08² эти люди уложили первую шеренгу так деловито, как будто занимались этим всю свою жизнь.

Женщин, которые несли, прижав к груди, двух-трехнедельных младенцев, также не избавили от этой ужасной процедуры. Мало того, им пришлось увидеть своими глазами, как их детей хватают за ножки, убивают ударом пистолета или приклада, а затем швыряют в яму к мертвым и умирающим. Только пережив самое худшее – увидев это, – они получали пулю, которая избавляла их от страшного зрелища.

После того как люди в первой шеренге были лишены жизни самым бесчеловечным образом, приказали подойти второй шеренге. Мужчинам, находившимся в этой шеренге, приказали выйти вперед, взять лопаты и насыпать хлорной извести на еще шевелящиеся тела. После этого им пришлось вернуться к столам и тоже раздеться.

Раздевшись, они прошли тем же путем, каким до них шли их товарищи по несчастью, но с одним отличием: теперь некоторые из людей, производивших расстрел, стали соревноваться друг с другом в жестокости, стараясь превзойти друг друга.

Воздух звенел от криков детей и умирающих в муках, и оупевший от происходящего рассудок обращался к женщинам и детям на родине: они полагали, что могут гордиться своими мужьями и отцами, они думали, что те героически сражаются за отечество в рядах германской армии, – тогда как эти так называемые отборные

² Модель парабеллума, принятая в то время на вооружение немецкой армией и полицией.

войска, по общему мнению не имеющие себе равных, в почетной форме солдат нации, совершают отвратительнейшие жестокости. Двое моих людей, которые стояли ближе всего, уже оставили свой пост раньше времени.

Оберфельдфебель Реннер, личные данные и домашний адрес которого можно найти в конце этого сообщения, отвел своих людей к нашей линии.

Кроме того, на следующий день этого оберфельдфебеля и еще одного человека пришлось перевести во Львов, в лазарет, – у них был тяжелый нервный срыв.

Акция длилась с 8 часов утра до 16:30 пополудни. В 17:00 место словно вымерло, и только бегали несколько собак, привлеченные висевшим в воздухе запахом крови. У нас в ушах все еще звучали выстрелы.

Все это могло показаться кошмарным сном, если бы не плохо засыпанные могилы, зиявшие перед нашими глазами как обвинение.

Все это было настолько непостижимо – то, что нация могла позволить себе, в лице своего верховного вождя и своих отборных войск, совершать такие деяния, которым нет никакого прощения.

Когда мы вернулись в расположение своей части, мои люди не отставали от меня, прося, чтобы я сделал запрос в комендатуре и потребовал каких-то оправданий этим действиям. Я выполнил их просьбу, а именно, я со своим ротным офицером пошел к коменданту города и потребовал у него объяснений. В ответ мне было сказано, что имеется специальный приказ рейхсфюрера СС Гимmlера, лично им подписанный.

По моей просьбе мне был предъявлен этот приказ. Вот его текст.

Солдаты Ваффен-СС!

В лесу под Винницей, Киевского округа (*Bezirk*), были зверски убиты шесть наших лучших офицеров – они найдены повешенными.

Обстоятельства таковы: их нашли голыми, висящими вверх ногами, со вспоротыми животами, из которых свисали внутренности.

В ответ на этот акт я решил принять следующие меры: поскольку с высокой уверенностью можно предположить, что это деяние совершено еврейскими партизанами, я приказываю, чтобы в Киевском округе за каждого из шести убитых офицеров умерли 10 000 евреев, вне зависимости от пола и возраста.

**Даже ребенка в колыбели следует растоптать, как ядовитую гадину.
Пусть каждый вспомнит о присяге, которую он дал, и выполнит свой долг
надлежащим образом.
Мы живем в железный век, когда необходимо мести железной метлой.**

Таков дословный текст приказа, который был передан непосредственно этой команде смерти, чтобы она выполнила его самым жутким и отвратительным образом.

Достоверно известно, что в этот день были расстреляны 24 000 человек. Это число было установлено моими людьми, и позже одной служебной (*amtliche*) газетой включено в общее число расстрелянных евреев (62 000 человек) и тем самым подтверждено; как и другие цифры, приводимые мною в этом сообщении, оно в свое время было подтверждено свободной украинской прессой.

На следующий день мне сообщили, что арестованы двое моих людей, которые фотографировали эти события; когда они проявляли пленку, на них каким-то образом донесли, и фельджандармерия их арестовала. Часть фотографий и сейчас находится у этих людей, их имена будут указаны в заключительной части моего сообщения. Оба солдата в свое время понесли наказание – отбыли год заключения в военной тюрьме, в крепости Гермерсхайм-на-Рейне³.

Единственное, что я мог для них сделать – это забрать себе часть их вещей, среди которых находились и кое-какие фотографии тех событий. Тогда я возложил на себя задачу: привезти их вещи на родину и передать их женам. Таким образом, я могу с уверенностью предполагать, что в случае надобности снимки можно получить.

В дальнейшем мы получили приказ возвратиться в Винницу, где роте поручили расчистку территории аэродрома. Двадцати процентам моих людей мне пришлось дать отпуск с 19 сентября 1941 года: после того, что они видели, от них не было никакого толку.

22 сентября 1941 года мы стали свидетелями акции, которая ни в чем не уступала уманской, с тем только отличием, что на сей раз задействовали и нас и все те же события разыгрывались поблизости от наших квартир, так что мне представилась возможность отснять целиком две пленки, чтобы иметь надежное свидетельство этого второго злодеяния, которое в свое время станет достоянием

³ В оригинале ошибочно – Гернерсхайм.

мировой общественности. Эти снимки тоже сохранились до сего дня, и их можно получить в любое время.

В этой акции, по достоверным сведениям, были убиты 28 000 евреев. Эти данные впоследствии также были подтверждены свободной украинской прессой; остальные 6 000 (вместе с которыми общее число жертв составляет 62 000⁴) были расстреляны или забиты насмерть при облавах на евреев. Подробности ниже. Список лиц, несущих ответственность за эти операции, также можно будет найти в заключительной части сообщения.

Эрвин Бингель

Пятница, 17 августа 1945 года

Продолжение сообщения от 16 августа 1945 года

После уже описанных массовых убийств в Виннице и Умани была проведена повторная акция, и вот как это произошло.

Поскольку в высших инстанциях полагали – и с полным основанием – что эти акции скорее всего уронят престиж германского военного руководства, ибо приказ выполнить эти позорные убийства был дан так называемым элитным войскам, они поступили следующим образом: они ввели в Умань украинскую милицию, обученную СС. Командовали ею также несколько офицеров и унтер-фицеров СС.

Благодаря этой мере все приобрело национальную окраску. Насколько удался этот прием, видно из сообщений так называемой свободной украинской прессы о проведенной акции. Большие заголовки гласили: «Справедливый суд народа», «Народ выносит приговор!» – а затем шло вполне откровенное изложение событий. Я должен, однако, подчеркнуть, что и эти публикации еще не сообщали всей правды. В этой акции погибли еще 6 000 человек, это число было подтверждено официально. Я должен сразу отметить, что я видел только часть этой операции, и то же самое касается моих людей, котоые указаны в этом сообщении как свидетели.

Утром в 10:15 послышались страшные крики и выстрелы; сначала невозможно было понять, что это все означает. Когда я подошел к окну, из которого был виден весь городской парк и то, что за ним, мне, а также моим людям, сбежавшимся сюда на шум, открылась следующая картина.

⁴ Так в оригинале; явная ошибка.

Конная украинская милиция, вооруженная пистолетами, ружьями и шашками, скакала как бешеная по городскому парку и вокруг. Можно было различить, что они гонят перед собой людей – женщин, мужчин и детей. Затем на этих людей обрушился град пуль. Тех, кого не сразили пулей, рубили шашками. Подобно бесовским духам эта очумелая орда, под водительством офицеров СС, гонялась за живыми людьми, за невинными детьми, матерями, стариками, которые не совершили никакого преступления, разве что избежали массового убийства, – только чтобы теперь быть застреленными или зарубленными, как загнанные звери.

Описание этой облавы украинская пресса снабдила заголовком «Страна уничтожает своих мучителей».

В последующие часы нам представилась вот такая картина. В городском парке Винницы находится цистерна для воды. К ней со всей округи свозили трупы; это была лишь часть убитых евреев. Трупы сложили в упомянутую цистерну слоями и засыпали хлорной известью.

Их оказалось двести тринадцать. Когда все закончилось, пришли люди и замуровали отверстие. С последним положенным кирпичом кровавое деяние было надежно спрятано – но вовсе не забыто.

Мы сделали все, чтобы в будущем мы могли представить доказательства. Были сделаны фотографии, составлены доклады о событиях, подписанные свидетелями, – эти документы должны были стать уникальными доказательствами. Насколько мы были правы, поступая так, свидетельствует настоящий процесс. Мне тем временем пришлось оставить Винницу и со своей ротой взять под охрану железнодорожную линию Винница – Умань.

Как-то у меня оказалось неотложное дело во Львове. Я взял машину и уехал. Когда мы проезжали Винницу, водитель внезапно остановился возле продавца газет, мой переводчик купил газету и прочел мне из нее странное сообщение, которое так меня поразило, что я решил досконально выяснить это дело.

В этом официальном газетном сообщении говорилось, что в городском парке Винницы найдены двести тринадцать трупов, и что, по всей вероятности, эти люди были расстреляны русским ГПУ. Утверждалось, что на это указывает способ, которым они были убиты. В конце статьи приводились фамилии компетентных врачей, подтверждавших это предположение.

Компетентные врачи были из Прибалтики, Польши, Бельгии, Голландии, Норвегии и с Балкан. Все эти господа, разумеется, под руководством нескольких немцев, были готовы подтвердить – и подтверждали – что им якобы известны методы русского ГПУ, в частности, специфические методы расстрела. Насколько безосновательны и смехотворны были все это притянутое за уши дело и весь этот фарс, видно из дальнейшего. Поскольку меня все это заинтересовало, я немедленно поехал к нашим прежним квартирам, чтобы своими глазами увидеть, что делается в городском парке.

И вот что я увидел: возле вышеупомянутой цистерны длинными рядами лежали трупы, выложенные на обозрение городского населения, – те самые трупы, что два месяца назад были замурованы в этой цистерне. В том не было никакого сомнения.

Глубоко потрясенные такой низостью – приписывать собственное убийство другим, – мы покинули это отвратительное место. Теперь моей задачей стало доказать безосновательность подозрений, которым подвергается государственное учреждение другой страны.

Это доказательство состоит из составленной мною собственноручно записки, подписанной очевидцами и мною...

Эрвин Бингель

Суббота, 18 августа 1945 года

Подробные сведения о тех, кто несет ответственность за убийства в Умани и Виннице

Личные данные организатора и руководителя расстрела.

Гауптштурмфюрер СС Виллерс Георг.
Возраст – 38 лет. Рост – 1 м 84 см. Удлиненное лицо, нордический, широкий нос, мощные челюсти; постоянная жестокая усмешка; длинные, женственные ладони. Шрам от студенческой дуэли от левого уха до уголка рта. Женат, двое детей. Место жительства – Берлин-Шарлоттенбург.

Этот человек приводил обе команды к присяге, а затем отвечал за весь ход операции. Он выполнял это задание с предельной жесткостью.

Его заместителем был гауптштурмфюрер СС Эрнст Кольхаммер.

Личные данные Кольхаммера.

Гауптштурмфюрер СС Кольхаммер Эрнст.
Возраст – 39 лет. Рост – 1 м 74 см. Волосы черные. Цветущий вид, лицо полное; выглядит на 28–30 лет; плотного, спортивного сложения; на правой щеке – родимое пятно размером с монету; острый, пронзительный взгляд. Вспыльчив. Место жительства – Штутгарт, 13а.

В задачу этого человека входило организовать раздевание жертв и изъятие у них ценностей, а затем гнать ограбленных к их могилам. Все это он выполнял жестоко и беспощадно, а также сопровождал всевозможными издевательствами.

Ему помогал оберштурмфюрер Ганс Иоахим.

Личные данные Ганса Иоахима.

Оберштурмфюрер Ганс Иоахим.
Возраст – 37 лет. Рост – 1 м 76 см. Волосы темно-русые. Выступающие надбровные дуги; уши немного великоваты, нос сильно искривлен; ладони очень широкие и волосатые; ведет

себя излишне самоуверенно. Женат, один ребенок. Место жительства – Коттбус, Аллерхейлигенштрассе, 52.

Этот господин был помощником Кольхаммера и соревновался с ним, стараясь ни в чем не отстать от командира. Он исполнял все приказы самым жестоким образом. Человечность он рассматривал как проявление слабости, о чем любил говорить при каждом удобном случае.

Ему помогали обершарфюреры Карлхайнц Бенке, Зигфрид Хайдеман, Эрхард Маркхубер, Карл Юнгханс.

Личные данные обершарфюреров Бенке, Хайдемана, Маркхубера, Юнгханса.

Обершарфюрер СС Карлхайнц Бенке.

Возраст – 26 лет. Рост – 1 м 74 см. Волосы черные, причесаны на левый пробор; кустистые, сросшиеся брови; широкий рот; на правой щеке маленький рубец. Холост. Место жительства – Бреслау⁵, 17.

Обершарфюрер СС Зигфрид Хайдеман.

Возраст – 26 лет. Рост – 1 м 74 см. Волосы темно-русые, сильно вьющиеся. Высокий лоб, большой тонкий нос, узкий рот; выражение лица холодное, сдержанное. На левой руке носит массивный серебряный перстень-печатку и золотое кольцо иностранной работы рядом с обручальным кольцом. Женат. Место жительства – Троппау (Верхняя Силезия)⁶.

Обершарфюрер СС Эрхард Маркхубер.

Возраст – 27 лет. Рост – 1 м 81 см. Волосы светло-русые, причесаны на правый пробор. Плотного сложения, мускулистый; лицо широкое; несколько возбужден. Всегда надут, напыщен. Голос несколько суровый. Холост. Место проживания – Мюнхен.

⁵ Ныне Вроцлав (Польша).

⁶ Ныне Опава (Чешская Республика).

Обершарфюрер СС Карл Юнгханс.
Возраст – 26 лет. Рост – 1 м 73 см. Волосы светло-русые, слегка вьющиеся. Фигура тонкая; лоб слегка покатый; ведет себя самоуверенно, говорит с расстановкой, хорошо владеет русским языком. Его отец был в русском плену во время [Первой] мировой войны. Холост. Место жительства – Дармштадт.

Эти четыре господина ни в чем не уступали своим наставникам.

Воскресенье, 19 августа 1945 года

Продолжается сообщение личных данных, начатое 18 августа 1945 года

Личные данные соучастника преступления, лейтенанта фельд-жандармерии Келлера.

Лейтенант фельджандармерии Вальтер Келлер.
Возраст – 40 лет. Рост – 1 м 73 см. Волосы темно-русые, растут плохо; залысины на висках; голова великовата, на лбу постоянно виден отпечатавшийся след от фуражки; крепкого телосложения; носит два обручальных кольца. Вдовец. Место жительства – Майнц.

Этот господин руководил захоронением жертв и приемом изъятых у них ценностей. Ему усерднейше помогал и во всем его поддерживал его помощник, гауптвахмистр фельджандармерии Георг Найдхаммер.

Личные данные оберштурмфюрера СС Йозефа Круцка.

Оберштурмфюрер Йозеф Круцек.
Возраст – 37 лет. Рост – 1 м 76 см. Волосы светло-русые. Лицо полное, круглое, цвет лица здоровый; плотного сложения; широкие ладони. Прихрамывает на левую ногу, предположительно в результате пулевого ранения. Женат, один ребенок. Место жительства – Дюссельдорф.

Этот человек руководил организованной охотой на людей; один из самых жестоких исполнителей.

Капитан фельджандармерии Фридрих Вольф.

Возраст – 42 лет. Рост – 1 м 70 см. Волосы темно-русые с проседью, зачесаны на правый пробор. Широкое, полное лицо; необычайно маленький рот; взгляд пронизывающий, голос повелительный; держится вызывающе.

Он также не раз побуждал свою команду к самым отвратительным делам.

Лейтенант фельджандармерии Франц Кнорр.

Возраст – 43 года. Рост – 1 м 74 см. Волосы черные, с сильной сединой, густые; кустистые брови; глубоко посаженные глаза, широковатые скулы; крепкого сложения. Человек очень педантичный; говорит обтекаемо и очень длинно. Кавалер Балтийского креста⁷. Женат, двое детей. Место жительства – Цвиккау (Верхняя Силезия⁸).

Этот господин издевался даже над матерями, идущими к могиле, силой вырывал у них из рук маленьких детей, чтобы одним броском швырнуть их в яму к остальным жертвам.

Лейтенант фельджандармерии Ганс Фассхубер.

Возраст – 40 лет. Рост – 1 м 70 см. Волосы темно-русые, коротко подстрижены. Лоб низкий, нос маленький, губы несколько полноватые; речь вульгарная, простонародная, почти никогда не заканчивает фраз; легко поддается раздражению и вспышкам гнева; выражение лица постоянно недовольное. Место жительства – Мюнхен.

Он тоже ни в чем не отставал от господина Кнорра.

⁷ Балтийским крестом были удостоены члены немецкого Балтийского ополчения, а также фрейкоровцы – члены добровольческих военизированных формирований бывших военнослужащих императорской армии, участвовавшие в военных действиях в восточной Германии и в Прибалтике в 1918–1919 годах.

⁸ Так в оригинале; на самом деле Цвиккау находится в Саксонии.

Обер-лейтенант фельджандармерии Иоахим Келлер.

Возраст – 42 года. Рост – 1 м 74 см. Волосы черные, всегда гладко причесаны на пробор, на висках просесть; узкое лицо; вид моложавый; голос резко контрастирует с выражением лица. Женат, двое детей. Место жительства – Эссен-Барбек.

Он тоже относился к своим обязанностям с величайшей серьезностью и ни в чем не уступал остальным.

Гауптвахмистр фельджандармерии Георг Найдхаммер.

Возраст – 39 лет. Рост – 1 м 74 см. Волосы светлые, слегка вьющиеся. Нос широковат, в остальном черты лица ничем не примечательны; крепкого телосложения. Женат, двое детей. Место жительства – Кассель, квартал казарм. Прибыл из Майнц-Гонзенхайма.

Он, в определенном смысле, был правой рукой обер-лейтенанта Келлера.

Собиранием сведений о вышеперечисленных лицах занимался обер-ефрейтор Макс Херборт.

[Обер-ефрейтор Макс Херборт.]

Место жительства – Майнц. Профессия – служащий сыскного агентства. Его профессия порукой тому, что он выполняет свое дело тщательно; фотоснимки также сделаны им. Херборт хорошо образован, у него твердые моральные принципы. Внешность солдатская; говорит коротко, сжато. Женат, отец двух детей.

Относительно личных данных конкретных людей, я должен указать, что все приведенные здесь сведения были собраны зимой 1941–1942 годов. Что касается мест их проживания, то мы их установили через жилищные ведомства, в которых обвиняемые регистрировали свои квартиры. Лица, упомянутые выше, были главными руководителями и исполнителями в акциях в Умани и в Виннице. В их подчинении находились команды следующего состава.

Команда СС состояла из людей, которым предстояло участвовать в боях под Ростовом. В то время они были маршевой ротой СС, еще не имели номера полевой почты и получили его, только когда были приданы в качестве резерва другой роте. Они были отправлены из Бреслау для пополнения формирований «Тотенкопф» («Мертвая голова»), задействованных в юго-восточном секторе. Команда фельджандармерии находилась под началом капитана Вольфа.

Его часть прошла подготовку в Майнц-Гонзенхайме и предназначалась для операций в Сербии и Хорватии. Подразделение было укомплектовано людьми, которые перед отправкой на фронт состояли в Орпо («полиции порядка») и в большинстве своем также были членами СС.

Команда состояла из двухсот сорока человек и была подчинена гауптштурмфюреру СС Георгу Виллерсу, он же и приводил ее к присяге.

Из их поведения не заметно было, чтобы они действовали по принуждению; напротив, складывалось впечатление, что этих людей отобрали из добровольцев, напросившихся участвовать в акции.

О свидетелях всех этих событий подробно рассказано на следующих страницах. Упоминаются только те свидетели, которые были живы в феврале 1945 года и с которыми я встречался и беседовал об этом деле 2 февраля в Ганау-на-Майне, когда мы твердо решили, какие действия нам следует предпринять по этому поводу.

Эрвин Бингель

Понедельник, 20 августа 1945 года

В качестве свидетелей выбраны следующие лица:

- 1) солдаты моей роты, несшие службу в непосредственной близости от места расстрела;
- 2) переводчик из моей роты;
- 3) офицер моей роты, который, кстати, позже принимал активное участие в сборе фотографий и таким образом содействовал сохранению большей части улик.

Упомянутому офицеру, лейтенанту Бергеру, командованием батальона было поручено подготовить к освобождению часть русских пленных, находившихся в транзитном лагере; речь шла о тех, кто проживал на расстоянии не свыше 60 км от Умани. Их освобожде-

ние было представлено как широкий жест по отношению к пленным. Но главная побудительная причина заключалась в острой нехватке подвозимого продовольствия: невозможно было обеспечить военнопленным даже минимальные порции еды.

В рамках этого задания лейтенанту Бергеру была предоставлена полная свобода действий; сфера его компетенции позволяла ему совершенно спокойно заниматься сбором необходимых уличающих материалов, что он и делал добросовестно, параллельно с официально порученным ему делом. Для его чувствительной, чрезвычайно восприимчивой души эта деятельность была подобна искуплению за эти отвратительные убийства.

Его личные данные – на следующем листе.

Первый свидетель – офицер моей роты. Вот его личные данные.

Лейтенант запаса Зигфрид Бергер.

Возраст – 44 года. Рост – 1 м 75 см. Волосы темно-русые, зачесаны на левый пробор; на правой щеке шрам от студенческой дуэли; узкое, овальное лицо; спортивная фигура; высокий голос; узкие ладони; на правой руке перстень-печатка. Бергер женат, отец двоих детей.

В 1936 году он вместе с семьей приехал в Германию из Америки и ему не повезло – он больше не смог получить выездной визы, чтобы вернуться туда. Так визит в Германию обернулся для него принудительным проживанием в этой стране.

Он немедленно был мобилизован на военные учения, и с этого дня ему так и не удалось получить освобождение от воинской повинности.

Его адрес: Висбаден, Невабергассе, 174.

Его часть: 7-я рота 87-го пехотного полка (Висбаден), 36-я дивизия, 12-й армейский корпус. Место его последней дислокации – Вюрцбург, где он, по всей вероятности, сдался в плен американцам (так я предполагаю, поскольку нам с самого начала было понятно, что мы должны делать).

Второй свидетель по этому делу – мой личный переводчик, вот его личные данные.

Самуэль Мецгер.

Возраст – 37 лет. Рост – 1 м 78 см. Волосы черные, коротко стриженные.

Самуэль Мецгер служил в русской армии и во время боев на Буге попал в немецкий плен. Он сын владельца чулочной фабрики Мецгера из Франкфурта-на-Майне, и я хорошо его знал с тех времен, когда я жил в этом городе. Когда началось преследование евреев, он, как и многие другие, бежал в Польшу, задержался на какое-то время в Галиции и в конце концов поселился в Буковине. Оттуда он снова вынужден был бежать, когда пришли немцы⁹. Затем он поступил на русскую воинскую службу.

Я нашел его в транзитном лагере для военнопленных и забрал оттуда, чтобы спасти от нечеловеческой участи, выпавшей на его долю.

Таким образом, он является еще и свидетелем жестокостей, творившихся в этом лагере, поскольку сам их пережил.

В качестве третьего свидетеля я могу назвать обер-ефрейтора Эрнста Фельтена. Вот его личные данные.

Обер-ефрейтор Эрнст Фельтен.

Возраст – 32 года. Рост – 1 м 68 см. Волосы темно-русые, с пробором слева; широкий выпуклый лоб, слегка изогнутый нос; рот немного широковат; отличается бледностью; говорит очень быстро.

Его учебной частью был 87-й пехотный полк (Висбаден). Его вахтенное помещение находилось неподалеку от взлетно-посадочной полосы, отсюда он мог ясно наблюдать за происходящим.

Как я уже говорил в начале своего сообщения, Фельтен был приговорен к году тюремного заключения в крепости в Гермерсхаймена-Рейне за то, что фотографировал творившиеся зверства.

Место жительства – Майнц-Гонзенхайм.

⁹ Неясное место в сообщении Бингеля. Немецкие войска оказались в Буковине (принадлежавшей до 1940 года Румынии, а не Польше) только в июле 1941 г., когда уже шла советско-германская война.

Четвертый свидетель – обер-ефрейтор Ганс Буркардт.

[Обер-ефрейтор Ганс Буркардт.]

Возраст – 32 года. Рост – 1 м 69 см. Волосы черные, волнистые, с пробором слева. Узкое лицо, маленький рот; крепкого телосложения.

Буркардт служил вместе с Фельтеном в 87-м пехотном полку в Висбадене, как и он, принимал участие в производстве фотоматериалов и, как и он, был приговорен к году в крепости. Оба – простые люди с развитым чувством справедливости.

Место жительства – Висбаден-Эрбенхайм¹⁰.

Пятый свидетель – ефрейтор Хайнц Руппенталь. Он тоже, как и Фельтен, находился вблизи от взлетно-посадочной полосы.

Ефрейтор Хайнц Руппенталь.

Возраст – 29 лет. Рост – 1 м 70 см. Волосы темно-русые, зачесанные на левый пробор; гладкое, вытянутое лицо; нос слегка изогнут. Руппенталь тоже числится в 87-м полку. Место жительства – Саарбрюккен, Коленхальде 14.

Шестой свидетель – унтер-офицер Курт Фельтер.

[Унтер-офицер Курт Фельтер.]

Возраст – 31 год. Рост – 1 м 72 см. Волосы черные, с пробором слева; полное, круглое лицо; манера речи простая; немногословен. К людям относится чрезвычайно настороженно.

Он командовал подразделением, охранявшим взлетно-посадочную полосу.

Он живет в Зоссенхайме около Майнца и тоже начинал службу в 87-м пехотном полку.

Седьмой свидетель – унтер-офицер Хайнц Хохрат.

¹⁰ В оригинале ошибочно – Эркенхайн.

[Унтер-офицер Хайнц Хохрат.]

Возраст – 32 года. Рост – 1 м 74 см. Волосы темно-русые, пробор справа; худощавая, вытянутая фигура; всегда спокоен, говорит очень мало.

Пост Хохрата был на главной трассе, ведущей на Киев.
Место жительства – Кайзерслаутерн.

Вторник, 21 августа 1945 года

Продолжение списка свидетелей от 20 августа 1945 года

Важным свидетелем следует считать **унтер-офицера Петра Крумейха**. С места его дислокации было видно почти все летное поле. Вот его личные данные.

[Унтер-офицер Петер Крумейх.]

Возраст – 32 года. Рост – 1 м 78 см. Волосы рыжие, сильно волнистые; полное, веснушчатое лицо; на правой щеке шрам от пули. Коренаст, атлетически сложен. Женат, двое детей. Его родной город – Зобернхайм около Висбадена. Начинал службу в Висбадене, в 87-м пехотном полку, в Герсдорфских казармах.

Обер-фельдфебель Реннер тоже очень важен в качестве свидетеля. Он был вынужден отвести своих людей с их поста раньше времени, поскольку они не могли больше смотреть на эти зверства. Вот его личные данные.

[Обер-фельдфебель Реннер.]

Возраст – 45 лет. Рост – 1 м 69 см. Волосы светло-русые, стрижка короткая. Держится солидно; полное лицо; венский выговор. Женат, четверо детей. Его родной город – Вена.

В заключение моего свидетельства я должен заметить следующее.

Люди, упомянутые здесь, – все они из моей роты, – приняли активное участие в сборе улик и производстве фотоматериалов. Каждый из них написал свой собственный отчет, так, как это виделось ему, без какого-либо влияния извне. Я полагаю, что таким образом

создана ясная и законченная картина, которая может служить доказательством.

Некоторые из них могут свидетельствовать также о положении в транзитном лагере военнопленных в Умани. Об этом лагере можно прочесть в моем следующем сообщении¹¹.

На этом я заканчиваю изложение доказательств по первому делу и надеюсь, как и вся моя рота, что скоро настанет день, когда виновные не избегут заслуженного ими наказания.

Эрвин Бингель, пленный № 2406004

*Впервые опубликовано по-английски и на иврите под заголовком
"The Extermination of Two Ukrainian Jewish Communities:
Testimony of a German Army Officer"
в Yad Vashem Studies том 3 (1959) pp. 283-299.
Перевод с немецкого Даниила Романовского.*

¹¹ Сообщение не приводится. Об этом лагере советская прокуратура получила свидетельство от Бингеля 27 декабря 1945 г. и изложила отрывки из него на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, 13 февраля 1946 г. См.: *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (Nuremberg, Germany, 1947)*, vol. VII, pp. 395–397.

Юрген Фёрстер

ВЕРМАХТ ПРОТИВ СССР: ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ

О войне против Советского Союза справедливо говорится, что она была «самой захватнической, поработительной и кровопролитной» войной нового времени¹. Вердикт, вынесенный Эрнстом Нольте в 1963 году, не утратил своей силы даже после геноцида режима Пол Пота в Камбодже. Совершенно особый характер германо-советской войны – в сравнении с «нормальной европейской войной», какой была война против Франции, – можно объяснить только тем, что именно на Востоке Гитлер пытался реализовать свои давние планы: захватить жизненное пространство (*Lebensraum*) для немецкой нации и уничтожить «смертельного иудео-большевистского врага». Военные действия с целью завоевания жизненного пространства и политические и полицейские меры по его удержанию являлись двумя различными аспектами большой войны на уничтожение, в которой Вермахт также должен был сыграть определенную роль. Будет полным искажением действительности утверждать, что только четыре айнзатцгруппы полиции безопасности и СД (службы безопасности) уничтожали евреев и партийных активистов. Вермахт тоже участвовал в искоренении «еврейского большевизма». И все же широкая публика в ФРГ по-прежнему отделяет военные действия против Красной Армии от одновременного массового убийства евреев, коммунистов и военнопленных. Иначе просто невозможно объяснить острую и преимущественно негативную реакцию телезрителей на «Репортаж», политическую программу на тему «Преступления германского Вермахта во Второй мировой войне», транслировавшуюся по немецкому телевидению 11 декабря 1979 года². Несмотря на упорный отказ от чрезмерных обобщений, редактор был обвинен в пристрастности и в преднамеренной клевете на немецкого солдата. Как бы ни была болезненна для старшего поколения конфронтация с этой частью прошлого Германии и какое бы раздражение ни вызывало у них выражение «непреодоленное прошлое» (*unbewältigte Vergangenheit*), историк обязан стре-

¹ Ernst Nolte, *Der Faschismus in seiner Epoche* (München, 1963), S. 463.

² См.: *Badische Zeitung*, № 40 (Feb. 16–17, 1980), S. 9.

миться к правде. «История разбивает стены самообмана, которые мы постоянно возводим, и выставляет перед нами прошлое без стеснения и без искажения»³. Воспоминания многих участников войны и их современников о лете 1941 года искажены, поскольку национал-социалистическая пропаганда особо подчеркивала бесчинства Красной Армии (особенно во время ее продвижения по территории Германии) и страдания немецких солдат в советском плену, тем самым отвлекая внимание от поведения Вермахта во время этой кампании. Впоследствии «холодная война» не только помешала изменению образа врага, но и предоставила оправдание немецкому нападению 22 июня 1941 года⁴.

Современная немецкая историческая наука в течение многих лет была слишком занята «немецкой катастрофой» (выражение, брошенное Ф. Мейнеке) и не уделяла особого внимания Холокосту⁵. Только в 1960-е годы была описана расово-идеологическая основа гитлеровской концепции войны на Востоке, а также тесная связь между военной кампанией и уничтожением евреев⁶. Может быть, поэтому некоторые немцы до сих пор воспринимают буквально национал-социалистические эвфемизмы, обозначающие процесс уничтожения. Так, завсегдатаи пивной Бюрштадта, обсуждая роль бургомистра города Эрнста Хайнрихсона в депортации французских евреев в Освенцим, охарактеризовали ее следующим циничным замечанием: «Он просто посылал евреев на работу, им это только на пользу»⁷.

Война Гитлера против СССР произрастала из его концепции потребности в жизненном пространстве, которая сочетала в себе

³ Thomas Nipperdey, "Geschichte als Aufklärung" // *Die Zeit* (Hamburg), № 9, 22, 2 (1980), S. 16.

⁴ Особенно яркий пример тому см. в кн.: Kurt Assmann, *Deutsche Schicksalsjahre: Historische Bilder aus dem zweiten Weltkrieg* (Wiesbaden, 1950), S. 227f. См. также: Erich Helmdach, *Überfall? Der deutsch-sowjetische Aufmarsch 1941* (Neckargmünd, 1975), S. 81.

⁵ См.: Konrad Kwiet, "Zur historiographischen Behandlung der Judenverfolgung im Dritten Reich" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, (Jan. 1980), S. 149–153.

⁶ Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung: Entwurf einer Herrschaft* (Tübingen, 1969); Andreas Hillgruber, "Die 'Endlösung' und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms des Nationalsozialismus" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 20 (1972), S. 133–153. И также: Martin Broszat, "Hitler und die Genesis der 'Endlösung'" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 25 (1977), S. 739–775. Английскую версию см.: "Hitler and the Genesis of the 'Final Solution'" // *Yad Vashem Studies*, vol. 13 (1979), pp. 73–125.

⁷ *Badische Zeitung*, № 274 (Nov. 27, 1979), S. 3.

экспансию на восток с искоренением большевизма и уничтожением еврейства⁸. Поскольку в этой концепции нерасторжимо слились положения социал-дарвинизма, расистские аргументы, соображения продовольственного снабжения и принципы силовой политики, нет смысла гадать, какие из этих соображений оказались более важными для Гитлера в процессе принятия решения, а какие менее. В 1940–1941 годах стратегические задачи – защита новоприобретенной германской сферы влияния от англосаксонских морских держав, а также ограничение возникшей зависимости от СССР, – сочетались с реализацией истинных целей Гитлера. Захват европейской части СССР, считавшийся необходимым для ведения войны в условиях морской блокады, одновременно предоставил возможность приступить к уничтожению еврейства. Для Гитлера еврейская власть и большевизм были идентичны. Особая ненависть Гитлера к евреям объясняется личной травмой, время которой можно установить с точностью. Эта ненависть радикально отличалась от традиционных форм религиозного, социального и конкурентного антисемитизма, однако могла использовать в своих интересах и эти формы.

Гитлеровская концепция войны на Востоке состояла из четырех элементов:

- 1) захват территорий для колонизации немецкими поселенцами;
- 2) уничтожение иудео-большевистского руководящего слоя, включая его так называемую «биологическую основу» – миллионы евреев Восточной и Центральной Европы;
- 3) истребление значительной части славян и управление оставшейся массой посредством четырех немецких «вице-королей» – рейхскомиссаров;
- 4) эксплуатация экономических ресурсов оккупированных стран для защиты будущей германской империи от любой блокады.

Захват России вернул бы Рейху статус мировой державы и даже позволил бы бросить вызов Соединенным Штатам, думал

⁸ Karl Dietrich Erdmann, *Die Zeit der Weltkriege* (Stuttgart, 1976), S. 337 (Handbuch der deutschen Geschichte, Bd. 4). О представлениях Гитлера в области экономики см. статью Крюгера (Peter Krüger) в журнале *Geschichte und Gesellschaft* (№ 6 (1980), S. 263–280).

Гитлер⁹. В середине июля 1941 года, когда Гитлер и его военное командование верили, что они победили Красную Армию, Гитлер сконцентрировал свой разрушительный план относительно Востока в короткой формуле: «Овладеть, управлять, эксплуатировать»¹⁰. Гигантский пирог необходимо было разделить правильно, так, чтобы все, кроме нескольких боковых ломтей, выданных Финляндии и Румынии, досталось Германии. Так было бы достигнуто здоровое соотношение между числом немцев и немецким жизненным пространством. На Востоке планировалось создать для немцев райский сад. Предполагалось и далее применять такие меры, как расстрел, перемещение населения и т. д., однако концепцию «нового порядка» для СССР необходимо было тщательно замаскировать. Помимо уничтожения «еврейского большевизма», экстенсивная эксплуатация оккупированных территорий на благо Вермахта и немецкого народа подразумевала голодную смерть для миллионов советских людей, гражданских и военнопленных.

С конца февраля 1941 года и далее, когда военные приготовления к операции «Барбаросса» шли полным ходом, Гитлер намекал – сначала своим советникам, а затем более широкому кругу – на свое решение вести приближающуюся кампанию как расово-идеологическую войну на уничтожение. 3 марта 1941 года он вернул черновой вариант «Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план “Барбаросса”» на доработку верховному главнокомандованию Вермахта (ОКВ), сопроводив его подробными указаниями. Грядущая кампания должна была стать не просто вооруженным столкновением, но борьбой двух мировоззрений. Советский Союз должен был быть разрушен, а «еврейско-большевистская интеллигенция», угнетавшая страну, ликвидирована¹¹. Йодль¹² инструктировал Вермахт при исправ-

⁹ Hillgruber, «*Die Endlösung und das deutsche Ostimperium*», S. 140. См. также: Norman Rich, *Hitler's War Aims: The Establishment of the New Order* (London, 1974), part 2, pp. 326–332.

¹⁰ IMT (*International Military Tribunal*), vol. XXXVIII, pp. 86–94. См. также: *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.)*. М.: Политиздат, 1968. С. 51–56.

¹¹ Hans-Adolf Jacobsen et al. (Hg.), *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab)* (Frankfurt a/M, 1961), Bd. 1, S. 341.

¹² В то время начальник оперативного отдела ОКВ. – *Примеч. ред.*

лении текста директив. Предлагалось ограничить ответственность военной администрации зоной военных действий и тыловыми зонами армий и армейских групп. Предполагалось, что необходимость немедленной ликвидации всех большевистских руководителей и комиссаров потребует использования сил СС в зонах военных действий, в дополнение к армейской ГФП (*Geheime Feldpolizei*) – секретной полевой полиции; военные же суды не будут вмешиваться в эти сферы. Через два дня новый вариант инструкции был передан на рассмотрение главному командованию сухопутных войск (ОКХ). ОКХ приняло тот факт, что особые задачи в зоне военных действий были возложены на Гимmlера (хотя после Польши уже знало, о чем идет речь). Как и в 1939 году, ОКХ предпочло сосредоточиться на военных делах и не нести ответственности за национал-социалистическую программу истребления¹³. Эта добровольная слепота означала, что никакого противодействия «Инструкциям об особых областях» ОКВ от 13 марта не будет; словом, 26 марта соглашение между армией и СС было достигнуто. Такой образ мыслей был, видимо, характерен для большинства консервативно настроенных офицеров. В качестве иллюстрации вспомним разногласия между командующим группой армий «Север» фельдмаршалом фон Леебом и командующим тыла этой армейской группы генералом Францем фон Роком, проявившиеся 8 июля 1941 года:

Рок... жалуется на массовые расстрелы евреев в Каунасе литовскими вспомогательными полицейскими частями (Schutzverbände) при подстрекательстве немецкой полиции. У нас нет контроля над такими мероприятиями. Остается только держаться на расстоянии. Рок резонно предположил, что едва ли можно таким способом решить еврейскую проблему. Более надежный путь – стерилизация всех евреев мужского пола¹⁴.

Заключая соглашение с СС, военное руководство могло первоначально верить, что на него не будет возложена ответствен-

¹³ См.: Hans Umbreit, *Deutsche Militärverwaltungen 1938/39: Die militärische Besetzung der Tschechoslowakei und Polens* (Stuttgart, 1977), S. 116–273f (Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, Bd. 18).

¹⁴ Georg Meyer (Hg.), *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb: Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen* (Stuttgart, 1976), S. 288 (Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, Bd. 16).

ность за чистки на новом жизненном пространстве¹⁵. Гитлер намеревался, однако, и Вермахт обратить в инструмент расово-идеологической истребительной войны и тем самым стереть границу между военными и политико-идеологическими операциями. Об этом намерении стало известно 30 марта 1941 года из речи Гитлера, произнесенной в Рейхсканцелярии перед более чем двумястами офицерами высшего командного состава и начальниками штабов войск, которым предстояло принять участие в операции «Барбаросса». Гитлер открыто заявил, что приближающаяся война против СССР не будет соответствовать общепринятым военным законам, но станет войной на уничтожение против идеологии и ее адептов:

*Борьба двух мировоззрений... [Б]ольшевизм: равнозначен социальному преступлению. Коммунизм – чудовищная угроза будущему. Мы должны отказаться от мысли о солдатском товариществе. Коммунист не был нашим товарищем раньше, не будет им и впредь. Речь идет о войне на уничтожение... Мы ведем войну не для того, чтобы сохранить врага... Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Борьба должна вестись против яда разложения. Здесь нет места военным судам. Командиры частей должны знать, за что идет борьба. Им вести эту борьбу! Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и работники ГПУ – преступники, и с ними надо поступать соответственно. Войска не должны выходить из подчинения. Командир должен отдавать приказы и распоряжения, считаясь с мироощущением своих солдат... Командиры должны быть готовы к самопожертвованию и уметь преодолевать свои сомнения*¹⁶.

Еще 10 февраля 1939 года, в мало кому известной в то время речи перед командирами армии, Гитлер определил будущую войну за жизненное пространство как «чисто идеологическую войну, иными словами, абсолютно национальную и расовую войну»¹⁷. Кроме того, Гитлер потребовал, чтобы его считали не

¹⁵ Так формулировались цели СС в Польше, где действия этого ведомства были направлены против еврейства, интеллигенции, духовных лиц и аристократии. Hans-Adolf Jacobsen (Hg.), *Generaloberst Halder, Kriegstagebuch* (Stuttgart, 1962; далее *Halder, KTB*), Bd. 1, S. 79 (запись от 19 сентября 1939 года).

¹⁶ *Halder, KTB*, Bd. 2 (1963), S. 336f. Приведенный текст – конспект речи Гитлера, составленный Гальдером, начальником генерального штаба ОКХ.

¹⁷ Bundesarchiv Koblenz (BA), NS 11/28, BL 86 ff. Йохен Тис первым обратил вни-

только главнокомандующим Вермахта, но и главным идеологическим лидером, которому офицеры должны быть верны при любых обстоятельствах. Его прямое требование ко всему офицерскому корпусу – быть его гвардией «до самого конца» в деле достижения идеологических целей – весьма важно для понимания отношений между Гитлером и армией, особенно в свете пророчества, сделанного Гитлером 30 января 1939 года:

*Если международные еврейские финансисты, в Европе и за ее пределами, сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе!*¹⁸

Намерения Гитлера – в том виде, в каком они были оглашены 30 марта 1941 года, – вызвали обычную реакцию со стороны Вермахта и армейского командования со всеми его отделами и подотделами. Распоряжение от 13 марта («Инструкция об особых областях») уже содержало особые указания, касающиеся поведения солдат и роли военных судов. Безо всяких протестов офицеры ОКВ и ОКХ составили в соответствии с этими инструкциями приказы, позже названные преступными, которые и определили характер войны на Востоке¹⁹: «Распоряжение о военной подсудности и судебном производстве в районе операции “Барбаросса” и об особых полномочиях войск в России» от 13 мая 1941 года; «Распоряжение № 1 о поведении войск в России» от 19 мая 1941 года; «Распоряжение об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 года. Все позднейшие утверждения военных о том, что они только исполняли приказы и даже смягчали поставленные перед ними задачи, являются чистой выдумкой.

мание на эту речь, хотя и в ином контексте: Jochen Thies, *Architekt der Weltherrschaft: Die «Endziele» Hitlers*, 2te Aufl. (Düsseldorf, 1976), S. 112f.

¹⁸ Max Domarus (Hg.), *Hitler: Reden und Proklamationen* (Neustadt a.d. Aisch, 1963), Bd. 2, S. 1058. Цит. по: И. Арад (ред.), *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)*. Иерусалим: Яд Вашем, 1991. С. 34.

¹⁹ Manfred Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat: Zeit der Indoktrination* (Hamburg, 1969), S. 390–411 (Soldatische Menschenführung in der Deutschen Militärgeschichte, Bd. 2). Helmut Krausnik, “Komissarbefehl und Gerichtsbarkeitserlaß: ‘Barbarossa’ in neuer Sicht” // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 25 (1977), S. 628–738; Christian Streit, *Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart, 1978), S. 28–61 (Studien zur Zeitgeschichte, Bd. 1).

Полагая государственную необходимость выше международного военного права, офицеры и высокопоставленные чиновники сочли необходимым представить меры, предусмотренные этими приказами, как превентивные карательные меры. Например, расстрел солдатами гражданских лиц либо оправдывался ссылками на немецкую историю после 1918 года²⁰, либо же представлялся мерой безопасности. Так военные командиры и их юридические советники превратились в «партнеров Гитлера по преступлению»²¹.

«Распоряжение о поведении войск» объявило большевизм смертельным врагом немецкой нации, приверженной национал-социализму. «Германия должна бороться против этой разрушительной идеологии и ее носителей. Эта борьба требует строгих и решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев (*разрядка моя – Ю. Ф.*), а также тотального подавления любого активного и пассивного сопротивления»²². Слова об идентичности большевизма и еврейства упали на плодородную почву. Например, уже в приказе генерала Гёпнера – командира 4-й танковой группы (до его замены зимой 1941 года), впоследствии одного из активных участников сопротивления в армии, – от 2 мая 1941 года слышны отголоски этой речи Гитлера (произнесенной 30 марта 1941 года):

*Война с Россией – это важная глава в борьбе немецкой нации за существование. Это старинная борьба германцев против славянских народов, защита европейской культуры от московитско-азиатского потопа и отпор еврейскому большевизму. Целью этой битвы должно быть разрушение сегодняшней России, поэтому борьба должна вестись с беспрецедентной суровостью. Планирование и осуществление каждой военной операции должно проводиться с железной решимостью уничтожать врага безжалостно и тотально. В особенности не следует щадить приверженцев современной русской большевистской системы*²³.

²⁰ Имеется в виду разгром Баварской советской республики в мае 1919 года. – Примеч. ред.

²¹ Robert Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia 1941* (London, 1975), p. 157 (The Politics and Strategy of the Second World War, vol. 4).

²² Цит. по: *Уничтожение евреев СССР*. С. 37.

²³ 4-я танковая группа, отдел Ia 20/41, приложение 2: "Bundesarchiv-Militärarchiv" (BA-MA), Freiburg 17 956/7. Сегодня понятно, почему командир айнзатцгруппы «А»

«Распоряжение о военной подсудности» можно рассматривать как «пример систематической проекции национал-социалистической теории на идеологического врага»²⁴. Само понятие *ius in bello* – «закона на войне» – оказывалось досадной помехой военным действиям. Поэтому генерал Мюллер, главный офицер по особым поручениям и старший офицер по связям с общественностью, отвечавший за юридические вопросы, мог 11 июня 1941 года заявить в своей лекции офицерам разведки и военным судьям, что «в будущих операциях уважение к закону должно, в определенных ситуациях, уступить место военной необходимости и возвращению к старым обычаям ведения войны... С одним из двух противников должно быть покончено. Врагов надо не сохранять, а уничтожать»²⁵. Отныне любое гражданское лицо, оказывающее сопротивление Вермахту или подстрекающее к этому, объявляется партизаном и подлежит казни. В спорных случаях офицеру достаточно подозрения, чтобы вынести смертный приговор. При нападении на Вермахт, когда невозможно достаточно быстро идентифицировать виновных, коллективные меры наказания (по предложению генерала Гальдера, начальника генштаба армии) применяют против целых населенных пунктов или групп населения. И действительно, в дальнейшем сожжение деревень, массовые казни и расстрелы без предварительных разбирательств стали общей чертой антипартизанских операций, проводимых армией.

Вне всякого сомнения, «приказ о комиссарах» был инициативой ОКХ. Увидев его первую редакцию, Гальдер одобрительно произнес: «Войска должны принять полное участие в идеологической битве Восточной кампании, – до самого конца»²⁶. Согласно «приказу о комиссарах», высокопоставленные политические функционеры и руководители (комиссары) подлежали расстрелу не только из-за подозрения во враждебных действиях, но и в силу своего высокого положения в Красной Армии или в советской си-

описывал сотрудничество с 4-й танковой группой как «очень близкое и почти сердечное» (*IMT*, vol. XXXVII, p. 671).

²⁴ Messerschmidt, *Wehrmacht in NS-Staat*, S. 409. См. также: idem, "Revision, Neue Ordnung, Krieg, Akzente der Völkerrechtswissenschaft in Deutschland 1933–1945" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 1/1 (1971), S. 61–95.

²⁵ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2672; BA-MA, 13 119/1.

²⁶ Halder, *KTB*, Bd. 2, S. 339 [запись от 6.5.1941].

стеме управления. В принятии этого приказа, противоречащего всем международным законам, главную роль сыграли опасения армейского командования, что комиссары продолжают пропаганду против Рейха даже в плену. Впоследствии главнокомандующий приказал офицерам проводить постоянные проверки в лагерях для военнопленных. Не стоит недооценивать и влияние «приказа о комиссарах» на поведение армии. Действительно ли, как утверждает Нольте²⁷, военные обычно знали, как его обойти? Количество донесений о проведенных казнях говорит само за себя²⁸. Следует ли полагать, что донесения о казнях намеренно фальсифицировались, как в свое оправдание уверяют бывшие солдаты?²⁹ Корпуса часто докладывали просто – «без происшествий», что доказывает отсутствие необходимости их фальсифицировать.

Преднамеренное искоренение идеологии происходило и в лагерях для военнопленных, находившихся вблизи арены боевых действий. Система сформировалась, когда массовые убийства перешли в ведение айнзатцгрупп полиции безопасности и СД: «Обычно советских комиссаров, высокопоставленных функционеров... расстреливали не на фронте, а в различных лагерях для военнопленных»³⁰. Во время операции «Барбаросса» ответственность за военнопленных была поделена между ОКВ и ОКХ. В самом Рейхе, в оккупированной Польше и в созданных позже рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина» ответственность лежала на ОКВ, а в зонах военных действий – на ОКХ. Уже 10 июня 1941 года главнокомандующий выразил опасение, что политкомиссары Красной Армии могут незаметно проникнуть в лагеря для военнопленных, сняв с себя знаки отличия. Две недели спустя начальник интендантской службы отдал распоряжение о «немедленной изоляции политически нетерпимых и подозрительных элементов, комиссаров и агитаторов». Командиры лагерей должны были поступать с ними «согласно особым директивам», иными словами, расстреливать их, как того требовали «Распоряжение о военной

²⁷ Nolte, *Der Faschismus*, S. 437.

²⁸ См. списки Штрайта (Streit) в *Keine Kameraden* (S. 88–89). Много дополнительных свидетельств об исполнении «приказа о комиссарах» можно найти в документах отдела Ic (BA-MA).

²⁹ См.: Meyer, *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb*, S. 61, N. 240.

³⁰ Krausnick, *Komissarbefehl*, S. 736.

подсудности» и «приказ о комиссарах». Полиция безопасности и СД еще не использовались для этих задач. «Азиаты (в соответствии с расой), евреи, говорящие по-немецки русские» тоже должны были быть отделены, но не расстреляны; их только следовало держать на расстоянии от Германии³¹. Практика эта не всегда соблюдалась: евреев расстреливали в лагерях для военнопленных в зонах боевых действий – в рамках сотрудничества с СС. Об этом свидетельствует предложение коменданта транзитного лагеря № 131 в Слониме, обращенное к Й., районному начальнику лагерей для военнопленных в тыловой зоне группы армий «Центр»: не убивать врачей-евреев «просто так»³². Донесения айнзатцгруп подтверждают это. С другой стороны, известно об отказе командира лагеря в Могилеве «отправить еврейских узников для “особого обращения” (*эвфемизм убийства* – Ю. Ф.), поскольку соответствующее управление Вермахта не издавало такого приказа»³³. 7 октября 1941 года командование армии отменило постановление, запрещающее айнзатцгрупам полиции безопасности и СД входить в лагеря в зонах военных действий; утвердив практику, принятую в сфере компетенции ОКВ с июля, оно тем самым узаконило сотрудничество с СС, уже происходившее в тыловых зонах групп армий.

17 июля 1941 года ОКВ издал приказ, где говорилось, что Вермахт должен

*...избавляться от тех элементов среди военнопленных, которые считаются движущими силами большевизма. Особый статус Восточной кампании требует особых мер, которые следует проводить безо всякого бюрократического и административного вмешательства, с готовностью принимая на себя ответственность. Если до сих пор предписания и приказы относительно военнопленных основывались исключительно на военных соображениях, то теперь должны быть достигнуты политические цели, а именно – защита немецкой нации от большевистских подстрекателей и немедленное обеспечение строгого контроля над оккупированной территорией*³⁴.

³¹ ОКН/GenStdH/Az. Gen. z.b.V. beim ObdH/GenQu/Abt. KrVerw./ Nr. II/5496/41 от 24.7.1941, BA-MA, 14 989/56.

³² BA-MA, RH 22/251.

³³ Streit, *Keine Kameraden*, S. 102.

³⁴ Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, S. 90.

После первичного разделения гражданских лиц и военнопленных по национальности (*Volkstumszugehörigkeit*) и политической благонадежности личным составом Вермахта специально обученная айнзатцкоманда полиции безопасности и СД приступала к дальнейшей селекции и ликвидации – а именно, согласно указаниям Гейдриха, отбирала всех евреев. После приказа ОКВ от 17 июля, к началу октября 1941 года была достигнута «последняя радикализация в уничтожении врагов в рамках идеологических приказов, поступавших с марта 1941 года»³⁵. По самым осторожным оценкам, от 580 000 до 600 000 советских граждан пали жертвой этой «радикализации».

Тем не менее на ранних стадиях ОКВ делало некоторые попытки соблюсти международные конвенции по отношению к советским военнопленным. Инициировал эти попытки отдел военного права бюро внешней контрразведки. Гельмут Джеймс фон Мольтке был составителем меморандума, поданного начальником разведки Вермахта адмиралом Канарисом 15 сентября 1941 года, в котором указывалось на применимость общего международного права даже в тех случаях, когда Женевская конвенция 1929 года об обращении с военнопленными не распространялась на Германию и Советский Союз. Военная традиция не позволяет убивать или ранить беззащитных людей. Однако заступничество за советских военнопленных, казавшееся особенно своевременным в свете недавно обновленного приказа от 17 июля, было отвергнуто Кейтелем: «Такая совестьливость согласуется с солдатским понятием о рыцарской войне! А мы здесь имеем дело с истреблением идеологии. Вот почему я одобряю и защищаю эту меру». В частности, Кейтель считал расово-идеологические чистки, проводимые СС, «очень уместными»³⁶. Отметим, что зимой 1941 года Клаус фон Штауффенберг³⁷ в ответ на вопрос, готов ли он активно противостоять национал-социалистическому режиму, заявил: «Во время войны не следует делать такие вещи, особенно во время войны с большевиками. Но потом, когда мы вернемся домой,

³⁵ Streit, *Keine Kameraden*, S. 93.

³⁶ *IMT*, vol. XXXVI, pp. 317–320.

³⁷ Один из организаторов покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. – *Примеч. ред.*

мы разделяемся с коричневой чумой». Гельмут фон Мольтке отреагировал на эту фразу горьким замечанием: «Они не генералы, они техники, военные техники, и все это – громадное преступление»³⁸.

В августе 1941 года полевые командиры начали критиковать «приказ о комиссарах» – не потому, что он противоречил международным законам, а по практическим соображениям: он мог привести к ужесточению советского сопротивления. 23 сентября 1941 года командование армии попросило ОКВ пересмотреть применение «приказа о комиссарах» с учетом военной ситуации. Гитлер, однако, отказался что-либо менять. Только в мае 1942 давление боевых командиров дало результаты. Действие «приказа о комиссарах» в зоне военных действий было приостановлено в надежде поощрить советских солдат к дезертирству. 1 июня перестали подвергать «особому обращению» командиров и политруков в лагерях для военнопленных; в октябре приказ был отменен. Айнзатцкомандам было приказано выяснять, кто из комиссаров и политруков дезертировал (их надлежало отправлять в концлагерь Маутхаузен), а кто был взят в плен во время боя (их следовало казнить). По отношению к «евреям, преступникам и прочим» процедура оставалась прежней, – их расстреливали³⁹.

Кроме расстрела сотен тысяч нежелательных в политическом и расовом отношении военнопленных, требует объяснения и массовая смертность солдат Красной Армии, находившихся в немецком плену. Убедительное объяснение предлагает Кристиан Штрайт: хотя и не существовало целенаправленной политики массового уничтожения пленных, на их убийства смотрели сквозь пальцы. Военное командование, рассчитывавшее на короткую войну, не торопилось решить, что делать с такой массой пленных. Задачами первостепенной важности были установление и укрепление немецкой власти на Востоке и эксплуатация источников продовольствия и сырья Вермахтом и Рейхом⁴⁰. Военнопленным выделялось минимальное количество продовольствия, – чтобы на немецкие нужды шел максимум. Норма пайка для советских

³⁸ Christian Müller, *Oberst i.G. Stauffenberg: Eine Biographie*, 2te Aufl. (Düsseldorf, 1970), S. 216.

³⁹ Streit, *Keine Kameraden*, S. 253f.

⁴⁰ *Ibid.*, S. 128f.

военнопленных во всех лагерях была установлена только 6 августа 1941 года. Для работающих пленнх она составляла 2 200 калорий, а для неработающих – 2 040 калорий. 21 октября лагерные пайки в зоне военных действий, рейхскомиссариатах и в оккупированной Польше (но не в самом Рейхе) были сильно урезаны. Рацион жиров был урезан на 34%, рацион картошки – на 44%. Рацион неработающих пленников составлял всего 1 490 калорий. Увеличивая паек для работающих пленнх, следовало применять особо строгие критерии. Начальники лагерей должны были осознавать, что «любая незаконная или чрезмерная пищевая добавка пленникам идет за счет их семей на родине и немецких солдат»⁴¹. Травма поражения 1918 года все еще сказывалась: атмосфера в тылу считалась важным фактором. Как нельзя было допустить проникновения политкомиссаров в лагеря для военнопленных на территории Рейха, так нельзя было и урезать пищевой рацион жителей Германии. Все это привело к массовой смертности среди советских военнопленных осенью и зимой 1941 года, так как даже норма пайка, одобренная 21 октября, в лагерях не выдавалась.

На встрече армейского командования с полевыми командами, состоявшейся в Орше 13 ноября 1941 года, генералквартирмейстер Вагнер объяснял: «Неработающие военнопленные в лагерях умрут от голода. В отдельных случаях разрешается кормить работающих пленников из армейских запасов. Принимая во внимание положение с продовольствием, даже это не может, к сожалению, быть оформлено как приказ»⁴². Вскоре в лагерях к недоеданию и холоду добавились сыпной и брюшной тиф. Только после провала ожидаемой молниеносной кампании, благодаря нехватке рабочей силы в военной промышленности, ценность советских военнопленных возросла и их положение улучшилось. Если в конце января 1942 года только 147 736 пленнх были заняты в военной промышленности, то к концу войны их число выросло до 750 000. Из 5,7 миллионов советских военнопленных около 3,3 миллионов погибли в немецком плену. Для сравнения: из 3,2 миллионов немецких военнопленных, находившихся в советском плену, погибли 1,2 миллиона⁴³.

⁴¹ Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, S. 142.

⁴² *Ibid.*, S. 157.

⁴³ *Ibid.*, S. 244f

Немецкая политика безопасности на восточных оккупированных территориях была исполнена противоречий с самого начала кампании. Меры военной безопасности и административные меры могли сочетаться друг с другом, или противоречить друг другу, или повторять друг друга, или исполняться совместно армией и СС. В то время как военное командование при любых признаках сопротивления в зоне военных действий требовало самых суровых мер и «безжалостных и энергичных действий против большевистских поджигателей, партизан, саботажников и евреев»⁴⁴, СС, от лица фюрера, выполняли «особые задачи по подготовке политической администрации». Задачи эти состояли не только в задержании политически опасных лиц в ходе «расследования и подавления любых попыток вражеских действий против государства и Рейха», но и в уничтожении всех евреев, – дабы заложить предпосылки для «окончательного устранения большевизма»⁴⁵.

Армия и органы безопасности должны были осуществлять самое тесное сотрудничество. В подчинении командира тыловой области каждой группы армий находились три специально организованные охранные дивизии и три батальона полиции порядка. Главные начальники СС и полиции (*Höhere SS- und Polizeiführer*) в трех секторах – северном, центральном и южном⁴⁶ – контролировали четыре айнзацгруппы, а также три полка полиции порядка. С одобрения главного начальника СС и полиции командир тыловой области группы армий мог использовать персонал полиции порядка для военных нужд⁴⁷. Разграничение функций Вермахта и СС, предложенное представителем генерал-квартирмейстера (Вермахт обеспечивает победу над врагом, а рейхсфюрер СС –

⁴⁴ ОКН/GenStdH/GenQu Abt. Kriegsverwaltung Nr. II/0315/41, 3.4.1941, BA-MA, RH 22/12; ОКВ ("Richtlinien für das Vorhalten der Truppe in Russland"), 19.5.1941.

⁴⁵ Так заявил представитель СД, полковник Нокерман, на встрече между военной разведкой ОКВ (Абвером) и ОКХ 6 июня 1941 года в Берлине (BA-MA, N 3/482-RH 19 III (688)). О деятельности айнзацгрупп см. фундаментальное исследование Краусника и Вильгельма: H. Krausnick, K. Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges* (Stuttgart, 1980) (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 22).

⁴⁶ Точнее, на территориях, носивших названия *Rußland-Nord*, *Rußland-Mitte* и *Rußland-Süd*. – Примеч. ред.

⁴⁷ См. замечание, сделанное Гиммлером 21 мая 1941 года (документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2079 и BA-MA, RH 22/156).

политический и полицейский надзор над побежденными⁴⁸), осталось чисто теоретическим. Процесс систематического уничтожения идейного противника и идеологической обработки офицеров и солдат лишил смысла подобное разграничение.

Гитлер первым разглядел шанс, предложенный ему сталинским призывом к партизанской войне за линией фронта: «Он дает нам возможность истреблять любого, кто нам сопротивляется»⁴⁹. Как нам известно, несколькими неделями ранее главный офицер по особым поручениям объяснил, как исполняется «Распоряжение о военной подсудности» в ходе операции «Барбаросса»: «Врагов надо не сохранять, а уничтожать». Поэтому приложение к «Директиве № 33 (Продолжение войны на Востоке)» от 23 июля 1941 года требовало сломить сопротивление на завоеванных территориях на Востоке не мерами судебного наказания виновного, а террором, чтобы «искоренить у населения даже мысль о непослушании»⁵⁰.

За директивой ОКВ последовал приказ ОКХ от 25 июля, подчеркивающий, что главным принципом всех действий должна быть полнейшая безопасность немецкого солдата.

*Быстрого умиротворения страны можно достичь, только если всякая угроза со стороны враждебно настроенного гражданского населения будет беспощадно пресекаться. Любая снисходительность и нерешительность – это слабость, и опасная слабость*⁵¹.

Тем не менее некоторые войсковые командиры пытались разграничить военные задачи и деятельность СС. Так, хотя солдатам не разрешалось принимать участие в массовых казнях евреев, проводимых айнзацгруппами СС, их сплошь и рядом привлекали для оцепления территории казни. Весной 1942 года тыловые командиры все еще считали целесообразным повторно издавать приказы, запрещающие участие солдат в эсэсовских акциях, – что

⁴⁸ Обсуждение от 6 июня 1941 года: ВА-МА, Н 3/482 (см.: Halder, KTB, Bd. 2, S. 485).

⁴⁹ IMT, vol. XXXVIII, p. 88.

⁵⁰ Walther Hubatsch (Hg.), *Hitlers Weisungen für die Kriegsführung* (München, 1965), S. 167f (dtv-Dokumente, Bd. 278/279).

⁵¹ ОКН/Gen z.b.V. beim ObdH/Az. 453 Gr R Wes Nr. 1332/41, 25.7.1941. ВА-МА, 14768/5 и RH 27-7/41. Цит. по: *Уничтожение евреев СССР*. С. 43.

только подтверждает существование этой практики⁵². Не только коммунистические функционеры считались «приверженцами враждебной позиции», но и евреи. Годы индоктринации Вермахта и нескончаемые речи о «еврейском большевизме» принесли свои плоды.

В результате армия и СС практически сотрудничали в преследовании евреев. Передовые части айнзатцгрупп следовали по пятам за боевыми частями, часто с прямого одобрения командиров; помимо идентификации и регистрации евреев, полевые командиры отдавали приказы об их аресте, дабы облегчить работу СС. Так, в частности, обстояло дело в зоне деятельности 57-го корпуса под командованием генерала фон Манштейна. Когда после захвата Даугавпилса в городе продолжались поджоги, командиры поспешили принять на веру заявления «гражданского населения о том, что прежде всего евреи... были прямо или косвенно виновны во всех этих диверсионных актах против войск»⁵³. После ареста мужчин-евреев ситуация в Даугавпилсе, заявили они, изменилась мгновенно. Помощник командира разведотдела (ответственный за контрразведку) исходил из опыта оккупации Резекне в начале июля 1941 года. Подразделение ГФП при помощи мотоциклетного взвода первого полка СС «Мертвая голова» арестовало взрослых мужчин-евреев, «поскольку здесь тоже приходится считаться с диверсионными актами». В конце августа 1941 года командир тыловой зоны группы армий «Юг» приказал «создавать гетто в местах со значительным еврейским населением, особенно в городах»⁵⁴. В зоне действия 99-й дивизии легкой пехоты ГФП активно занималась поиском евреев, которых потом передавала в руки СД⁵⁵. Таким образом, айнзатцгруппы имели возможность докладывать не только «об отличном сотрудничестве с военными

⁵² См. приказы 207-й охранной дивизии от 22 июля 1941 года (BA-MA, RH 22/271), командования тыла группы армий «Юг» от 29 июля 1941 года (RH 22/5), командующего группы армий «Юг» от 24 сентября 1941 года (RH 19 I/73), 27-й пехотной дивизии от 20 ноября 1941 года (RH 26-27/44), командира тыла группы армий «Юг» от 20 марта 1942 года (RH 22/24) и командира тыла группы армий «Центр» от 21 марта 1942 года (RH 22/230).

⁵³ Tätigkeitsbericht des 04, 22.6.1941 – 11.9.1941, BA-MA, 17 956/32.

⁵⁴ Bfh. Rückw. HGeb Süd, Abt VII, Anordnung Nr. 12, 28.8.1941. BA-MA, RH 22/6.

⁵⁵ Tätigkeitsbericht des Ic, Sept. 1941, BA-MA, 21 400/17. См. там же сетования дивизионного командира (26 сентября 1941 года) на то, как неохотно офицеры берут на себя ответственность за коллективные меры наказания.

руководителями, но и об удовлетворительной позиции по отношению к евреям»⁵⁶.

Не только Гитлер и СС усматривали связь между «еврейским большевизмом» и партизанским движением; военные командиры тоже видели в евреях приверженцев враждебного режима и действовали соответственно. К примеру, командир 44-й пехотной дивизии, выполняя «Распоряжение о военной подсудности», приказал 21 июля 1941 года применять коллективные меры наказания в случаях, когда личность саботажника не установлена. В характерных выражениях указывалось, что коллективные меры могут состоять в «расстреле местных евреев или русских, сожжении еврейских или русских домов»⁵⁷. 50-я пехотная дивизия указывала, что евреи, в особенности члены партии, «поддерживают радиосвязь через линию фронта»⁵⁸. Когда 3 сентября 1941 года 1-я кавалерийская бригада СС сообщила командиру тыловой зоны группы армий «Центр» об «умиротворении Припятских болот», уверяя при этом, что связь между партизанскими отрядами осуществлялась в основном евреями, а «свободные от евреев» деревни никогда и ни в каком случае не служат базами для партизан, это объяснение было с готовностью принято. С 24 по 26 сентября 1941 года генерал фон Шенкендорф⁵⁹ провел «курс борьбы с партизанами» – своего рода курс по обмену опытом между армией и СС. Главный начальник СС и полиции фон дем Бах-Зелевски говорил о задержании комиссаров и партизан, а Небе, командир айнзатцгруппы «Б», – о «еврейском вопросе в связи с партизанским движением». После «учений», проведенных полицейским полком в последний день курса по поддержанию порядка, часть 2-го полка безопасности продемонстрировала успешное овладение навыками селекции партизан, комиссаров и коммунистов, а также проверки населения⁶⁰. По рекомендации генерала фон Шенкендорфа от 31 августа 1941 года фон дем Баху была вручена планка Железного креста 2-й степени, – в благодарность за

⁵⁶ Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, S. 111.

⁵⁷ 44-я дивизия, Abt. Ia op Nr. 63/41, BA-MA, RH 26 – 44/33.

⁵⁸ Inf. Abt. Ic, Tätigkeitsbericht für die Zeit vom 15 – 31.8.1941, Ziffer 3, BA-MA, RH 26 – 50/85.

⁵⁹ Командующий тылом группы армий «Центр». – *Примеч. ред.*

⁶⁰ BA-MA, RH 22/225.

помощь СС в умиротворении страны. В начале октября командир 6-й армии фон Рейхенау, который и в прошлом неоднократно оказывал активную поддержку акциям уничтожения айнзатц-группы «Ц», довел до сознания подчиненных ему солдат свое отношение к войне на уничтожение:

На восточных территориях военнослужащий является не только борцом, сражающимся по правилам военного искусства, но и носителем национальной идеи и мстителем за все бедствия, причиненные немцам и родственным им народам. Поэтому солдат должен глубоко осознавать необходимость сурового, но справедливого наказания евреев. Другой целью является подавление в зародыше бунтов в тылу немецкой армии, затеваемых всегда, как показывает опыт, евреями... Независимо от всяких политических соображений, перед солдатами стоит двойная задача: 1) полное искоренение большевистской ереси, советского государства и его вооруженных сил; 2) безжалостное уничтожение чуждых нам коварных и жестоких элементов и, следовательно, обеспечение безопасности немецких вооруженных сил в России. Только таким образом мы выполним нашу историческую задачу – навсегда освободим немецкий народ от азиатско-еврейской опасности⁶¹.

Приказ, касающийся поведения войск на восточных территориях и названный Гитлером «превосходным», был разослан ОКХ по всем армиям и группам армий с предложением издать аналогичные директивы. Генерал фон Манштейн, командир 11-й армии, действовал согласно этому указанию. В зоне его операций, в Крыму, существовали сильные партизанские группы; там же дислоцировалась и айнзатцгруппа «Д». Вот цитата из заявления фон Манштейна 20 ноября 1941 года:

Эта борьба не ведется по европейским военным правилам – только против советской армии. Борьба продолжается и за линией фронта... Евреи осуществляют связь между врагом в [нашем] тылу и еще воюющими остатками Красной Армии и красного руководства. Они крепче, чем в Европе, держат в своих руках все ключевые посты в политическом руководстве и администрации, в торговле и промышленности и всегда являются зачинщиками беспорядков и неповиновения. Нужно раз и навсегда искоренить еврейско-большевистскую

⁶¹ ИМТ, vol. XXXV, pp. 84–86. Цит. по: Уничтожение евреев СССР. С. 52–54. См. также: Преступные цели. С. 66–67.

*систему, которая никогда больше не посягнет на наше европейское жизненное пространство*⁶².

Подобно Рейхенау, Манштейн призывал своих солдат осознать «необходимость сурово наказать еврейство – духовных переносчиков большевистского террора». Войска могли понять этот приказ как оправдание массовых казней, проводимых айнзатцгруппами «Ц» и «Д». Манштейн закончил призывом к традиционной этике солдата и высказался «против актов произвола и эгоизма». Справедливость, однако, требовалось выказывать только по отношению к «небольшевикам» и к населению, «ненавидящему русских», в особенности к татарам-мусульманам. В конце ноября 1941 года 11-я армия учредила штаб борьбы с партизанами. В соответствии с оценкой ситуации, штаб проводил либо свои собственные, либо совместные с айнзатцгруппой «Д» операции; в отдельных случаях армейские подразделения действовали под командованием СС⁶³.

Приказы, которые, без долгих рассуждений, классифицировали евреев как потенциальных соучастников партизанской деятельности, – а командиры высшего ранга признавали такую классификацию, – конечно, имели свои последствия. Так, после чистки в районе Миргорода, в тыловой зоне группы армий «Юг», 62-я пехотная дивизия казнила не только 45 партизан, но и все «еврейское население Миргорода (168 человек) за связь с партизанами»⁶⁴. 202-я запасная бригада «в качестве возмездия [за убийство немецкого военнослужащего] расстреляла 20 евреев, жителей сел Добосянка⁶⁵ и Горностаевка, и сожгла 5 еврейских домов»⁶⁶. В предварительном варианте своего заключительного донесения

⁶² *IMT*, vol. XXXIV, pp. 129–132. Jehuda L. Wallach, “Feldmarschall Erich von Manstein und die deutsche Judenausrottung in Rußland” // *Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte* (Tel Aviv, 1975), Bd. 4, S. 457–472. Цит. по: *Уничтожение евреев СССР*. С. 54–55.

⁶³ В этом контексте см. приказ ОКН/GenStdH/GenQu/H. Wes. Abt. Nr. II/7215/41 от 21 октября 1941 года (ВА-МА, RH 19 II/124), приказы АОК 11 от 14 и 29 ноября 1941 года (ВА-МА, RH 20-11/341) и документы Нюрнбергского процесса (NOKW-3453).

⁶⁴ ВА-МА, RW 41/31, 17.10.1941.

⁶⁵ Местонахождение села «Добосянка» неясно. – *Примеч. ред.*

⁶⁶ ВА-МА, RH 22/3, 3.11.1941.

44-я охранная дивизия докладывала, что «во время сражений в лесистой зоне Новомосковска... [были убиты] 305 бандитов, 6 вооруженных женщин, 39 военнопленных и 136 евреев»⁶⁷. 11 и 12 ноября 1941 года 97-я дивизия легкой пехоты провела в Артемовске рейд против коммунистов, партизан и евреев. Арестованные (12 коммунистов, 6 евреев и 6 женщин) были отправлены в концлагерь. Предполагалось, что публичное объявление об их грядущей казни предотвратит нападения на немецких военных⁶⁸. Примеры «особых мер», предпринимавшихся в борьбе с партизанами, можно приводить бесконечно.

Доклады «командующего силами Вермахта в “Белорутении” при командовании вооруженных сил “Остланда” и командира 707-й пехотной дивизии представляют собой яркий пример смеси тавтологического доказательства со «сбывшимися предсказаниями», сделанными постфактум, об успешном искоренении «еврейского большевизма»; эти доклады заслуживают пространной цитаты⁶⁹:

Было замечено, что евреи, живущие на равнинной местности, склонны уходить из своих домов, вероятно, в южном направлении, и этим они хотят избежать направленных против них операций. Поскольку они всегда действуют заодно с коммунистами и партизанами, полное истребление этого чуждого элемента продолжается (отчет за 1.10 – 10.11.1941).

Меры, предпринятые против евреев, как носителей большевистских идей и как вождей партизанского движения, дали ощутимые результаты. Следует продолжать изоляцию евреев в гетто и уничтожение евреев, обвиняемых в партизанской деятельности и агитации; это наиболее эффективное средство умиротворения страны. В этом месяце поисковые группы неоднократно отмечали и подтверждали связь евреев с партизанским движением (месячный отчет, 1.11 – 30.11.1941).

⁶⁷ ВА-МА, RH 22/3 (13.11.1941). 105-я пехотная бригада венгерской армии расстреляла 22 декабря 1941 года «еврейскую банду из 90 человек», так как они якобы снабжали партизан Корюковки продовольствием. См.: ВА-МА, RH 22/182 (выдержка из дневника боевых операций).

⁶⁸ ВА-МА, RH 22/19.

⁶⁹ ВА-МА, 18 409/33. Разрядка автора.

Доказано, что концентрация евреев в гетто повсеместно способствует благополучию населения и умиротворению страны. Она весьма ослабила беспокойство населения, возникшее вследствие слухов и агитации. Поддержка, оказываемая партизанам, значительно ослабла. Но даже сейчас мы постоянно получаем информацию о том, что евреи действуют заодно с партизанами и что значительная их часть вооружена и входит в состав партизанских банд. Кроме того, евреи постоянно замешаны в актах саботажа (отчет от 8.1.1942).

Что касается евреев и поляков, можно добавить к предыдущим отчетам, что они действуют заодно с коммунизмом и помогают ему и партизанским организациям всеми мыслимыми способами. Следовательно, – и нет исключений из этого правила, – понятия «евреи» и «партизаны» идентичны. В одном из донесений упоминается еврей, арестованный по обвинению в партизанской деятельности, которого использовали как пропагандиста. Своими речами он пытался убедить население в том, что Гомель, Могилев и Киев уже отвоеваны Красной Армией и что Советы скоро вернутся, – и тогда, без сомнения, все, кто помогал немцам, будут повешены (отчет от 1 – 15.2.1942)⁷⁰.

Умозрительная связь между массовым убийством евреев и борьбой с партизанами ни в коем случае не должна склонить нас к оправданию уничтожения евреев на оккупированных советских территориях⁷¹. Огромное несоответствие между числом убитых евреев и партизан-коммунистов в операционных докладах о текущем положении, поданных начальником полиции безопасности, а также преступные приказы командования Вермахта и директивы айнзатцгруппам доказывают, что расово-идеологическая война на уничтожение против «еврейского большевизма» считалась неотъемлемым компонентом Восточной кампании еще до начала боевых действий. Безусловно, воззвание Сталина от 3 июля 1941 года позволило Гитлеру найти действиям восточной

⁷⁰ BA-MA, WK VII/527 RH 53 – 7/v. 206 RH 26-707/v. 1. Разрядка автора.

⁷¹ Matthew Cooper, *The Phantom War: The German Struggle against Soviet Partisans 1941–1944* (London, 1979), pp. 55–57. Андреас Хильгрубер подчеркивает это в своей последней статье на эту тему, – см.: Andreas Hillgruber, “Die ideologisch-dogmatische Grundlage der nationalsozialistischen Politik der Ausrottung der Juden in den besetzten Gebieten der Sowjetunion und ihre Durchführung 1941–1944” // *German Studies Review* (Tempe, AZ), № 2 (1979), p. 284f. Он, однако, не использует новые источники.

армии психологически удовлетворительное оправдание. 25 июля 1941 года, под девизом обеспечения «полной безопасности немецкому солдату», командование армии обновило строгие приказы об обращении с советскими гражданскими лицами и советскими военнопленными, еще раз упомянув «еврейско-большевистский» характер советской системы⁷². Армия уже имела опыт применения крайне жестких мер против нерегулярных партизан («франтиреров») в Польше, но только в войне с СССР под устранение всякой активной и пассивной оппозиции была подведена идеологическая основа. Таким образом, армия, борясь с партизанами, участвовала (вместе с СС) в систематическом уничтожении большевизма, славянства и еврейства, а не вела войну по законам войны.

Евреи и коммунисты были изначально классифицированы как потенциальные партизаны и подлежали расстрелу. Советские солдаты, отрезанные от основных сил своей армии и не представшие перед немецкими властями в определенный срок, тоже считались партизанами и подлежали расстрелу. Число партизан несопоставимо с размерами немецких потерь, указанных в донесениях охранной дивизии и армейской ГФП, и эта несоразмерность заставляет предположить идеологическую подоплеку. В Белоруссии на территориях под военным управлением за один месяц из 10 940 военнопленных был расстрелян 10 431 человек, в то время как в боях с партизанами двое солдат 707-й пехотной дивизии были убиты и пятеро ранены!⁷³ А ГФП в тыловой зоне группы армий «Юг» докладывала, что в результате столкновений с партизанами с октября по декабрь 1941 года ею были расстреляны 4 150 человек (партизаны, диверсанты, парашютисты), тогда как ее собственные потери составили семь убитых и пять раненых!⁷⁴ Такая война вплотную приближается к формуле умиротворения восточных территорий, предложенной Гитлером 16 июля 1941 года: расстреливать каждого, «кто бросит косою взгляд».

В войне на уничтожение против СССР конвенциональная

⁷² ОКН/Gen z.b.V. beim ObdH/Az. 453 Gr. Rwes Nr. 1332/41, 25.7.1941. BA-MA, RH 27 – 7/41 и 14 678/5.

⁷³ Отчет 11.10 – 10.11.1941, BA-MA, RH 26-707/v.1.

⁷⁴ Der Leitende Feldpolizeidirektor beim Bfh. rückw.H.Geb. 103, TgbNr. 62/64, 15.1.1942, BA-MA, RH 22/19.

война была неразрывно слита с политическими и полицейскими мерами. Меры эти приводились в исполнение в основном СС, но при участии армии. Полное оправдание армии, равно как и полное ее осуждение, не поможет понять эту главу немецкой истории и справиться с ней. Можно ли, как предлагает Хильгрубер, провести четкую грань между сознательным отказом армии от международных законов ведения войны и организованным массовым убийством советских евреев силами СС?⁷⁵

Различие в степени вины здесь количественное, а количество – не моральная категория. В отличие от осени 1939 года, когда армия последовательно держалась в стороне от антипольских чисток, но и не возражала против запланированной политики уничтожения, проводимой СС, весной 1941 года руководство Вермахта было готово принять участие в идеологической битве против «еврейского большевизма» и превратить намерения Гитлера в приказы. Отпускающий все грехи принцип послушания или отсутствие гражданского мужества, безусловно, не объясняют позицию, занятую генералитетом. Ничуть не лучше в качестве объяснения характеристики, данные генералам современниками, такие как «военные техники» (Г. фон Мольтке) или «безнадежные ефрейторы» (У. фон Хассель). Отношения между армией и Гитлером, определявшиеся «частично совпадающими целями»⁷⁶, в ходе войны на уничтожение против СССР превратились в сотрудничество. Принцип Хеннинга фон Трескова⁷⁷ («Когда нарушаются международные законы, пусть это [первыми] делают русские, а не мы») был отвергнут офицерским корпусом. И поэтому в своей речи 30 марта 1941 года Гитлер мог публично отменить основные нормы международных законов войны, не опасаясь, что генералитет единодушно откажется ему подчиняться. 30 марта 1941 года не может считаться «часом последнего решения»⁷⁸, поскольку еще в 1938 году, не говоря уже о начале 1941, главная предпосылка

⁷⁵ Hillgruber, *“Die ideologisch-dogmatische Grundlage”*, S. 284.

⁷⁶ Выражение Мессершмидта (Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*). См. также: Messerschmidt, *“Politische Erziehung der Wehrmacht: Scheitern einer Strategie”* // М. Heinemann (Hg.), *Erziehung und Schulung im Dritten Reich* (Stuttgart, 1980), Bd. 2, S. 261–284 (Veröffentlichungen der Historischen Kommission der Deutschen Gesellschaft für Erziehung und Wissenschaft, Bd. 4.2).

⁷⁷ Офицер оперативного штаба группы армий «Центр». – *Примеч. ред.*

⁷⁸ Hillgruber, *“Die ‘Endlösung’ und das deutsche Ostimperium”*, S. 149.

возможности оказать сопротивление фюреру – чувство коллективной политической ответственности и поведенческой этики – перестала существовать⁷⁹. 30 марта 1941 года многие офицеры, поддавшись влиянию Гитлера, вступили в борьбу с враждебной идеологией. Даже такие противники национал-социализма, как Гёпнер, Штюльпнагель и Штауффенберг оказались способны сочетать свои убеждения с воинствующим антикоммунизмом. Многие офицеры заняли позицию формального повиновения и не вмешивались в процесс уничтожения. Некоторые заявляли о необходимости изменить цели и средства их достижения, так как видели в них препятствие для военной победы над СССР. Однако пока Гитлер устанавливал курс Третьего рейха, а офицерский состав ему повиновался, никакие серьезные изменения в методах ведения войны и в обращении с советскими гражданами, как с солдатами, так и с гражданскими лицами, сделаны быть не могли. Сухим языком историка трудно выразить громадность моральной вины и воздать должное миллионам жертв.

*Впервые опубликовано по-английски и на иврите как
“The Wehrmacht and the War of Extermination against the Soviet Union”
в Yad Vashem Studies, том 14 (1981) pp. 7-28.
Перевод с английского Кати Гусаровой.*

⁷⁹ См.: Klaus-Jürgen Müller, *Generaloberst Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politischen Vorstellungswelt und beruflichen Tätigkeit des Generalstabschefs 1933–1938* (Boppard, 1979) (Schriftenreihe des Bundesarchivs); Müller, *Armee, Politik und Gesellschaft in Deutschland 1933–1945* (Paderborn, 1979), S. 94–97.

Ицхак Арад

РАЗГРАБЛЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ЕВРЕЙСКОГО ИМУЩЕСТВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

Массовое уничтожение евреев на территориях СССР, с 1941 по 1944 годы оккупированных Германией, сопровождалось грабежами и изъятием имущества. К этому вела как логика «окончательного решения еврейского вопроса» в этих регионах, так и политика эксплуатации населения и народного хозяйства оккупированных земель на потребу германской военной экономики, – для нужд немецкой армии, воевавшей на Восточном фронте, нужд немецкой администрации и ее учреждений, возникших на оккупированных территориях, и нужд населения самой Германии.

Грабеж и убийство евреев на оккупированных территориях происходили в СССР иначе, нежели в странах Европы. В СССР сложились особые условия. Советских евреев убивали у расстрельных ям, выкопанных неподалеку от мест их проживания, а не в отдаленных лагерях уничтожения, так что деньги, драгоценности и остальное имущество оставались на месте. Кроме того, личная собственность евреев в коммунистической стране по определению отличалась от собственности евреев – граждан капиталистических странах Европы, оккупированных Германией. Действовавшие на оккупированных территориях СССР органы немецкой власти – немецкая армия и военная администрация, органы СС, немецкая гражданская администрация – непрерывно спорили между собой, кто хозяин еврейского имущества. Борьба за полномочия, за права на еврейское имущество была одной из самых характерных черт процесса разграбления этого имущества. Широкие массы нееврейского населения оказались замешаны в процесс грабежа в силу своей близости к еврейским соседям.

Настоящая статья описывает немецкую политику относительно индивидуальной собственности евреев на оккупированных территориях СССР, указывает, в чьих руках она оказалась, описывает борьбу между различными структурами за ее присвоение и способы грабежа. Источниками при написании этой статьи послужили частично материалы архивов и опубликованных исследований, а частично – данные недавно открывшихся советских архивов и исследований, вышедших в свет в странах СНГ в последние годы.

Характеристика собственности евреев в СССР

Говоря о разграблении еврейского имущества, осуществляемом немцами на оккупированных территориях СССР, мы будем иметь в виду присвоение собственности или любого ценного с экономической точки зрения предмета, находившегося в руках евреев. Как правило, размеры этого имущества были ограничены. В первые годы после революции, в период военного коммунизма, советская власть экспроприировала у всех своих граждан, как евреев, так и неевреев, заводы, фабрики, большие здания, земельные участки, банки и другое имущество. Похожая судьба постигла и общественную собственность – принадлежавшие еврейским общинам и организациям школы, синагоги, больницы, культурные учреждения. Годы Первой мировой войны, революция и гражданская война, погромы и сопровождавшие их грабежи и мародерство, – все это разорило евреев. Скромное имущество, накопленное мелкими еврейскими торговцами и ремесленниками в период НЭПа, в 1921–1928 годах, было конфисковано в конце 20-х – начале 30-х годов в период коллективизации.

Еврей, как и любой другой советский гражданин, мог иметь квартиру (как правило, небольшую), мебель и предметы домашнего обихода, одежду и личные вещи. В колхозах или в маленьких местечках гражданину разрешалось держать домашних животных – корову, козу и др. В собственности отдельного лица или семьи были деньги и ценности, тоже, как правило, небольшие. В этом и заключалось имущество еврея на старой территории СССР – в границах, существовавших до начала Второй мировой войны в сентябре 1939 года.

Экономическое положение евреев на территориях Западной Белоруссии, Западной Украины, стран Балтии, Бессарабии и Северной Буковины, аннексированных Советским Союзом в 1939–1940 годах, было несколько иным. Большинство еврейского населения принадлежало там к среднему классу (в лучшем случае); лишь немногие были богаты. Советский режим в самом начале аннексии национализировал банки, предприятия, компании, жилые дома, заморозил денежные вклады. Квартиры и их содержимое обычно оставались в собственности владельцев, кроме тех случаев, когда владельцы бывали объявлены враждебным советской власти элементом и арестованы или сосланы вглубь СССР.

Заработки евреев сильно пострадали; многие с трудом зарабатывали на пропитание. Так обстояло дело в первые недели и месяцы советской власти.

Вместе с тем период советского управления аннексированными территориями был столь краток, что до немецкого вторжения в еврейских руках оставались еще деньги, ценные вещи и драгоценности, в целом превосходящие по стоимости то, чем располагали евреи, проживавших в старых границах СССР. Так же обстояло дело и с квартирами. Даже при отсутствии точных данных можно с уверенностью утверждать, что индивидуальное имущество евреев в СССР (в старых границах) или на аннексированных территориях было скромнее, чем имущество евреев Центральной и Западной Европы. У советских евреев к тому же не было общественной собственности, – религиозных учреждений, школ, больниц, различных клубов и т. д., – в отличие от еврейских общин Центральной и Западной Европы. Однако на оккупированных территориях СССР проживало значительно большее число евреев, чем в Центральной и Западной Европе; их совокупное имущество составило, в пересчете на деньги, огромную и важную сумму. Это имущество включало в себя квартиры – со всем их содержимым – принадлежавшие сотням тысяч евреев, бежавших от оккупации, или эвакуированных на восток, вглубь СССР, или отправленных в гетто, или убитых. Это имущество включало в себя также вещи, деньги и ценности, отбравшиеся у жертв в местах их уничтожения.

Устройство немецкой системы – экономическая эксплуатация оккупированных территорий СССР

В приказах по планированию операции «Барбаросса» были установлены экономические задачи по эксплуатации оккупированных территорий СССР. В директивах верховного командования Вермахта, данных незадолго до операции, 13 марта 1941 года, говорится, что на военных командиров тыловых зон возложены

3. ...[И]спользование и охрана хозяйственных ресурсов страны для нужд немецкого хозяйства... использование ресурсов страны для снабжения германских войск по требованию главного командования сухопутных сил (ОКХ)...

4. Единое руководство хозяйственными инстанциями в районе боевых действий фюрер поручил рейхсмаршалу (Герингу – И. А.), который возложил эту задачу на начальника управления военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил (Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt)¹.

С целью экономической эксплуатации территорий, находящихся в ведении военной администрации, Геринг создал Штаб управления хозяйством «Восток» (*Wirtschaftsführungsstab Ost*), которому он подчинил Хозяйственный штаб «Восток» (*Wirtschaftsstab Ost*), с отделениями в каждой группе армий, до уровня городских комендатур – ОК (*Ortskommandanturen*). В зонах гражданской администрации полномочия в сфере экономики и использования народного хозяйства в военных целях и на внутренние нужды органов управления находились в руках рейхскомиссаров и подчинявшихся им административных структур. С целью эксплуатации территорий для нужд армии в зонах гражданской администрации самостоятельно действовали филиалы «верховного главнокомандования Вермахта – отдела экономики и вооружения», под началом генерала Георга Томаса. Слово генерала Томаса имело вес и в штабах по экономической эксплуатации, действовавших в зонах военной администрации².

В рамках общей ответственности все эти учреждения приписывали себе эксклюзивные полномочия в вопросе использования еврейского имущества. Однако органы СС, прежде всего айнзатц-группы, и отделения Зипо и СД претендовали на право единолично решать все вопросы, связанные с евреями, в том числе с их собственностью и ценностями. На этой почве между различными немецкими структурами возникало немало споров и разногласий. Еще одним участником грабежа и разбоя, самым важным, было местное население, действовавшее по разрешению немецких властей или без него. В руках местного населения оказалась значительная часть еврейского имущества. Экономическая эксплуатация подразумевала и использование рабочей силы, но в данной

¹ *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.)*. М.: Политиздат, 1968. С. 25.

² Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (New York: Holmes and Meier, 1985), pp. 355–357; Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945* (London: Macmillan, 1957), pp. 314–316.

статье я не буду обсуждать экономическое значение еврейской рабочей силы, а только принадлежавшую евреям собственность – недвижимое и движимое имущество, деньги и ценности.

Приказы и указания по поводу еврейского имущества

В меморандуме Министерства оккупированных восточных областей, под названием «Директивы по обращению с еврейским вопросом» (*“Richtlinien für die Behandlung der Judenfrage”*) по поводу еврейской собственности сказано:

За исключением того, что будет означено как самое необходимое для существования, вся еврейская собственность подлежит учету, конфискации и изъятию. В той мере, в какой экономическое положение позволяет, в рамках этих мероприятий необходимо как можно скорее лишить евреев контроля над их имуществом с помощью приказов и дополнительных мер, проводимых комиссариатами, чтобы пресечь, при первой же возможности, его передачу [в другие руки]³.

Во временных распоряжениях рейхскомиссара «Остланда»⁴ Гинриха Лозе от 13 августа 1941 года (пункт IVF) говорится, что еврейское имущество должно быть конфисковано и зарегистрировано, но не указано, в какие сроки. Кроме того, евреи обязаны немедленно сдать всю имеющуюся у них местную и иностранную валюту; на проживание им оставлено два рубля в день на человека. Также они должны немедленно сдать все ценные бумаги, драгоценные металлы и камни⁵. Дополнительной целью этого приказа было довести до сведения армии и СС, что все вопросы, связанные с еврейским имуществом, решает гражданская администрация, и она же – и только она – является полноправным хозяином этого имущества.

Лозе и недавно созданная гражданская администрация об-

³ Документы Нюрнбергского процесса, PS-212. Документ не датирован.

⁴ Рейхскомиссариат «Остланд» охватывал страны Балтии и большую часть оккупированной Белоруссии. В гражданской администрации рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» была принята иерархия «комиссаров». Высшей должностью был рейхскомиссар, во главе больших административных единиц стоял генералкомиссар, а во главе «округа» (*Gebiet*) – гебитскомиссар.

⁵ Документы Нюрнбергского процесса, PS-1138.

наружили, что различные учреждения уже наложили руки на еврейскую собственность. Армия и органы военного управления, контролировавшие территорию до появления гражданской администрации, успели захватить многие здания, принадлежавшие ранее евреям, конфисковать мебель и вещи для своих кабинетов и военных частей, изъять деньги и ценности на миллионы марок. Айнзатцгруппы, немецкие и местные полиции, проводившие карательные акции, присваивали вещи и ценности своих жертв. Многие местные жители вламывались в еврейские квартиры, грабили все, что попадалось под руку или, после того как хозяева бывали расстреляны, вселялись в дома убитых. «Временные распоряжения» от 13 августа 1941 года оказались недостаточно четкими: они не подчеркивали, что имущество евреев следует забрать поскорее, пока им не завладели другие структуры. Не упоминалось также еврейское имущество, уже успевшее перейти в другие руки. Чтобы исправить это положение, 13 октября 1941 года Лозе издал детальную «Директиву об аресте и использовании еврейской собственности в рейхскомиссариате «Остланд»». В ней говорилось:

1. Все движимое и недвижимое имущество еврейского населения в областях, управляемых рейхскомиссаром «Остланда», подлежит аресту...
2. Имуществом являются движимые и недвижимые предметы вместе со всеми принадлежностями, претензиями, правами участия...
3. Арест налагается рейхскомиссаром «Остланда» или уполномоченными им властями... Аресту не подлежит:
 - а) часть домашней утвари, служащей скудным жизненным потребностям;
 - б) наличные деньги, активы в банках и сберегательных кассах, как и ценные бумаги, общей ценностью до 100 рейхсмарок...

[...]

- б. Арест и денежный штраф, либо одна [из этих мер], налагаются на:
 - а) всякого, кто попытается скрыть от немецкой гражданской администрации или ее уполномоченных лиц любую часть имущества, либо помешать проведению конфискации, либо уменьшить ее объем.
 - б) всякого, кто намеренно или по небрежности не выполнит своей обязанности заявить об имуществе или не доложит или не сообщит [о нем] так, как приказано.

в) ...Если обвиняемый действовал исходя из желания оказать сопротивление, или в более тяжелых случаях, обвиняемый подлежит смертной казни...

[...]

11. Распоряжение вступает в силу в день опубликования⁶.

Для централизации использования еврейского имущества 1 декабря 1941 года Лозе издал указ о создании Опекунского управления (*Treuhandverwaltung*). Четыре филиала управления действовали в генералкомиссариатах Литва, Латвия, Эстония и «Белорутения» (куда входила часть Белоруссии)⁷.

Немецкой администрации было очень трудно получить информацию о еврейском имуществе, особенно о десятках тысяч еврейских квартир и их содержимом, захваченных чаще всего местной полицией и местными органами управления или местным населением. Обязанность регистрировать еврейское имущество была возложена на низший эшелон немецкой гражданской администрации – гебитскомиссаров. Они в свою очередь задействовали подчинявшиеся им органы местного управления, начальников городских управ (бургомистров) и сельских старост. В приказе гебитскомиссара Минского района, д-ра Ганса Кайзера, от 14 октября 1941 года говорится:

До 1 ноября 1941 г. должно быть заявлено все имущество жидовского населения. Заявлять обязан каждый, кто имеет жидовское имущество в пользовании или на хранении, а также каждый, кто, не будучи собственником, владельцем или не имея охранной расписки, распоряжается или может распоряжаться жидовским имуществом юридически или фактически. Поэтому я прежде всего требую заявления тех, кто взялся охранять еврейское имущество или завладел им иным способом. Обязаны заявлять районным бургомистрам⁸.

⁶ Verkündungsblatt des Reichskommissars für das Ostland (Oct. 24, 1941). Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР. Ф. 18 (Generalkommissariat Riga). Оп. 1. Д. 2. Цит. по: *Мы обвиняем*. Рига: Лиесма, 1967. С. 72–73.

⁷ Письмо Опекунского управления в Минске от 23 июня 1942 года о конфискации еврейской собственности и о ее использовании: United States Holocaust Memorial Museum Archive (USHMMA), RG 53002-M, Reel 22.

⁸ Р. А. Черноглазова, *Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации 1941–1944*. Минск: издатели Я. Б. Дремач и Э. С. Гальперин, 1995. С. 69. Цит. с испр.

Три дня спустя, 17 октября 1941 года, Кайзер выпустил еще один приказ, объясняя, что «все имущество евреев является государственной собственностью»⁹. После приказа Кайзера начальник Минской районной управы М. Контовт дал следующее распоряжение: «Все имущество, оставшееся от евреев, доставить в комиссариат Минского округа до 25 октября 1941 г. Скот необходимо взять на учет и временно оставить на месте, согласно указаниям, данным на совещании»¹⁰. В распоряжении не говорилось о квартирах. Подобные приказы выпустили и другие гебитскокомиссары¹¹. В приказе бургомистрам и сельским старостам в октябре 1941 года д-р Вальтер Альнор, гебитскокомиссар района Лиенау, потребовал подать ему описи еврейского имущества и возложил на них ответственность за его сохранность. Сознавая сложность задачи и пытаясь поощрить отчетность, он добавил: «Я согласен выдать или даже продать за определенную плату малоценную домашнюю утварь беднякам и нуждающимся. Что же касается остального имущества, его использование [возможно] только с моего разрешения...» Далее он указывал, что в различных учреждениях в Лиенау не хватает мебели и других предметов обихода, поэтому необходимо воспользоваться оставленными евреями вещами, находящимися в городах и местечках округа¹².

Еврейское имущество и труд евреев использовались для содержания и оплаты деятельности гражданской администрации; гражданская администрация заботилась о том, чтобы доходы от имущества поступали в ее кассу. В начале августа 1942 года Лозе передал все полномочия Опекунского управления, касающиеся еврейской собственности, в руки д-ра Карла Фридриха Виалона, начальника финансового отдела рейхскомиссариата «Остланд»¹³. 27 августа 1942 года Виалон отправил генералкомиссарам приказ под названием «Управление еврейскими гетто». Этим приказом Виалон постановил, что любой вопрос, связанный с управлени-

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 70. Цит. с испр.

¹¹ Yitzhak Arad, *Vilna ha-yehudit be-ma'avak u-ve-kilayon* (Tel Aviv: Sifriyat Ha-Poalim, 1976), pp. 146–147 (указ Ганса Хингста, гебитскокомиссара Вильнюса).

¹² Архив Яд Вашем (АЯВ). JM 10606. М-33/1045.

¹³ Письмо от 11 августа 1942 года: USHMMA, RG-53002-M, Reel 22.

ем гетто, должен решаться политотделом рейхскомиссариата, — кроме тех, что касаются денег и собственности: ими ведает финансовый отдел рейхскомиссариата, согласно распоряжению Министерства оккупированных восточных областей. В приказе говорилось:

Министр оккупированных восточных областей передал заведование имуществом в руки бюджетного отдела... Золотые и серебряные вещи следует конфисковывать, регистрировать и отправлять в кредитную кассу Рейха в Риге и передавать в мое распоряжение... Их передача в Управление по использованию [ценностей] в Берлине (Verwertungsstelle) будет произведена централизованно, из Риги... Собранные одежда и ткани, не поступившие в отделы снабжения, будут переданы центральным и местным бюро компании Ostlandfaser GmbH. В случае продажи вещей следует немедленно перечислить полученную сумму на специальный счет финансового управления рейхскомиссариата... Не разрешается открывать для этого особые счета¹⁴.

Целью приказа Виалона было также проследить за тем, чтобы деньги от реализации еврейского имущества (или конфискованные у евреев) не оседали в руках генералкомиссаров в Минске, Каунасе и Риге, а переводились в кассу рейхскомиссариата. Опознание еврейского имущества и связанные с ним проблемы продолжали волновать глав гражданской администрации на оккупированных территориях СССР. 7 сентября 1942 года Министерство оккупированных восточных областей выпустило документ, направленный рейхскомиссарам «Украины» и «Остланда», об учете и реализации еврейского имущества, собственности советского государства и безхозного имущества. Документ этот излагает решения министра Розенберга от 18 июня 1942 года. В документе говорится, что для выявления имущества, еще не попавшего в руки гражданской администрации или других немецких учреждений, необходимо оповестить население — поместив объявления в печати или как-то иначе, — об обязанности сообщать об имуществе, оказавшемся в руках граждан и органов местного управления, под угрозой наказания за недонесение. Далее указывается, что необходимо создать для этих целей особую службу розыска,

¹⁴ Приказ «Управление еврейскими гетто»: АЯВ. О.53.161.

а немецкие учреждения, не относящиеся к гражданской администрации, обязаны докладывать рейхскомиссару об имуществе, находящемся в их руках. Для хранения еврейской собственности, а также других конфискованных предметов, следует построить специальные склады, где будет вестись подробная регистрация вещей. Далее документ скрупулезно объясняет, в какие центральные органы в Берлине следует переправлять имущество, что рейхскомиссарам разрешается оставить органам местной власти (мебель и домашнюю утварь), а что следует продать (одежду, ткани и т. д.). Средства, вырученные от продажи драгоценных металлов в Берлине, поступят в кассу Министерства оккупированных восточных областей¹⁵.

14 октября 1942 года Лозе издал исполнительное распоряжение по поводу еврейского имущества. В нем говорилось, что все еврейское имущество, находящееся в руках неевреев, и платежные требования евреев к третьим лицам считаются конфискованными в пользу немецкой гражданской администрации, а те, кто должен евреям деньги, обязаны об этом сообщить. Таким образом гражданская администрация объявлялась владельцем всего, что еврей еще не получил, но должен был получить от любого частного лица (нееврея). Распоряжение Лозе устанавливало, что все организации, в том числе немецкие и местные органы власти, пользующиеся имуществом или строениями, принадлежавшими евреям, обязаны об этом сообщать¹⁶. Лозе пытался подчеркнуть, что только гражданская администрация вправе конфисковывать и хранить имущество, деньги и ценности, принадлежавшие евреям (а не, например, органы СС или армия). Гражданская администрация распространила циркуляр и анкету, в которой организации должны были указать, какая еврейская собственность или какое безхозное имущество находятся в их руках¹⁷.

В рейхскомиссариате «Украина», власть которого распространялась на Полесье, Волынь и украинское Приднепровье, были те же проблемы с поиском и конфискацией еврейской собствен-

¹⁵ В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. А. Редкозубова (сост.) *«Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы*. Минск: Национальный Архив Республики Беларусь, 1998. С. 114–117.

¹⁶ «Приказ о еврейском имуществе»: АЯВ. JM 10606. М-33/1049.

¹⁷ Документ КДО в Латвии от 22 декабря 1942 года: АЯВ. JM 10606. М-33/1049.

сти, что и в рейхскомиссариате «Остланд». В «Украине» немецкая документация по теме еврейской собственности не так обширна, как в «Остланде». Разница заключается не в характере собственности или подходе к ней, а в меньшем количестве бумаг, написанных по этому поводу, и вытекает из личностных особенностей рейхскомиссаров. В отличие от бюрократа Лозе, изучавшего каждую деталь и написавшего множество документов, рейхскомиссар «Украины» Эрих Кох мало занимался бумагами и не слишком вникал в подробности¹⁸. Рауль Хилберг так пишет об «Украине»:

В «Украине»... рейхскомиссар Кох был куда менее амбициозен в своих усилиях по сбору еврейского имущества. 7 сентября 1942 года Кох получил от Министерства восточных областей директиву конфисковать всю еврейскую и бесхозную собственность... Кох ответил, что этот указ неосуществим «политически и организационно». [По его словам] ценности «и особенно золото» он у евреев уже конфисковал. Остальное еврейское имущество состоит в основном из мебели, частью которой пользуется его учреждение, а часть по его приказу сожжена. «Составлять сейчас списки, – писал он, – собирать банковские счета, когда они порой уже не существуют, оплачивать еврейские долги, – это, на мой взгляд, необоснованное требование, которое невозможно выполнить в военное время»¹⁹.

В зонах военной администрации, включавших в себя Восточную Белоруссию (кроме городов Минск и Слуцк), большую часть Левобережной Украины и оккупированные территории Российской Федеративной Республики, все, что касалось еврейского имущества, находилось в ведении Хозяйственного штаба «Восток» и его филиалов в различных городах и округах. Там тоже возникали проблемы; другие структуры конфисковывали и присваивали себе еврейскую собственность и имущество советской администрации. Приказ генерала Макса фон Шенкендорфа, командующего тылом группы армий «Центр», от 10 октября 1941 года гласил:

¹⁸ Даллин определяет методы работы Лозе как «поток директив, приказов и указов, насчитывавших тысячи страниц...» (Dallin, *German Rule in Russia*, p. 186). Даллин пишет также, что Кох меньше интересовался происходившим в «Украине», и отмечает (p. 127), что будучи рейхскомиссаром, Кох выбрал своей резиденцией Ровно, а не Киев, столицу Украины.

¹⁹ Hilberg, *Destruction*, p. 365.

Конфискация еврейского и вражеского имущества.

*Еще раз подчеркиваю, что в вопросах конфискации или других действий с имуществом любого рода, будь то имущество еврейское, вражеское, в прошлом принадлежавшее Германии или экспроприированное Советами, – единственным полномочным органом остается Хозяйственный штаб «Восток»...*²⁰

Изъятие еврейских денег и собственности

Одним из первых способов изъятия еврейских денег и ценностей были контрибуции. Немецкие власти – военные и гражданские – приказывали юденратам за очень короткий срок собрать у евреев определенную сумму, деньгами или ценностями, и передать им. Евреи называли этот сбор «контрибуцией». Контрибуции преследовали две цели: прежде всего, отобрать у евреев деньги, нанести им ущерб, разорить их; и в то же время использовать собранное как ближайший и легчайший источник дохода немецкой администрации, средства на текущие расходы. Часть отобранных денег (суммы определялись произвольно, поскольку выплаты эти не регистрировались и квитанции об их получении не выдавались) попадала в карманы сборщиков, особенно золото и драгоценности. Характерный пример – контрибуция, наложенная на евреев Вильнюса.

Франц Мурер, «эксперт по еврейским делам» гебитскомиссариата Вильнюса, 6 августа 1941 года пригласил представителей юденрата и сообщил им, что до 9 часов утра следующего дня они должны передать ему сумму в два миллиона рублей или ее эквивалент в золоте, а до конца дня – еще три миллиона рублей. Он отметил, что если завтра в указанное время представители юденрата явятся без денег, остальным членам юденрата придется прийти час спустя для получения тел представителей. Информация о штрафе была передана остальным членам юденрата и быстро распространилась среди евреев города. В городских районах организовались комитеты и приступили к сбору денег, золота и драгоценностей. Евреи были напуганы; сбор такой огромной суммы для населения, разоренного войной и советской властью, был исключительно трудной задачей. Вдобавок сделать это следовало в чрезвычайно ограниченные сроки, а передвигаться по

²⁰ «Приказ о конфискации еврейского имущества»: АЯВ. JM 13084. О-51/310.

улицам евреям разрешалось только до шести часов вечера. До назначенного Мурером срока было собрано 667 000 рублей и полкилограмма золота, золотых часов и бриллиантов. Многие евреи верили, что эти деньги обеспечат их существование и поспособствуют возвращению тысяч арестованных евреев, судьба которых была неизвестна. Собранную сумму передали Муреру в назначенное время. Ему сообщили, что сбор денег продолжается. Двое из трех членов юденрата, доставивших деньги, были арестованы. После угроз и переговоров Мурер согласился увеличить срок до нескольких дней. В итоге в его руки было передано 1 490 000 рублей, 16,5 килограммов золота и 189 часов. Никаких квитанций об их получении выдано не было. Встречи Мурера с членами юденрата происходили на улице, неподалеку от здания гражданской администрации²¹. Метод взыскания контрибуции, встречи на улице, без свидетелей и без регистрации, – все это безусловно указывает на то, что часть денег (возможно, большая) осела в карманах членов гражданской администрации.

В Барановичах 18 июля военная администрация приказала евреям собрать пять килограммов золота, 10 килограммов серебра и миллион рублей. Гражданская администрация, в руки которой власть перешла в августе, приказала юденрату собрать еще 2 миллиона рублей²². На евреев Бреста была наложена контрибуция в 5 миллионов рублей, на евреев Пинска – в 20 килограммов золота, на евреев Ровно – в 12 миллионов рублей²³. Во Львове евреев обязали заплатить 20 миллионов рублей, – эта сумма якобы требовалась для восстановления зданий, разрушенных в результате развязанной евреями войны²⁴. Евреи Минска обязаны были заплатить городской управе контрибуцию в 300 000 рублей, – якобы для покрытия расходов на переселение евреев в гетто^{25, 26}. В Бо-

²¹ Arad, *Vilna ha-yehudit*, pp. 92–94.

²² A. S. Stein (ed.), *Baranoviz: Sefer zikaron* (Tel Aviv: Irgun yozei Baranoviz be-Yisrael, 1953), pp. 516–517.

²³ Shmuel Spektor (ed.), *Pinkas ha-kehilot – Polin: Vohlin ve-Polesia* (Jerusalem: Yad Vashem, 1990), vol. 5, pp. 198, 236, 295–296; Y. Gutman (ed.), *Ha-Enziklopedia shel ha-Shoa* (Jerusalem & Tel Aviv: Yad Vashem & Sifriyat Ha-Poalim, 1990), vol. 1, p. 240.

²⁴ Eliyahu Yones, *Yehudim be-Lvov bi-ikufat Milhemet ha-Olam ha-Shniya ve-ha-Shoa*, dissertation (Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1993), p. 68.

²⁵ Hirsh Smolar, *Yehudim sovyetim meahorei gderot ha-geto* (Tel Aviv: Moreshet & Sifriyat Ha-Poalim, 1984), pp. 23, 53; Василий Гроссман и Илья Эренбург (ред.), *Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчи-*

рисове, в Восточной Белоруссии, евреям было приказано выплатить властям 300 000 рублей. В Днепропетровске на евреев была наложена подать в несколько миллионов рублей^{27, 28}. В Харькове на евреев были наложены несколько контрибуций, каждый раз требуемая сумма возрастала²⁹. В Орше, в Восточной Белоруссии, евреям было приказано выплатить властям 150 000 (по другим источникам – 250 000) рублей³⁰. Подобные контрибуции были наложены на евреев во многих городах и местечках на оккупированных территориях, например, в Дрогичине, Кобрине и Луцке.

Хотя гражданская и военная администрации считали себя едиными хозяевами еврейского имущества, на практике все немецкие органы власти, действовавшие на оккупированной территории, отнимали у евреев силой или угрозами, иногда через юденраты, различные вещи для собственного пользования. Юденраты, понимавшие, что существование евреев зависит от этих структур и предоставляемой ими работы, вынуждены были выполнять их требования. Об этом свидетельствует уникальный документ, составленный юденратом Бреста (Западная Белоруссия). В документе перечисляются организации, которые требовали и получили различные предметы из еврейского имущества, указывается, какие предметы они получили и сколько они стоили. Документ на немецком языке озаглавлен: «Платежи юденрата Брест-Литовска немецким учреждениям с 5 октября 1941 года по 10 февраля 1942 года». В документе указаны восемь немецких учреждений, по-

ками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях уничтожения Польши во время войны 1941–1945 гг. Иерусалим: Тарбут, 1980. С. 136.

²⁶ «Заем в 30 000 червонцев», разумеется, был только первой контрибуцией, взятой немцами с евреев Минска; уже в сентябре 1941 евреев Минска заставили сдать 11 килограммов золота и один миллион рублей. – *Примеч. ред.*

²⁷ *Черная Книга*. С. 65. О Днепропетровске сказано, что 26 сентября 1941 года евреям было приказано собрать 30 миллионов рублей. Сумма эта представляется чрезмерно большой; возможно, в оригинале допущена ошибка.

²⁸ Сумма контрибуции в «3 млн рейхсмарок = 30 млн рублей» названа не только в «Черной Книге», но и в приказе немецкого коменданта Днепропетровска от 2 октября 1941 года – см.: Илья Альтман. *Жертвы ненависти*. М., 2002. С. 139. В довоенном Днепропетровске проживало около 90 000 евреев – в три раза больше, чем в Ровно, и почти столько же, сколько во Львове. – *Примеч. ред.*

²⁹ И. Альтман, И. Арад и др. (ред.), *Неизвестная Черная книга*. Москва, Иерусалим: ГАРФ и Яд Вашем, 1993. С. 86.

³⁰ *Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР*. Минск: Государственное издательство БССР, 1947. С. 155–156, 176.

лучивших еврейское имущество; некоторые из них были частью гражданской администрации, а некоторые нет: генералкомиссариат, СС, штадткомиссариат, армия, гебитскомиссариат, управление сельским хозяйством округа (*Kreiswirtschaft*), бюро по трудоустройству (*Arbeitsamt*) и другие учреждения (вероятно, городская управа, местная полиция и пр.) Этим организациям были переданы 115 предметов, распределенных в документе на 6 категорий: мебель, постельное белье, посуда и кухонные принадлежности, рабочий инвентарь, обувь и обувные принадлежности, зимняя одежда. Указана цена каждого предмета. Все вместе они были оценены в 293 560 рейхсмарок, что равнялось 2 935 600 рублей. В эту сумму включена и стоимость предметов, переданных немецким органам власти с июля по сентябрь 1941 года³¹. Все находившиеся в Бресте немецкие учреждения и частные квартиры служащих были почти полностью обставлены отобранными у евреев вещами. Наличные деньги у брестских евреев отобрали в начале оккупации, вынудив их заплатить контрибуцию в 5 миллионов рублей. Суммы и предметы, перечисленные в этом документе, не включали в себя квартиры и их обстановку, оставленные евреями после переселения в гетто в ноябре – декабре 1941 года. Сюда также не входит имущество брестских евреев, уничтоженных во время ликвидации гетто в октябре 1942 года. Нет возможности полностью оценить масштаб награбленного даже в пределах Бреста. Подобная судьба постигла еврейское имущество почти во всех городах и местечках оккупированных территорий СССР.

25 сентября 1941 года, через несколько недель после переселения евреев в гетто, управа Вильнюса передала гебитскомиссару города отчет о конфискации 429 еврейских домов, 71 мастерской и т. д. Отчет был неполон; в нем говорилось, что сведения о домах, участках, мебели, одежде, рабочем инвентаре и прочем будут представлены в ближайшее время³². В другом отчете из Вильнюса, от 22 октября 1941 года, указывается, что из места расстрела в Понарах (Паняряй) на вильнюсский склад Центрального бюро сырья поступили вещи и одежда общим весом в 6 350 килограммов³³. 17 декабря 1942 года, согласно приказу Виалона, цитировав-

³¹ Список конфискованного имущества евреев Бреста: АЯВ. О.51.333.

³² E. Rozauskas, *Documents Accuse* (Vilnius: Gintaras, 1970), pp. 225–226.

³³ *Ibid.*, p. 227.

шемую выше, гебитскомиссар Вильнюса передал рейхскомиссару в Риге около 1 200 золотых изделий, в том числе 516 обручальных колец, и около 228 золотых рублевых монет и 19 долларовых³⁴. 2 июня 1942 года гебитскомиссар Глубокого Петерсен переправил генералкомиссару Белоруссии 4 килограмма 267 граммов золота. 2 июля 1942 года Петерсен отправил новую порцию золота – 3 килограмма 69 граммов, 20 золотых рублей царской чеканки и 210 золотых долларов³⁵.

После присоединения Львова к Польскому генерал-губернаторству в городе тут же появились немецкие экономические компании и немецкие предприниматели, получившие от немецких властей города разрешение конфисковывать еврейские квартиры со всем их содержимым, выселяя владельцев. Как правило, речь шла о больших квартирах состоятельных евреев. Мауриций Аллерханд, профессор Львовского университета и один из руководителей еврейской общины города в 20-е годы, квартира которого была конфискована частной немецкой фирмой, записал в своем дневнике:

6 августа 1941 в моей комнате появился некий господин... прочел из бумажки, которую держал в руках: «Квартира конфискована. Разрешается взять только верхнюю и нижнюю одежду, золотые и серебряные вещи. Все остальное следует оставить». Потом сказал, что следует сдать квартиру завтра до полудня, иначе вмешается полиция, и добавил: «И тогда вы из нее уедете в худшем виде...» Господин, принесший сообщение об аресте квартиры, был управляющим венской компании «Компос»... В моей квартире была библиотека в тысячи томов... множество ценнейших произведений, отсутствовавших в других библиотеках... Были в моей квартире следующие картины [следует описание десятков полотен с указанием имен художников и названий]... Мебель в квартире была стильной, у меня было больше десятка персидских ковров... Люстра в салоне была старинной, венецианской. В серванте стояло множество японских статуэток... бронзовые статуи³⁶.

В дневнике другого львовского еврея, Шмуэля Чортковера,

³⁴ Ibid., p. 266.

³⁵ Черноглазова, *Трагедия евреев Белоруссии*. С. 73, 75

³⁶ Bella Guterman (ed.), *Be-vo ha-eima: Yehudei Lvov tahat ha-kibush ha-germani (dapei edut, yuni 1941 – april 1942)* (Tel Aviv: Tel Aviv University, 1991), pp. 38–41.

описан грабеж еврейского имущества, сопровождавший акцию декабря 1941 года и переселение евреев в гетто:

Подъехали два грузовика в сопровождении двух подразделений Шупо (местной полиции) во главе с майором. Они делятся на несколько подразделений и проникают в дома... Заходят в каждую квартиру под предлогом поиска иностранной валюты. Перепуганных хозяев выставляют в другую комнату, а сами в течение двух-трех часов педантично переворачивают оставшееся имущество. Конечно, сносят в грузовики чемоданы, серебро, подсвечники, столовые приборы, постельное белье, жиры, копчености... Жильцы, любого возраста и пола, вынуждены раздеваться догола для личного досмотра. Их самих заставляют сносить самые тяжелые мешки...³⁷

Грабеж еврейской собственности продолжался и после переселения владельцев в гетто. Разными методами достигался неизменный результат: имущество евреев отбиралось. В Каунасе власти дали евреям месяц для переселения в гетто и разрешили взять все свои вещи. Великодушные немецкой администрации было временным и, видимо, удобным для нее: ведь куда легче конфисковать еврейские вещи в гетто, чем собирать их по тысячам квартир, разбросанным по всему городу. Через несколько дней после переселения в гетто, 19 августа 1941 года, команды немецкой и литовской полиции начали обыски, – и в течение двух недель обыскали каждый дом в гетто. Они отбирали у владельцев деньги, золотые и серебряные драгоценности, хорошие носильные вещи, белье, обувь, электроприборы, медицинское оборудование, мебель и все, что им нравилось. Все это было отвезено в город и помещено в здания нескольких синагог, превращенных в склады. Лейб Гарфункель, свидетель этих обысков, писал:

Во время обысков немцы вели себя со страшной грубостью и жестокостью... Всех женщин немцы согнали в одну комнату, заставили их раздеться и проверяли, не спрятали ли они чего на теле. Некоторым женщинам солдаты устроили «гинекологическую» проверку... В последние дни обыска солдатам уже недостаточно было избивать, каждый день они убивали нескольких евреев, якобы что-то скрывших... Они делали это, чтобы вселить в евреев страх, чтобы евреи отдали все, что у них еще осталось... 6 сентября [комендант

³⁷ Ibid., p. 77.

гетто от гебитскомиссариата] Йордан потребовал от «эльтестенрата» немедленно прислать к нему нескольких представителей... Он встретил их в ярости... «Вы, евреи гетто, должны были сдать нам все имущество... Приказываю вам немедленно передать вашим, чтобы сами несли в «эльтестенрат»... все оставшиеся у них деньги и ценности... Разрешается оставить только 100 рублей (10 марок) на семью... Спрятавший любую ценную вещь будет расстрелян, если ее найдут, а с ним сто евреев из его соседей... У гетто есть две возможности: расстаться с жизнью или расстаться с имуществом». До вечера следующего дня тысячи евреев поспешили избавиться от дорогих им вещей... Память о близких и семье, об отцах и матерях, дедушках и бабушках... Часы, кольца... дорогие картины, ковры, фотоаппараты... кучи бумажных денег и иностранной валюты... Целый день группами приходили люди из СА, из городской администрации, группа за группой, на машинах, и в руках у них большие чемоданы. Они наполняли чемоданы вещами евреев. Гестапо и другие немецкие учреждения... до их ушей дошли слухи о гигантском «универмаге» в гетто. Они стали появляться в гетто десятками, приходили в места сбора... Якобы просто из любопытства... На самом деле их целью было взять что-нибудь себе...³⁸

В Евпатории, в Крыму, евреям было приказано сдать все ценности и деньги, оставив 200 рублей на человека. Приказ заканчивался словами: «...за невыполнение – расстрел»³⁹.

Происходившее во Львове, Каунасе, Евпатории и во многих других гетто можно считать «официальным грабежом», грабежом властей. Одновременно совершался и «частный грабеж». Немецкая полиция и солдаты врываются по ночам в гетто и расхищали то небольшое, что еще оставалось у евреев. Гирш Смоляр пишет о минском гетто: «...Но самыми ужасными были ночные вылазки... отдельные группы немецких военных – грабители, – начали все чаще и чаще навещать гетто по вечерам. Они врываются в дома, устраивали обыски и грабили все, что попадалось им под руку»⁴⁰.

³⁸ Leib Garfunkel, *Kovna ha-yehudit be-hurbana* (Jerusalem: Yad Vashem, 1959), pp. 59–61. Гарфункель был среди членов «эльтестенрата», вызванных к Йордану. См. также: Yosef Gar, *Umkum fun der Yidishe Kovne* (Minkhen: Farband fun Litvishe yidn in der Amerikaner zone in Daitshland, 1948), pp. 57–60.

³⁹ *Черная Книга*. С. 251.

⁴⁰ Smolar, *Yehudim sovyetim*, p. 36.

В свидетельстве о происходившем в Харьковском гетто, существовавшем непродолжительное время в бараках тракторного завода, говорится:

Грабежи и убийства были повседневным явлением. Обычно немцы врываются в комнаты под предлогом поисков оружия и грабили, что им вздумается. При сопротивлении людей вытаскивали во двор и расстреливали. За день до Рождества и Нового Года [1942] от нас потребовали, чтобы мы собрали для охранявшего нас караула продукты для устройства вечеринок, деньги на покупку водки. Нищие, полуголодные люди отрывали от своих детей последний кусок сахара или сала и отдавали грабителям на устройство вечеринок. Мало этого. Почти ежедневно гитлеровские негодяи требовали, чтобы им доставляли то часы, то отрезы дорогой мануфактуры. Требования эти выполнялись, так как подкреплялись угрозой расстрела⁴¹.

Особой главой в истории грабежа еврейской собственности был сбор мехов для немецкой армии. Немецкая армия оказалась не готова к зимней войне. Наступление Германии на СССР основывалось на предположении, что победа и разгром советского государства произойдут до зимы 1941/42 годов, и поэтому в армии не было зимнего обмундирования. В конце декабря 1941 года Геббельс обратился к немецкому народу и другим народам Европы с воззванием о пожертвовании меховых вещей или мехов, из которых можно сшить меховые пальто для армии. В то время как к немецкому и другим народам обращались с просьбой о добровольных пожертвованиях, евреев обязали отдать все меха, а в некоторых местах и другие предметы зимней одежды, в течение считанных дней и под угрозой расстрела. Указания о сборе мехов давали юденраты⁴². О воззвании Геббельса писал в своем дневнике Герман Крук, и даже приложил к дневнику оригинал воззвания на немецком. Вот как он описывает сбор мехов в Вильнюсском гетто:

27 декабря [1941 года]... сегодня в полдень в гетто пришла группа немцев, и сразу после этого еврейская полиция стала ходить из дома в дом и сооб-

⁴¹ *Неизвестная Черная книга*. С. 87–88.

⁴² Для примера см. воззвание от 4 января 1942 года за подписью председателя львовского юденрата, д-ра Ротфельда (*Be-vo ha-eita*, p. 201).

*щать: все меха, меховые воротники и любые другие меховые вещи необходимо сдать в юденрат в течение получаса. За невыполнение – смертная казнь. Сразу после этого жители начали носить [меха], и в восемь вечера здание было наполнено меховыми шубами и другими меховыми вещами... На улице можно видеть людей, у которых на воротники пальто нашита ткань вместо меха...*⁴³

Еврейское имущество служило источником дохода и средством для оплаты деятельности бургомистров, назначенных немецкими властями. Бургомистр Киева, В. Багазий, опубликовал 27 ноября 1941 года обращение к жителям города, касающееся еврейского и бесхозного имущества. В обращении говорится, что до 16 декабря 1941 года жители города обязаны подробно оповестить, в письменном виде, о еврейском или бесхозном имуществе, которое находится в их руках. В сообщении указываются виды имущества: мебель, одежда, домашняя утварь, книги и т. д. Жителей просили также указать, какие вещи они заинтересованы приобрести для себя: от имени управы специальная комиссия оценит стоимость этих вещей и жители смогут внести в городскую кассу деньги за нужные им предметы. Те же, кто не сообщит о вышеуказанном имуществе, будут сурово наказаны. Имущество, находящееся в руках местных жителей, но не выкупленное ими, должно быть сдано управе. Комиссия управы оценит и возвращенные населением вещи, которые будут выставлены на распродажу⁴⁴.

Процедура установления прав на собственность, оставленную евреями в квартирах, и решения, кто получит ее денежную стоимость, не везде была одинаковой. В Киеве, как следует из приказа бургомистра, немецкие власти разрешили управе использовать вырученные от распродажи деньги. В Белой Церкви (тоже на Украине) управе было приказано 15 октября 1941 года собрать всю одежду, постельное белье, рабочий инвентарь и прочее еврейское имущество и передать его в местную комендатуру⁴⁵.

В районах военной администрации, в которых евреев уничтожали, власти пользовались оставшимися после евреев деньгами

⁴³ Herman Kruk, *Togbukh fun Vilner geto* (New York: YIVO, 1961), pp. 102–103.

⁴⁴ АЯВ. М-52/205.

⁴⁵ АЯВ. М-52/198.

и ценностями для финансирования своей деятельности. Правила требовали, чтобы наличные деньги оставались в руках военной администрации, а ценности передавались в Рейхсбанк в Берлине. Центральный банк возвращал местной администрации стоимость этих ценностей наличными. Капитан Пауль Айк, офицер особого назначения при фельдкомендатуре города Орша в Белоруссии, рассказал во время процесса:

*Деньги никуда не отправлялись. Они оставались в управлении города... Управление гор. Орши не имело никаких средств, а деньги там были нужны... Полевая комендатура мне приказала направить золото, серебро и другие ценности в Берлин на счет управления гор. Орши... Управление гор. Орши могло получить деньги в банке гор. Минска...*⁴⁶

Во многих местах в обращенных к евреям приказах, требовавших собраться для «переселения» (а на самом деле – марша к месту расстрела), говорилось, что евреи должны взять с собой все имеющиеся у них деньги и ценности, которые понадобятся им на новых местах. В Ростове в подобном объявлении было написано следующее: «Евреям предлагается взять с собой свои ценности и наличные деньги». В Крыму евреям Феодосии было приказано вернуться с места сбора в свои дома, чтобы взять с собой припрятанные в квартирах ценности. То же самое происходило и в других местах⁴⁷. В местах сбора людям, еще не понимавшим, что их ожидает, приказывали сдать деньги и ценности, угрожая немедленным расстрелом, вместо «переселения». Абрам Шмойш, оказавшийся в гетто в местечке Мурованые Куриловцы, к юго-западу от Винницы, в своем свидетельстве рассказывает:

[На площади, на которой собрали евреев] эсэсовцы развернули два мешка. Они объявили, что[бы] все имеющиеся у нас драгоценности, часы мы бросали в мешки – в пользу немецкой армии. И люди снимали кольца, серьги, браслеты, бросали ценности, ибо предупредили, что если у кого-то что-то найдут, его расстреляют... Когда приток драгоценностей прекратился, эсэсовцы схватили... Ицика Пришкольника, приказали ему раздеться догола, обыскивали

⁴⁶ Судебный процесс по делу о злодеяниях. С. 155–156.

⁴⁷ Лев Гинзбург, *Бездна*. М.: Советский писатель, 1967. С. 65–66. Об уничтожении евреев Гайсина, Винницкой области, см.: АЯВ. М-33/76, М-33/78, М-33/224.

его – искали везде, в голове, ощупывали одежду, затем разрешили одеться. А нам объявили, что каждого будут так раздевать и обыскивать. Люди стали бросать в мешки все, что у них еще осталось. Через некоторое время один из эсэсовцев сказал: «Я думаю, что вы все отдали для немецкой армии». Мешки завязали и погрузили на машины⁴⁸.

Подобные способы изъятия денег и ценностей представители немецкой администрации применили и в Бердичеве, и во время большинства акций уничтожения⁴⁹.

Часть денег и имущества, отнятых у евреев во время акций уничтожения, не попала в руки военной или гражданской администрации, а осталась у проводивших расстрелы айнзатц-групп. Деньги и ценности они, как правило, передавали в РСХА (Главное управление безопасности Рейха) в Берлин. Иногда, особенно в первый период оккупации, айнзатцгруппы передавали деньги и ценности в Центральное трофейное управление Рейха (*Reichshauptkasse Beutestelle*). Военные части, принимавшие участие в акциях уничтожения и в разграблении еврейской собственности, а также члены военной администрации, в руки которых попали деньги и ценности убитых евреев, тоже передали часть награбленного в Центральное трофейное управление Рейха⁵⁰. В отчетах айнзатцгрупп говорится не только об убийстве евреев, но и о еврейском имуществе и деньгах. В отчете айнзатцгрупп от 13 июля 1941 года об уничтожении евреев Вильнюса сказано: «В день ликвидируются примерно 500 евреев. Около 460 000 рублей, а также многие ценности, принадлежавшие евреям, “подвергнутым особому обращению” (*Sonderbehandlung*), конфискованы как имущество врагов Рейха»⁵¹.

В отчете айнзатцгрупп от 26 октября 1941 года говорится, что подразделение зондеркоманды 7b располагает 46 000 рублей, оставшимися от расстрелянных евреев. Айнзатцкоманда 8 за вре-

⁴⁸ Свидетельство Абрама Шмойша: АЯВ. ОЗ/7064.

⁴⁹ АЯВ. М-33/114. ОЗ/3133. Л. 14.

⁵⁰ Martin Dean, “Research Note. Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the ‘Reichshauptkasse Beutestelle’” // *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 14, № 1 (Spring 2000), pp. 83–101. В статье приводятся детальные отчеты о деньгах и ценностях, поступивших в Центральное трофейное управление Рейха.

⁵¹ Yitzhak Arad, Shmuel Krakowski & Shmuel Spektor (eds.), *The Einsatzgruppen Reports* (New York: Holocaust Library, 1989), pp. 22–23.

мя своей деятельности на оккупированной территории СССР конфисковала 2 019 521 рубль. Другие отчеты сообщают о конфискациях в десятки и сотни тысяч рублей⁵².

Вещи, оставленные жертвами на местах расстрела или в квартирах, как правило, отправлялись айнзатцгруппами для раздачи этническим немцам (фольксдойче), проживающим на территории СССР⁵³. Вопросы, касающиеся фольксдойче, решались Гиммлером и отделом при командовании СС (ФoМи – от *Volksdeutsche Mittelstelle*), ответственным за всех фольксдойче во всех странах оккупированной Европы.

В отчете от 4 октября 1941 года говорится о бедности в среде фольксдойче, проживающих между Днестром и Южным Бугом (в так называемой «Транснистрии»⁵⁴). В отчете указывается, что действовавшая там айнзатцгруппа «Д» передала в распоряжение фольксдойче еврейские квартиры и мебель, а также детские кровати и другие необходимые вещи⁵⁵. И в отчете айнзатцгрупп от 7 октября 1941 года по поводу уничтожения 33 771 еврея в Киеве и 3 145 евреев в Житомире говорится о том же⁵⁶.

В отчете айнзатцгрупп от 16 января 1942 года говорится, что после уничтожения зондеркомандой 4а 1 538 евреев в Полтаве их одежда была передана бургомистру, который распределил ее прежде всего между фольксдойче⁵⁷. Об этом идет речь и в отчете комендатуры города Николаева (ортскомендатуры номер I/853) от конца сентября 1941 года. В отчете сказано, что одежду вывезенных (то есть убитых) евреев Зипо распределила между нуждающимися фольксдойче и украинцами. Бургомистру было приказано конфисковать квартиры евреев, часть вещей передать армейским частям, а квартиры – не имеющим жилья фольксдойче⁵⁸.

⁵² *The Einsatzgruppen Reports*, pp. 208, 235 (донесения EM UdSSR-125 и EM UdSSR-133 соответственно).

⁵³ Фольксдойче (букв. «этнические немцы») – потомки немецких колонистов, поселившихся в России в XVIII–XIX веках. Число фольксдойче на Украине накануне Второй мировой войны достигало около 400 000.

⁵⁴ Транснистрия – румынское название территории между Днестром и Южным Бугом, аннексированной в августе 1941 года Румынией. – *Примеч. ред.*

⁵⁵ *Einsatzgruppen Reports*, p. 169 (EM UdSSR-103).

⁵⁶ *Ibid.*, p. 174 (EM UdSSR-106).

⁵⁷ *Ibid.*, p. 281 (EM UdSSR-156).

⁵⁸ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-1729.

Деньги и ценности, отнятые у евреев айнзатцгруппами во время акций и переселения евреев в гетто и описанные в отчетах об их передаче в Берлин, были в действительности лишь частью имущества жертв. Немало денег и ценностей осталось в руках членов айнзатцгрупп, немецкой и местной полиции. Леонид Лангерман из местечка Пиков Винницкой области рассказал в своем свидетельстве следующее:

...Украинская полиция приходила почти каждый день в один – два дома, должны были ограбить, за счет этих ограблений был открыт магазин. Продавали это все украинцам за бесценок и деньги просто пропивали. Может все или не все, может, какую-то часть отправляли Калиновскому районному начальству, не исключено, но значительную часть пропивали, потому что эта украинская комендатура, полиция ходила редко когда не пьяная, не выпившая, редко когда... и под этим настроением они выполняли свою службу, то есть грабили, били⁵⁹.

В Харькове, когда евреев вели на расстрел, полицейские требовали у них ценности, ломали и отрубали пальцы, чтобы снять золотые кольца, и срывали у живых людей золотые коронки с зубов. Грабежом евреев не брезговал и старший командный состав. Комиссия при Бюро контроля бухгалтерии Рейха обнаружила в кабинетах, которые занимал гауптштурмфюрер СС Ганс Крюгер, командир Зипо и СД округа города Станислав (ныне Ивано-Франковск), деньги и ценности, припрятанные Крюгером и его людьми. В отчете комиссии говорится:

Вопиющий случай имел место в филиале Станислава, Галиция. Конфискованные деньги и украшения удерживались там в больших количествах. Уполномоченные служащие бюро контроля обнаружили во время проверки [рабочих] кабинетов служащего администрации – секретаря полиции, в ящиках и различных емкостях, в письменных столах и т. д. большие суммы наличных денег, включая золотые монеты и ассортимент иностранных монет – среди прочего 6 000 долларов, – а еще полные ящики дорогих украшений, конфискованных незаконно и незарегистрированных. На некоторых вещах была записка, из которой можно было понять происхождение имущества, но к большинству вещей не прилагались никакие документы и невозможно было установить, что

⁵⁹ АЯВ. ОЗ/7201. Л. 23.

*это и откуда. Бюро контроля вынуждено было удовлетвориться определением точной стоимости найденного, чтобы предотвратить дальнейшее сокрытие имущества. Только наличных денег там было 584 195 злотых. К этому следует прибавить драгоценности, точную стоимость которых установить невозможно, хотя речь здесь идет о сотнях тысяч марок*⁶⁰.

Айнзатцгруппы действовали в секторе ответственности армии, и армия тоже хотела получить свою долю ценностей уничтоженных евреев. Генерал Отто Вёлер, начальник штаба 11-й армии, действовавшей в Крыму, обратился к находившейся в его секторе айнзатцгруппе «Д» с вопросом о судьбе часов убитых евреев. В письме к командиру 11-й армии от 12 февраля 1942 года командир айнзатцгруппы «Д» Отто Олендорф ответил так:

- 1. Часы, конфискованные во время антиеврейской акции... имеющие ценность (золотые и серебряные), были, согласно приказу, отправлены в казначейство в Берлине. Остальные часы, ценность которых невелика... были предоставлены служащим вооруженных сил (офицерам и рядовым) и членам айнзатцгруппы «Д» за символическую плату или в качестве подарка, в зависимости от каждого конкретного случая.*
- 2. Деньги, отнятые во время антиеврейской акции, были, как положено, зарегистрированы и отправлены в кредитный банк Рейха... за исключением маленькой суммы на текущие расходы (зарплаты и т. д.)*⁶¹.

Этот ответ не удовлетворил штаб 11-й армии. Во время телефонного разговора от Олендорфа потребовали доставить часы, имеющиеся в его распоряжении. В следующем письме от того же 12 февраля 1942 года Олендорф отвечает штабу:

*В телефонограмме от коменданта города Симферополя мне сказали, что главнокомандующий [армией] требует часы, оставшиеся после антиеврейской акции, которые еще находятся у нас, для пользования ими в официальном порядке. В связи с этим я передаю армии 120 починенных часов. Оставшиеся 50 часов все еще находятся в ремонте, часть из них возможно починить... Прошу сообщить, нуждается ли армия в остальных часах*⁶².

⁶⁰ Dieter Pohl, "Hans Krüger and the Murder of the Jews in the Region of Stanisławów (Galicia)" // *Yad Vashem Studies*, vol. XXVI (1998), pp. 258–259.

⁶¹ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-631.

⁶² Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-3238.

В ответ на вопрос, нуждается ли армия в остальных часах, на документе от руки написано «да».

Немецкие власти раздавали еврейское имущество и своим пособникам в борьбе против советских партизан, особенно пострадавшим в результате этого пособничества. В немецком документе от 12 ноября 1943 года говорится, что среди пострадавших от партизан и обратившихся за помощью был некий Г. Тарасюк, получивший из еврейского имущества 2 халата, два женских пальто и пр., всего 26 носильных вещей⁶³.

Особой заботой властей были десятки тысяч квартир, опустевших после депортации и убийства из хозяев, и их содержимое. Тысячи квартир были заняты местными жителями, когда их еврейские соседи бежали или были эвакуированы вглубь страны еще до прихода немцев. Евреи, которым не удалось эвакуироваться, вернувшись домой, обнаружили свои квартиры разграбленными. Часто в квартирах уже находились местные жители, которые даже не дали возвратившимся войти⁶⁴. В некоторые квартиры вселялись представители немецких органов власти, командированные в город, и военные; другие оказывались захвачены полицейскими, представителями местной администрации и приближенными к ним лицами, а часть квартир – просто местными жителями. В городах, где были созданы временные гетто, местные жители, проживавшие в кварталах, отведенных под гетто, вынуждены были их оставить. В качестве компенсации они получили квартиры евреев. Следует помнить, что желание местного населения получить или самовольно захватить такую квартиру было еще и результатом разрушений, причиненных городам во время бомбардировок и военных действий. Многие остались без крыши над головой, и еврейские квартиры были хорошим решением проблемы. Были и те, кто хотел улучшить жилищные условия и получить квартиру побольше. Зинаида Груневич из Белой Церкви на Украине обратилась письменно в жилищный отдел городской управы. Сообщив, что вся ее семья проживает в одной комнате, она просила

⁶³ Черноглазова, *Трагедия евреев Белоруссии*. С. 76.

⁶⁴ Даниил Романовский, «Советские евреи под нацистской оккупацией» // *Ковчег: Альманах еврейской культуры*. Вып. 1. Москва – Иерусалим, 1990. С. 307–308.

предоставить ей находящуюся в том же доме квартиру еврейской семьи Пятигорских, состоящую из двух комнат и кухни⁶⁵. Письмо написано 2 сентября 1941 года, спустя две недели после расстрела евреев города, среди которых наверняка была и семья Пятигорских. Ученица Киевской музыкальной консерватории Н. Т. Сова обратилась в отдел пропаганды управы с просьбой получить пианино, оставшееся в соседней квартире, где проживали «вывезенные» евреи, чтобы продолжить занятия музыкой⁶⁶.

Яков Генин из местечка Бешенковичи, расположенного к западу от Витебска, в Восточной Белоруссии, рассказал в своем свидетельстве:

Постепенно дома у евреев стали разбирать. Забирала обычно полиция себе. Был у нас учитель математики, Иван Михайлович Ивицкий (меня еще учил), он стал начальником полиции... Он забрал еврейский дом, причем вместе с короной. И другие полицейские забирали дома и в них селились... Мы жили в одном доме, в частности, с семьей Гуревич; но дом понравился одному полицая, и всем пришлось перейти⁶⁷.

Среди местного населения были те, кто разбогател на награбленном еврейском имуществе. Подходящим для грабежа временем были дни, когда евреев переселяли в гетто или отправляли на расстрел. В эти дни полицейские были заняты депортацией или акцией уничтожения, и квартиры со всем их содержимым оставались без присмотра. В статье об акции уничтожения евреев Бердичева (14–15 сентября 1941 года) сказано:

Но одновременно находились темные преступные люди, извлекавшие материальные выгоды из великого несчастья, жадные до наживы, готовые обогатиться за счет невинных жертв. Полицейские, члены их семей, любовницы немецких солдат бросались в опустевшие квартиры грабить. На глазах живых мертвецов тащили они платья, подушки, перины, некоторые проходили сквозь оцепление и снимали платки, вязаные шерстяные кофты с женщин и девушек, ждущих казни⁶⁸.

⁶⁵ АЯВ. М-52/200. Оригинал находится в Киевском областном государственном архиве (Ф. Р-2225. Оп. 1. Д. 639).

⁶⁶ АЯВ. М-52/213. Оригинал там же (Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 23).

⁶⁷ АЯВ. ОЗ/4676. Похожее свидетельство – о том, как полицейский отнял дом и выгнал из него евреев, – см.: АЯВ. ОЗ/4677.

⁶⁸ *Черная Книга*. С. 32.

Подобные сцены происходили в абсолютном большинстве городов и местечек на оккупированной территории СССР. Бердичев не был исключением. Вот что написано в донесении 454-й охранной дивизии, действовавшей в центральной Украине в ноябре 1941 года, о местном населении: «Местные жители незаконным путем нажились за счет брошенного еврейского имущества, за счет его продажи или обмена на продукты питания они могут существовать и не работая»⁶⁹.

Местная администрация и местные полицейские больше всех других слоев местного населения обогатились за счет евреев, что привело к зависти и ссорам. Группа коллаборантов – членов союза литовских «партизан» в местечке Игналина на востоке Литвы обратилась 22 января 1942 года с жалобой к заведующему окружным хозяйством (*Kreislandwirtschaftsführer*) Швянчёнисского округа Йозефу Беку:

*Полиция Игналины и бывший бургомистр Игналины Тиунелис, а также теперешний бургомистр, Альбертас Олеюнас, присвоили себе много еврейских вещей. Полицейские и оба бургомистра спрятали эти вещи у своей родни и друзей в деревнях... Мы знаем, что у полиции имеются 220 золотых колец, 55 золотых часов, 35 хороших диванов, 45 шкафов, 180 кроватей с матрацами, 45 коров, около 50 мехов, 250 обработанных кож. Кроме всего этого, есть много рассортированных вещей, включая одежду, обувь и т. д. Только десятая часть еврейского имущества была продана жителям во время уничтожения [евреев]. Например, золото, кожи и другие драгоценности на продажу вообще выставлены не были, и не были переданы немецкой армии. Мы, партизаны из Игналины, выражаем признательность немецкой армии за наше освобождение*⁷⁰.

В Игналине проживали около 150 еврейских семей; они были уничтожены вместе со всеми евреями Швянчёнисского округа 7–8 октября 1941 года. Упомянутое в письме имущество принадлежало им. В сотнях небольших населенных пунктов в оккупированных районах СССР, где не было постоянных представителей немецких властей, судьба еврейского имущества была такой же, как в Игналине, – местные власти прибирали его к рукам.

⁶⁹ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2926.

⁷⁰ Центральный государственный архив Литовской ССР, Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 62. Л. 211.

Немецкие гражданская и военная администрации городов старались предотвратить захват еврейских квартир местными жителями. Они были заинтересованы в продаже этих квартир. Гебитско-миссары и военные коменданты через местную администрацию назначали комиссии, оценивавшие еврейские дома и квартиры. Эти комиссии посылали отчеты начальникам городских управ, те утверждали рекомендации комиссии, и на их основе квартиры продавались. В отчете, поданном бургомистру Могилева (Восточная Белоруссия), написано:

1941 года ноября 20–21 дня. Комиссия в составе Городского Инженера г-на Громакова М. Е., Начальника Жилищного Отдела г-на Мартынова и представителя от финансового отдела г-на Шембелева И. С., согласно распоряжения Городского Головы г-на Фелицина произвели оценку домов, ранее принадлежавших евреям и на основании распоряжения Фельдкомендантуры подлежащих продаже русскому населению гор. Могилева. Осмотром на месте установлено нижеследующее...⁷¹

Далее в отчете приводится таблица с именами местных жителей, заявивших о квартирах и о желании их приобрести, с адресами квартир, именами прежних хозяев – евреев, с описаниями состояния квартир и оценкой их стоимости. Цены на квартиры в обоих отчетах, составленных этой комиссией в конце ноября 1941 года, варьировались от 2 500 до 18 000 рублей, в зависимости от состояния. Согласно имеющимся у нас неполным спискам, с февраля по апрель 1942 года только в Могилеве местным жителям было продано более 300 еврейских домов. Продажу санкционировала военная администрация⁷². Газета «Нова Україна», выходящая во время немецкой оккупации в Харькове, пишет, что в декабре 1941 года 1 700 украинских семей получили новые квартиры⁷³. «Новыми квартирами» были квартиры евреев. В Одессе, находившейся под прямым румынским управлением (как часть Транснистрии – примеч. ред.), 13 января 1942 года примарь (начальник городской управы) Герман Пынтя издал приказ, запре-

⁷¹ Могилевский областной архив. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Копия: USHMMMA, RG-53006-M, Reel 5. Орфография и стиль подлинника сохранены.

⁷² Там же.

⁷³ Юрий Ляховицкий, *Желтая Книга*. Харьков: Бенсиах, 1994. С. 13.

щающий местным жителям входить в пустые еврейские квартиры⁷⁴. Примарь намеревался в будущем продать несколько квартир представителям румынских властей и румынского населения, которое должно было поселиться в городе, и воспользоваться выреченными деньгами.

Борьба между немецкими органами власти за еврейское имущество

Одновременно с действиями немецкой администрации по сбору еврейского имущества (или его денежного эквивалента) у местного населения за него боролись сами немецкие органы власти, прежде всего гражданская администрация, армия, Зипо и СД, успевшие завладеть еврейским имуществом. Эта борьба нашла отражение в документе гебитскомиссара города Валмиера (северо-восток Латвии). В донесении о событиях октября 1941 года сказано:

Мы конфисковали имущество евреев, уничтоженных только что и ранее. При этом у нас возникли специфические трудности с возвращением [изъятого в ходе] широкомасштабных конфискаций, произведенных армией и полицией безопасности. Армия отказывается возвращать имущество, в основном мебель и вещи, находящиеся в квартирах офицеров. Я дал распоряжение, на основании приказа рейхскомиссара [Лозе], провести конфискации. В любом случае с уходом войск вещи будут возвращены... По мнению Зипо, конфискованные нами вещи принадлежат им. К сегодняшнему дню они положили на свой счет еврейское имущество в большом объеме... Вынужден отметить, что в настоящий момент поведение Зипо невыносимо⁷⁵.

Органы СС устраивали на оккупированных территориях склады, где хранилось награбленное или оставленное жертвами еврейское имущество. Вот свидетельство эсэсовца Рихарда Даннлера, проходившего службу в Риге, в аппарате СС и полиции Фридриха Екельна:

⁷⁴ Приказ румынской администрации: АЯВ. М-52/242.

⁷⁵ USHMM, R-69-1a-18.

В мои официальные обязанности входили частые контакты со штурмбан-фюрером Нойратом, человеком, на попечении которого были одежда и другие предметы, оставшиеся после расстрелов. На большом складе в Риге я видел огромные кучи одежды, иногда пропитанные кровью. По моей оценке, это была одежда 30 000 человек по крайней мере... В канцелярии 9-го транспортного отдела, находившейся в здании штаба главного начальника СС и полиции, я видел ящики, набитые деньгами, золотом и драгоценностями. Бумажные деньги, банковские векселя рассортировывались по пакетам и отправлялись в «Немецкий коммерческий банк» (Deutsche Handelsbank) в Риге. Там были большие количества бриллиантов, ювелирных изделий, золотых часов, причем лучшие вещи Екельн забирал себе. Иногда, принося Екельну почту, я видел на его столе дорогие вещи⁷⁶.

Спор между немецкими органами власти о правах на еврейскую собственность, конфискованную или оставшуюся после гибели хозяев, достиг Берлина. На совещаниях между Розенбергом и Гиммлером спор был решен в пользу гражданской администрации. В приказе Гиммлера главным начальникам СС и полиции на оккупированных территориях СССР от 3 марта 1942 года говорится:

Золото, деньги и другие ценности, конфискованные во время обыска домов или во время переселения евреев, должны быть зарегистрированы в присутствии двух официальных лиц и переданы, все вместе, под надзор КДС [комендатуры Зипо и СД]. Раз в месяц конфискованные вещи должны передаваться в финансовый отдел рейхскомиссариата, в обмен на квитанцию. Я запрещаю удерживать даже небольшие суммы. Если КДС или КДО [комендатура полиции] хотят оставить себе конфискованные деньги, я разрешаю в исключительных случаях обратиться с этой просьбой к рейхскомиссару и, с его согласия, оставить эти деньги. Согласие должно быть дано в письменном виде⁷⁷.

Два последних предложения в приказе Гиммлера дали органам СС на местах возможность вести переговоры и торговаться по поводу части конфискованных денег и драгоценностей. На прак-

⁷⁶ Документы Нюрнбергского процесса, NO-5124.

⁷⁷ USHMM, R-70-5-34, Reel 5. Хилберг пишет о встрече Розенберга и Гиммлера 15 ноября 1941 года, на которой они обсуждали тему еврейского имущества и жалобы Лозе и Вильгельма Кубе на эсэсовцев, присваивающих это имущество себе (Hilberg, *Destruction*, pp. 363–364).

тике приказ Гимmlера не выполнялся полностью, разногласия и споры продолжались, особенно между руководителями Зипо и СД, считавшими себя ответственными за все, что касалось евреев, и гражданской администрацией. Командир эстонского отделения Зипо, Айн-Эрвин Мере, сообщил 15 июня 1942 года генералкомиссару Эстонии Карлу Лицману, что он отправил в Берлин золотые и серебряные монеты, конфискованные у евреев и коммунистов, и что оставшиеся у него ценности будут посланы в Берлин по тому же адресу⁷⁸. В данном случае Мере действовал согласно директивам своих командиров в Зипо. 26 ноября 1942 года РСХА приказал передать все еврейское имущество, находящееся в руках Зипо и СД, руководству финансовых отделов рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», кроме драгоценных металлов, драгоценных камней и иностранной валюты, которые следовало передать в ВФХА (Главное экономическое управление СС). Выполнение приказа о передаче наличных денег заняло месяцы. Только 1 мая 1943 года начальник КДС в «Остланде» доложил Лозе о переводе ему этих денег:

Деньги, конфискованные органами полиции безопасности и СД в Остланде, в данное время в спешном порядке переводятся генералкомиссарам. Кроме того, из кассы Главного управления безопасности Рейха переводятся суммы, конфискованные в 1941 и 1942 годах... Конфискованные деньги, упоминавшиеся в письме от 19 марта 1943 года, на сумму около 1 миллиона рейхсмарок, уже отправлены латвийскими Зипо и СД. Что же касается перевода 1,8 миллиона рейхсмарок из конфискованного еврейского имущества, распоряжение об их внесении на банковский счет было дано 22 апреля 1943 года. Эту сумму рейхскомиссар Риги уже должен был получить⁷⁹.

Гражданская администрация протестовала против того, что органы СС оставляют себе драгоценности и иностранную валюту. Только спустя 11 месяцев после приказа от 26 ноября 1942 года РСХА дал указание передать гражданской администрации и эти предметы. Вот что пишет начальник Зипо и СД «Остланда»

⁷⁸ Б. Л. Тамм и др. (ред.), *Немецко-фашистская оккупация в Эстонии*. Таллинн: Институт истории партии при ЦК КП Эстонии. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР, 1963. С. 105.

⁷⁹ USHMM, R-70-5-34, Reel 5.

в письме к Лозе 23 октября 1943 года: «По соглашению с ВФХА внесено изменение в приказ от 26 ноября 1942 года; дано указание, чтобы в будущем драгоценные металлы и камни и иностранная валюта, у кого бы они ни были конфискованы, переводились в финансовые отделы рейхскомиссариатов, ведающие этим, кроме случаев, требующих дальнейшего расследования»⁸⁰.

Согласие Зипо не имело большого значения – оно относилось не к прошлому, а к будущему. Согласие это было дано после уничтожения гетто и их обитателей; только немногие евреи еще оставались в рабочих и концентрационных лагерях. Почти все ценности и иностранная валюта еврейских жертв уже находились в учреждениях СС в Берлине, и никто не требовал вернуть их гражданской администрации.

Представление о стоимости награбленного еврейского имущества дает отчет группенфюрера СС Фрица Кацмана, начальника СС и полиции в дистрикте «Галиция», от 30 июня 1943 года. Отчет этот описывает процесс «окончательного решения еврейского вопроса» в Восточной Галиции и сообщает подробности о еврейском имуществе, собранном и переданном в штаб операции «Рейнхард». Перечислены различные золотые предметы общим весом в 206 килограммов 586 граммов. Общий вес различных серебряных вещей превосходил 5 400 килограммов. Упомянуты 29 видов валюты (доллары, фунты стерлингов, злотые, рубли и т. д.), в частности, 261 589 долларов 75 центов. В отчете также указывается, что в декабре 1941 года в рамках «меховой акции» были отосланы 35 вагонов с пушниной⁸¹. В отчете указано только то, что было передано штабу операции «Рейнхард», – а ведь оставшееся в карманах чиновников местной администрации и местного населения могло существенно превышать стоимость отосланного.

Заключение

Разграбление еврейского имущества на оккупированной территории СССР и борьба различных структур за право им распоряжаться начались с первых дней немецкой оккупации (сразу

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Документы Нюрнбергского процесса, L-18.

после отступления советской армии) и продолжались до ее конца. Многие воспользовались собственностью евреев, а именно:

1) различные органы СС и другие структуры, принимавшие участие в убийстве евреев: передвижные отряды айнзатцгрупп, филиалы Зипо и СД, отряды полиции порядка, солдаты немецкой армии и т. д.;

2) немецкие военная и гражданская администрации, немецкие учреждения и банки в Берлине и в Рейхе вообще, немцы, служившие в различных структурах немецкой администрации на территории СССР;

3) местные полицейские и пособники оккупантов, а также немалое число местных жителей.

Еврейское имущество было важным источником финансирования деятельности немецкой администрации на оккупированных землях. Она распределяла его между фольксдойче и своими прислужниками из местного населения в награду за сотрудничество и для привлечения новых пособников.

Многие местные жители, получившие или присвоившие себе еврейские квартиры и еврейское имущество, были заинтересованы в том, чтобы настоящие хозяева не возвращались. В результате некоторые из них стали желать победы Германии в войне.

Нет возможности ни точно узнать, ни оценить денежную стоимость еврейской собственности на оккупированных территориях СССР, собственности, которую чиновники немецкой и местной администраций оставили себе для личного пользования и для финансирования деятельности властей и в которую входили и контрибуции в десятки миллионов рублей. У нас нет сведений о деньгах и ценностях, переведенных различными административными чиновниками и членами СС в центральные банки и в Центральное трофейное управление Рейха в Берлине. Нет также возможности установить стоимость еврейской собственности, присвоенной местными жителями или купленной ими за бесценок у немецкой администрации. Борьба за эту собственность между немецкими структурами, а также сумма примерно в 2,8 миллионов рейхсмарок (28 миллионов рублей), отобранная у евреев, которую Зипо и СД «Остланда» перевели весной 1943 гражданской администрации, сумма, которая, без сомнения, была только

малой частью и остатком конфискованного, – все указывает на огромную ценность этой собственности.

Отчет Кацмана описывает только имущество, конфискованное у евреев Восточной Галиции и переправленное в штаб операции «Рейнхард», но на основе этого описания можно составить представление о размере конфискованного у евреев имущества и в других регионах. Кроме того, немалая часть денег, золота и ценностей евреев Галиции не попала в руки Кацмана, а значит, и в его отчет, поскольку была увезена владельцами в лагерь уничтожения Белжец, находившийся вне власти Кацмана. В других оккупированных регионах СССР евреев, как правило, убивали в местах их проживания, и имущество убитых оставалось на месте. Деньги и ценности, одежда и предметы обихода, тысячи домов и квартир, – их стоимость достигала многих сотен миллионов (если не миллиардов) рейхсмарок.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
“The Plunder of Jewish Property in the Areas of the Soviet Union Occupied by Nazi Germany”
в Yad Vashem Studies, том 29 (2001) pp. 85-116.
Перевод с иврита Кати Гусаровой.*

Шмуэль Спектор

УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В СОПРОТИВЛЕНИИ И В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

После начала войны между Германией и Советским Союзом 22 июня 1941 года и стремительного захвата немцами обширных территорий советскому руководству стала очевидна необходимость организации подпольного движения на этих территориях, – в основном в целях разведки, проведения антинемецкой пропаганды и контактов с местным населением. Предположительно, уже во второй день войны (после первоначального шока) Сталин отдал приказ об организации подпольной борьбы.

25 июня 1941 года член политбюро КП(б)У и председатель Президиума Верховного Совета Украины М. С. Гречуха встретился с секретарями обкомов западных областей. Три дня спустя, 28 июня, состоялось расширенное совещание с участием секретаря Компартии Украины Никиты Хрущева и членов Политбюро Бурмистренко и Коротченко, а также секретарей обкомов компартии Левобережной Украины.

29 июня 1941 года их усилия были объединены директивой Центрального Комитета компартии в Москве и Советом Народных Комиссаров СССР: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов...»¹.

3 июля 1941 года в своем выступлении по радио Сталин, в частности, сказал следующее:

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

¹ И. Д. Назаренко (ред.), *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1944*. Киев, 1975. Т. 1. С. 288.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями (разрядка моя - Ш. С.). Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма².

Слова Сталина о том, что не следует видеть в этой войне только борьбу двух армий, удивительным образом напоминают указания Гитлера, данные 3 марта 1941 года относительно операции «Барбаросса»: «Приближающаяся война это больше чем война армий; это борьба противоположных мировоззрений»³. Однако разница заключается в формулировке целей войны и в обстоятельствах, сопровождавших эти высказывания: Гитлер обращался к своим генералам и поэтому не скрывал своих истинных намерений, тем более что в их глазах, как и в глазах большинства немцев, коммунизм угрожал существованию немецкого народа. Сталин, в отличие от Гитлера, выступал публично; он знал, что речь идет о войне на уничтожение, направленной в основном против коммунистического режима, однако утверждал и подчеркивал, что это война против советского народа и советской Родины. Именно поэтому Вторая мировая война получила в СССР название Великой Отечественной. Вожди двух тоталитарных режимов готовились к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Организация сопротивления нацистскому врагу была возложена на партию, а не на разбитую и отступающую армию. 6 июля 1941 года Центральный Комитет компартии Украины и Совет Народных Комиссаров Украины обратились к населению, призывая развернуть подпольную и партизанскую борьбу. Центральный Комитет выбрал из своего состава оперативную группу, во главе которой встал Моисей Спивак⁴, один из секретарей ЦК, заведующий кадрами. Оперативная группа спешно начала

² Цит. по кн.: В. П. Наумов (ред.), *1941 год*. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 451.

³ Hans-Adolf Jacobsen (Hg.), *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht* (Frankfurt a/M, 1965), Bd. 1, S. 341.

⁴ Д. Ф. Григорович (ред.), *Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы*. В 3 т. Киев, 1985. Т. 1. С. 345.

готовить партийных активистов: их предполагали засылать в тыл врага, который к середине июля 1941 года захватил всю территорию Западной Украины, а также значительную часть территорий Житомирской, Каменец-Подольской (ныне Хмельницкая) и Винницкой областей. Неизвестно, были ли среди засылаемых евреи; если и были, то единицы. Успех этих групп был очень скромным: многие были убиты при переходе линии фронта, так и не добравшись до места следования.

В условиях жестокого фашистского террора некоторые подготовленные для подпольной работы партийные и комсомольские организации с первых шагов своей деятельности терпели провалы, тысячи подпольщиков, не успев приступить к работе, были арестованы и уничтожены фашистами⁵.

Итак, в Левобережной Украине попытки создания подпольных групп не увенчались успехом. Партизанские отряды начали действовать на этих территориях позже, со второй половины 1942 года. В Правобережной же Украине партийные организации приступили к подготовке подполья заранее, когда немецкая армия только приближалась к границе. Из членов компартии создавались «истребительные батальоны», подготавливались базы, создавались запасы продовольствия, амуниции и оружия. Когда эти территории были захвачены немцами, отряды перебазировались в леса и болота. Такие отряды сформировались в основном в северной части Украины, изобилующей густыми лесами, в особенности в Черниговской и Сумской областях; гораздо меньше их было в Днепропетровской области. Так, в Черниговской и Сумской областях возникли знаменитые отряды Сидора Ковпака, Александра Сабурова, Алексея Федорова и другие.

Солдаты и офицеры Красной Армии, попавшие в окружение («окруженцы») или бежавшие из лагерей для военнопленных, стекались в леса северной Украины. Они организовывались в группы, добывали оружие и понемногу, очень осторожно начинали партизанскую деятельность. Деятельность эта сводилась в основном к борьбе за существование, к добыванию пищи, одежды и прочего. Действия партизан приобрели некоторый размах весной 1942 года, когда группы и одиночки узнали о существовании ор-

⁵ Украинская ССР. Т. 1. С. 302.

ганизованных отрядов и начали к ним присоединяться. Имевшие опыт военных действий и партизанского существования солдаты внесли большой вклад в деятельность отрядов. Они становились начальниками штабов подразделений, командирами разведывательных взводов, командирами рот и отделений. Политработники (комиссары и политруки) – те, кто сумел доказать случайность своего пленения или пребывания в окружении, – тоже назначались на подобные должности в партизанских подразделениях и даже попадали в высший командный состав, как полковник Бринский, батальонный комиссар Красной Армии.

Возникшие в конце 1941 и в первой половине 1942 года партизанские группы, при отсутствии единого руководства, достигли немногого. Они существовали и действовали на базе заранее подготовленных запасов амуниции и оружия или добывали оружие в боях. Казалось бы, армия должна была оказать им содействие. Так, военный совет Юго-Западного фронта (командиром его в то время был маршал Тимошенко, а членом совета – Хрущев) утвердил 1 ноября 1941 года решение о создании оперативной группы, которая должна была руководить подпольем и партизанами, согласовывая свои действия с армией; во главе группы был поставлен Моисей Спивак. Однако армия отступала, терпя одно поражение за другим, и несла огромные потери в снаряжении, поэтому помощь могла очень немногим. В результате некоторые заранее подготовленные партизанские группы не сумели продержаться в тылу врага и были уничтожены или распались в боях с немцами, – как, например, днепропетровский партизанский отряд, отправившийся в леса Новомосковска в конце августа 1941 года. 24 декабря 1941 года немцы окружили лесной массив, где скрывались партизаны; в боях погибли командир отряда – еврей Вениамин Александрович Шахнович, комиссар и несколько бойцов. Отряд распался, часть бойцов ушла в подполье, другие перешли линию фронта и оказались на советской территории⁶. Второй секретарь Днепропетровского обкома партии также сообщал о провалах на территории области. По его словам, уже в первые дни оккупации немцы схватили руководителя советского подполья в городе Марганце; в Кривом Роге подпольное руководство вынуждено было скрыться. В самом Днепропетровске немцы

⁶ Раїса Хомякова, *Воїны у цивільному*. Днепропетровск: Промінь, 1969. С. 41–45.

почти немедленно вышли на некоторых руководителей подполья, связь между группами прервалась, а глава подпольного комитета самовольно перешел линию фронта. В спешке подготовленные истребительные отряды становились партизанскими подразделениями, но часто в считанные месяцы оказывались разгромлены немцами. Многие из бойцов погибали, оставшиеся в живых переходили линию фронта. Так случилось и с подразделением Вениамина Шахновича, которое насчитывало двадцать пять человек, – командир и большинство бойцов погибли в боях⁷.

К концу весны 1942 года партийные структуры пришли к общему решению: армия не должна больше принимать участия в партизанских делах (будь то снабжение, стратегия или планирование операций). Для этой цели необходимо было создать особый орган. 30 мая 1942 года Государственный Комитет Обороны решил сформировать Центральный штаб партизанского движения при штабе главнокомандующего – Сталина. Командиром ЦШПД был назначен партийный руководитель Пономаренко, секретарь ЦК компартии Белоруссии. Еще одним решением ГКО были созданы два партизанских штаба, на Украине и в Белоруссии. Украинский штаб был организован в июне 1942 года, и его возглавил генерал Тимофей Строкач, до войны заместитель наркома внутренних дел на Украине. Задачи штаба были сформулированы так: «Штаб является военно-оперативным органом ЦК КП(б)У, осуществляющим руководство партизанским движением на Украине»⁸. Формулировка однозначно указывала: именно компартия руководит партизанским движением.

К концу 1942 года в лесах северо-восточной Украины, а также в соседних с ней Брянской, Орловской и Воронежской областях Российской Федеративной Республики были сформированы крупные партизанские бригады, от тысячи до двух тысяч бойцов в каждой. Силами специальной эскадрильи эти соединения снабжались новейшим автоматическим оружием, легкими пушками, новыми аппаратами беспроводной связи, медицинским оборудованием для полевых госпиталей и даже передвижными типографиями. С парашютами засылали подрывников и радиотехников, сбрасывали мины разного рода и подрывные средства.

⁷ Константин Грушевой, *Тогда, в сорок первом...* М., 1976. С. 145–151.

⁸ *Советская Украина*. Т. 1. С. 17.

Уровень дисциплины в отрядах повысился, контроль за выполнением приказов Центрального штаба партизанского движения стал строже.

В это время в тылу врага начал действовать и НКВД. Он подготавливал и организовывал отборные группы и сбрасывал их с парашютами на оккупированную территорию. Основной задачей НКВД было наблюдение за немецкой гражданской администрацией, но случались и диверсионные операции. Например, группа Медведева, сброшенная в районе Ровно, развернула разведывательную сеть; группе удалось совершить несколько диверсий в находящемся в Ровно рейхскомиссариате Украины. Подобные подразделения не подчинялись партизанским штабам, ни Украинскому, ни Центральному, хотя, видимо, на уровне высшего руководства все же координировали каким-то образом свои действия. Группа Медведева избегала вначале любых контактов с местным подпольем, и только когда ей понадобились определенные связи и услуги, приняла в свои ряды местных партизан. В результате в группе, изначально состоявшей из нескольких десятков бойцов, оказались несколько сотен человек.

Осенью 1942 года две первые бригады получили приказ двигаться с боями на запад, из лесов северо-восточной Украины на север Житомирской и Ровенской областей. На этих территориях партизанское движение было развито слабо, связь с Украинским штабом осуществлялась с перебойями. В лесах на севере Ровенской области начинало разворачиваться и украинское националистическое партизанское движение. Тем большее значение приобретало присутствие в этих краях сильных советских партизанских соединений. Командирами двух первых соединений были Ковпак и Сабуров. Батальоны соединения Сабурова, базировавшиеся в лесах к северу от Житомира, послужили основой для новых партизанских бригад, например, для двух Ровенских соединений, под командованием Василия Бегмы и Ивана Федорова. Соединение Ковпака оставалось мобильным и специализировалось на боевых вылазках, – в основном на юг, в сторону менее лесистых районов. Самой знаменитой операцией Ковпака стал Карпатский рейд, в ходе которого партизанам удалось взорвать нефтяные сооружения в районе Борислава и Дрогобыча. Вскоре на северо-запад Украины пришли и другие партизанские формирования, в частности, соединение Алексея Федорова, обосновавшееся к

северо-востоку от Ковеля, чтобы развернуть коммунистическое подполье в Волынской области.

Евреям было крайне сложно влиться в ряды подполья и в партизанские подразделения, действовавшие на территории Советской Украины (в границах 1939 года). Молодые люди, которые могли бы организовать подпольную деятельность или партизанскую борьбу, были мобилизованы в Красную Армию. Ценные работники и руководители разных рангов были вывезены на восток вместе с заводами и учреждениями в рамках организованной эвакуации или ушли самостоятельно. В большинстве населенных пунктов оставались старики, женщины и дети, калеки и больные.

Уничтожение еврейского населения в этих регионах, как правило, проводилось сразу же после прихода немецкой армии, иногда по прошествии нескольких месяцев. «Окончательным решением еврейского вопроса» занимались подразделения айнзатцгрупп, которые, согласовывая свои действия с армией, производили массовые расстрелы и во многих местечках уничтожили все еврейское население. Наиболее яркими примерами могут служить Киев и Харьков. 6-я немецкая армия вступила в Киев 19 сентября 1941 года, а уже десять дней спустя, 29–30 сентября, начались массовые расстрелы в Бабьем Яру. Харьков был оккупирован 23 октября 1941 года, а два с половиной месяца спустя, в течение первой недели 1942 года, местные евреи были уничтожены. И хотя в некоторых местечках в Житомирской, Каменец-Подольской и Винницкой областях после первых акций были созданы гетто, они являлись на практике рабочими лагерями для специалистов, чьи услуги были нужны немцам, и прежде всего немецкой армии.

В западных областях (аннексированных у Польши в 1939 году), в основном на Волыни, где гетто продолжали существовать до лета 1942 года и где в гетто оказалась молодежь, возникали группы сопротивления. Иное положение сложилось на востоке, за старой польско-советской границей. Тотальное уничтожение на ранних стадиях оккупации, а также демографический состав оставшихся под оккупацией евреев, как правило, не способствовали возникновению подполья. И там евреи бежали в леса и присоединялись к партизанам, – но то были единицы, спасшиеся во время волны уничтожения. В гетто на территории Советской Украины условия крайне редко допускали воз-

никновение еврейского подполья и групп сопротивления, как это было на территории бывшей Польши. У нас нет сведений о существовании здесь подразделений, подобных отряду Моисея Гильденмана, группе из Софиевки, отряду доктора Атласа или отряду братьев Бельских, действовавших на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Исключение – некоторые гетто в Транснистрии, находившейся под румынской оккупацией, где многие местные евреи остались в живых после волны акций, а вскоре к ним присоединились евреи, депортированные из Буковины и Бессарабии. Гетто в Транснистрии находились примерно в том же положении, что и гетто на территориях, аннексированных Советским Союзом в 1939 году. За счет продолжительного существования гетто инициативным узникам удавалось иногда организовать подполье.

Мы располагаем чрезвычайно ограниченной и отрывочной информацией о различных гетто на территории Советской Украины. Вениамин Шахнович из Днепропетровска, имя которого уже упоминалось, видимо, занимал высокий пост в местной партийной организации и поэтому оказался в подполье, а затем принял командование партизанским отрядом. Даже если советские руководители знали, что евреи подлежат немедленному уничтожению, на евреев – руководящих партийных работников все равно возлагались подпольные задания. Так, Яков Талес из Бершади, оказавшейся на территории Транснистрии⁹, носил звание подполковника и в своей воинской части отвечал за политическую работу. В районе Умани Талес попал в плен, бежал и вернулся в свой родной город. Он был одним из организаторов и руководителей подполья, действовавшего в основном в гетто, в состав которого входили многие местные евреи. Подпольная типография печатала листовки. Подполье это даже пользовалось поддержкой руководителей юденрата, состоявшего из депортированных румынских евреев. В своих воспоминаниях Талес упоминает активистов подполья, например, Нахмана Фарштейнигера, некоторое время возглавлявшего организацию, братьев Давида и Гришу Шор, молодую девушку Хону Тракторенко. По его словам, в деятельности бершадского подполья участвовали около восьмидеся-

⁹ Свидетельство Хермана Чаушу (Ceaușu): Архив Яд Вашем (АЯВ). ОЗ/1505; Свидетельство Якова Талеса: АЯВ. ОЗ/5159.

ти человек, пятьдесят пять из которых ушли в леса и создали там партизанский отряд. «По существу, штаб, организаторы были больше всего евреи, организовывали это все евреи. Хотя этот Пелипчук (*украинец, оставленный для организации подполья – Ш. С.*) был оставлен, и он считался официальным лицом, каким и после того его признали. Понимаете, он украинец, и это все шло под его именем, но евреи это все организовывали, больше всего евреи участвовали»¹⁰.

Скудная информация о случаях сопротивления, которой мы располагаем, относится к Винницкой и Каменец-Подольской областям. Известно, что в Ярмолинцах группа вооруженных евреев сражалась два дня, пока не кончились боеприпасы. В этом бою были убиты шестнадцать украинских полицейских и их командир, а также пятеро немцев¹¹. На станции Селекционная, в пяти километрах от местечка Ильинцы, еврейская молодежь объединилась в боевую группу; они добыли пять пистолетов и несколько ручных гранат, но при попытке уйти в леса все погибли в бою с полицией¹². В Хмельнике молодой человек по фамилии Вайсман организовал группу из одиннадцати человек. Они добыли оружие и 23 октября 1943 года бежали в лес; группа вошла в состав батальона им. Хрущева Винницкого соединения Я. И. Мельника¹³. В Чичельнике майор Грановский, еврей, с июля поддерживал связь с партизанами. Он вывел двенадцать евреев из гетто в леса, где они, видимо, влились в одно из Винницких соединений¹⁴.

Из немецких источников известно о двух случаях сопротивления, произошедших в Житомирской области в начале оккупации. В местечке Ушомир расстреляли всех мужчин-евреев, а через два часа после расстрела из леса вышли четверо спасшихся и подожгли сорок восемь домов. В самом Житомире евреи стреляли в украинскую полицию; в наказание за это были расстреля-

¹⁰ Свидетельство Якова Талеса.

¹¹ Василий Гроссман, Илья Эренбург (ред.), *Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях уничтожения Польши во время войны 1941–1945 гг.* Киев, 1991. С. 45.

¹² Свидетельство Хавы-Евы Шляпоберской-Дуб: АЯВ. ОЗ/2243.

¹³ *Черная Книга*. С. 53.

¹⁴ Свидетельство Залмана Тейтельбойма: АЯВ. ОЗ/3446.

ны двести шестьдесят шесть евреев¹⁵.

Еще одним центром деятельности евреев в подполье была Одесса. С 16 октября 1941 года там действовал областной подпольный комитет. В результате предательства 21 апреля 1943 года большинство его членов были арестованы, в том числе начальник штаба Сойфер, еврей, до войны, видимо, занимавший высокий партийный пост¹⁶. Среди активисток подполья упоминаются сестры Елена и Ольга Канторович, связанные партизан из катакомб (многие из которых, кстати, тоже были евреями¹⁷).

В партизанские соединения вливались солдаты и офицеры, евреи по национальности, попавшие в окружение или бежавшие из плена. Как известно, положение советских военнопленных было ужасным, миллионы погибли в первые месяцы войны. Но во много раз хуже было положение пленных евреев: уже в первичных лагерях особые звенья полиции и немецкая служба безопасности отделяли евреев от остальных и расстреливали на месте, часто на глазах у их товарищей. Пленные евреи быстро научились скрывать свою национальность; многие выжили и бежали, если не были преданы своими же товарищами по оружию.

Бежавшие из плена и окружения еврейские солдаты скрывались в лесах и окрестных селах, пока им не удавалось найти партизан и присоединиться к ним. История Якова Талеса из Бершадя уже упоминалась выше. Он сражался в рядах батальона им. Богуна Винницкого соединения им. Ленина, был удостоен знаков отличия¹⁸. лейтенант Александр Абугов из Кировограда в декабре 1941 года бежал из лагеря для военнопленных в Ковеле на Волыни. После долгих скитаний он добрался до Дольска, что в болотах Полесья, где присоединился к группе партизан, состоявшей из таких же беглецов. Абугов отличился в разведоперациях и получил под свое командование разведроту. В конце ноября 1942 года, в районе местечка Серники, он примкнул к партизанскому отряду, большинство бойцов которого были мест-

¹⁵ Tätigkeits- und Lagebericht der Einsatzgruppen der SiPo und SD, Berlin, № 5 (15–30.9.1941), S. 14. Копия: АЯВ. О15/16.

¹⁶ Советская Украина. Т. 2. С. 290–291.

¹⁷ Черная Книга. С. 106–107.

¹⁸ Свидетельство Якова Талеса.

ными евреями. В феврале 1943 года этот отряд был присоединен к Ровенскому соединению под командованием Василия Бегмы. В соединении Абугову было поручено командовать взводом конных разведчиков, – почти сотней бойцов¹⁹. Солдат Яков Кац оказался в окружении в Сумской области. Ему удалось сохранить личное оружие, и он пробирался из села в село, избегая столкновения с немцами, пока не присоединился к партизанскому отряду, а из него перешел в соединение Ковпака. В своих воспоминаниях Кац рассказывает о погибшей в бою еврейке по имени Соня, партизанском командире²⁰. А солдат Натан Старосельский находился на регулярной армейской службе в Бресте, попал в плен, но сумел бежать и добрался в конце концов до Киевской области. Вначале он выдавал себя то за русского, то за украинца, но когда понял, что ему не верят, стал представляться татаринном Закировым. В июле 1943 года, уже раздобыв пистолет, он присоединился к батальону им. Чапаева соединения Шитова²¹.

Напоследок приведем историю Леонида Беренштейна: в июне 1941 года Беренштейн был мобилизован в Красную Армию в звании лейтенанта. Недалеко от Киева был ранен и попал в окружение, но сумел избежать плена и присоединиться к подполью. В районе городка Смела Беренштейн стал одним из организаторов подпольной группы, в состав которой вошли около двадцати человек. Группа вышла в леса и в районе Черкасс слилась с отрядом им. Пожарского. Беренштейн стал командиром диверсионной группы, а затем начальником штаба; в декабре 1943 года подразделение соединилось с Красной Армией. Затем Беренштейн был назначен командиром разведгруппы, сброшенной с парашютами в районе городка Санок в Карпатских горах. Там их партизанский отряд вырос до батальона. С приближением Красной Армии Беренштейн перебрался со своими бойцами в Чехословакию и продолжил борьбу в тылу врага²².

Проверка скудного материала о евреях – бойцах партизанских формирований показывает, что евреи занимали самые различные

¹⁹ Свидетельство Александра Абугова: АЯВ. ОЗ/2375.

²⁰ Свидетельство Якова Каца: АЯВ. О16/430.

²¹ Свидетельство д-ра Натана Старосельского: АЯВ. ОЗ/5447.

²² Леонид Беренштейн, *Без виз и паспортов*. Киев, 1973.

военные должности. Они сражались в разведке и в диверсионных группах, среди тех, кто всегда, невзирая на опасность, шел впереди своих подразделений и дивизий. Абугов командовал разведротой; лейтенант Фидерман, командир разведчиков в соединении Алексея Федорова²³, погиб в бою; разведчик Яков Соболев воевал в соединении Ковпака. Евреи были радиотехниками (как, например, Шая Баскин у Федорова или Давид Дуборский у Ковпака), связистами, переводчиками и, конечно, рядовыми бойцами. Среди военных врачей мы видим немало евреев и евреек: Дина Маевская была врачом у Ковпака, доктор Вениамин Цесарский служил в особом подразделении Медведева; многие еврейские девушки были боевыми медсестрами и фельдшерицами.

Евреи исполняли и небоевые задания. В больших соединениях действовали типографии, где печатались газеты и листовки, и среди наборщиков мы находим немало евреев. В киноартелях, сброшенных с парашютами в большие соединения во второй половине 1943 года, чтобы увековечить борьбу партизан, тоже работали евреи, в частности, кинооператоры Михаил Глидер и Яков Давидзон. Многие евреи занимались производством и починкой одежды, оружия и обмундирования, приготовлением пищи в хозяйственных взводах.

Евреи нередко занимали командные должности: Леонид Беренштейн – командир отряда, Яков Талес – комиссар отряда, Абугов – командир разведроты, доктор Эрлих – командир медицинской службы в соединении Бегмы, Александр Марголис и Яша Павловский – командиры взводов.

Сколько евреев воевало в советских партизанских отрядах на Украине? Ответить на этот вопрос непросто. В 1946 году была сделана попытка составить статистический лист с данными по национальному составу партизан Украины. Инициатором выступило украинское отделение Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии Наук Украины²⁴. Исследование производит впечатление серьезного и тщательного; по его дан-

²³ О евреях соединения Алексея Федорова (Волынского соединения) см. статью Федорова, опубликованную в газете "Еврейский журнал" (Москва) 5 ноября 1946 года.

²⁴ О. Бабишкін, *Особовий склад радянських партизанів України*. Киев, 1946 (рукопись). Центральный Государственный Архив Украины (ЦГАУ). Ф. 4620. Оп. 3. Д. 102.

ным, на территории Украины действовали около 200 000 партизан. Штабу партизанского движения на Украине в то время были известны имена приблизительно 168 000 партизан, но только о 90 000 – 95 000 человек была дополнительная информация, позволявшая провести более подробное исследование.

Документ основывается на данных 30 боевых единиц – 26 соединений и четырех батальонов. В списке не значатся отряды особого назначения, не подчинявшиеся украинскому штабу, такие как отряд НКВД под командованием Медведева. В таблице есть графа «национальность»; она позволяет нам узнать, что из 98 593 партизан 1 078 были евреями, что составляет 1,2%. Евреи оказываются пятой по величине национальной группой после украинцев, русских, белорусов и поляков (в таблице евреи указаны перед словаками, казахами, татарами и народами Кавказа).

В таблице национального состава боевых единиц значатся 20 соединений и один батальон. Перед вами данные о боевых единицах, в состав которых входило более десяти евреев.

Название боевой единицы	Общее число бойцов	Число евреев
Соединение А. Ф. Федорова	3 373	154
Соединение В. А. Бегмы	1 568	102
Соединение (дивизия) С. А. Ковпака	1 854	97
Соединение И. Ф. Федорова	1 744	87
Соединение С. А. Лишевского (им. Хрущева)	3 333	81

Соединение А. Г. Кондратюка (им. Сталина)	2 763	53
Соединение А. Н. Сабурова	3 675	50
Соединение А. З. Одухи	4 100	43
Соединение Л. Я. Иванова (им. Ленина)	2 117	17
Партизанское кавалерийское соединение М. И. Наумова	1 587	15
1-е Молдавское партизанское соединение	2 892	14

И еще из того же документа: в списке 65 Героев Советского Союза нет ни одного еврея. В статистике удостоенных медали «Партизан Великой Отечественной войны» общее число награжденных – 21 518, из них 415 евреев, что составляет почти 2%. Они находятся на четвертом месте, после украинцев, русских и белорусов.

Приведенные выше данные кажутся вполне достоверными, однако более поздний источник приводит другие цифры²⁵. В нем говорится, например, о 60 соединениях, а также о 1 993 самостоятельных батальонах и разведывательно-диверсионных группах. Согласно этому источнику, в партизанском движении на Украине принимали участие 501 750 человек. Национальный состав приводится в процентном отношении: украинцы – 59%; русские – 22,2%; белорусы – 6,6%. Из оставшихся 12,2% представители народов Западной Европы составляют 3,2%, а «прочие» – 9%. А в документе, приведенном выше, «прочие» (после евреев и до конца списка) составляли всего 6,7%.

²⁵ Советская Украина. Т. 3. С. 222–224.

В процессе сравнения этих двух источников выясняется, что число партизан увеличилось по крайней мере в два с половиной раза; почти в два раза выросло и число «прочих», среди которых должны быть евреи. Иными словами, можно предположить, что число евреев было по меньшей мере в четыре раза выше числа, приведенного в первом документе. Более тщательная проверка подтверждает подобное предположение. Перед нами данные о национальном составе конного партизанского соединения генерала Наумова. Этот отчет был подготовлен командованием соединения сразу после перехода на территорию, находившуюся под контролем Красной Армии, по заказу ЦК партии в Киеве²⁶. В свой последний поход в Дрогобычский район соединение вышло в составе 1 560 бойцов, около 3,3% составляли евреи (51 человек). А в приведенной выше таблице указаны 15 евреев. В Винницком соединении Кондратюка сражались, по воспоминаниям Якова Талеса, около 100 евреев, тогда как в таблице значатся только 53. Вызывает сомнение и утверждение, что в соединении Сабурова были 50 евреев. В рамках этого соединения действовала еврейская рота Моисея Гильденмана. Подобные сомнения справедливы, по крайней мере, по отношению к соединениям Ковпака и Бегмы. К примеру, во время Карпатского рейда Ковпак освободил 200 евреев из лагеря под местечком Скалат. Несколько десятков влились в состав соединения в рамках еврейского взвода, которым командовали опытные еврейские партизаны. Многие бойцы еврейского взвода пали в тяжелых боях, их снаряжение было утеряно, и можно предположить, что записи о присоединившихся к соединению скалатских евреях не сохранились. Следует также отметить, что некоторые скрывали свое еврейство, – по разным причинам: кто-то начал выдавать себя за нееврея, побывав в немецком плену, кто-то – столкнувшись с антисемитизмом, царившим в период становления партизанского движения.

Анализируя приведенные выше статистические данные, следует учитывать условия существования евреев и еврейских военнопленных в Советской Украине. Казалось бы, быстрое уничтожение, как в местечках, так и в лагерях для военнопленных, должно было предотвратить или намного сократить участие евреев в движении сопротивления и в советском партизанском движении.

²⁶ Михаил Наумов, *Западный рейд*. Киев, 1985. С. 272.

Эти цифры и проценты – свидетельство героизма еврейского народа Советской Украины.

Поскольку все украинские архивы открыли свои хранилища, пришло время собрать материал, относящийся к этой теме, провести исчерпывающее исследование о вкладе евреев в партизанскую борьбу на Украине. В архивах этих хранится материал о бригадах Штаба партизанского движения на Украине и о дивизиях и батальонах. Согласно инструкции, при роспуске боевой единицы командиры должны были подавать Центральному Комитету партии и партизанскому штабу отчет о деятельности своей группы, а также отправлять в Киев свои архивы. В архивах боевых единиц хранятся боевые журналы, личные записи, анкеты, списки погибших, списки представленных к наградам и прочее. Тщательное изучение этого материала позволит нам восстановить полную, насколько это возможно, картину участия евреев в советском партизанском движении на Украине.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
"Jews in the Resistance and Partisan Movements in the Soviet Ukraine"
в Yad Vashem Studies, том 23 (1994) pp. 91-102.
Перевод с иврита Кати Гусаровой.*

Мордехай Альтшулер

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ
О ХОЛОКОСТЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ЭПОХУ СТАЛИНА*

В первое десятилетие после окончания Второй мировой войны *шеерит ха-плета* – «ущелевший остаток» еврейства Восточной Европы прилагал огромные усилия, чтобы увековечить память о Холокосте. Помимо сбора документального материала, выжившие организовывали мемориальные митинги, устанавливали памятные камни и знаки, – чтобы последующие поколения помнили об одном из самых трагических событий еврейской и человеческой истории. Однако долгое время казалось, что «ущелевшего остатка» советского еврейства эта тенденция не коснулась.

Большинство работ на эту тему вышли в свет за пределами СССР; не вполне свободные от политических соображений, они касались поведения советских властей в вопросах увековечения памяти о Холокосте, главным образом на примере установки памятника в Бабьем Яру в Киеве, причем евреи, как представляется, не играли в этом проекте сколько-то заметной роли¹. Лишь в последние годы, когда советские архивы стали несколько доступнее, исследователям впервые приоткрылась широкомасштабная деятельность по увековечению жертв Холокоста, которую вели советские евреи.

Вернувшись после войны в родные края, евреи считали своим правом и долгом увековечить память близких – изданием книг памяти, проведением траурных митингов и установкой памятников жертвам. Многие пытались таким образом выразить боль и отчаяние, вызванные трагедией европейского еврейства вообще и еврейства Советского Союза в частности. Родные и близкие многих советских евреев, в том числе и тех, кто до начала Второй мировой войны проживал вне районов, впоследствии оккупированных нацистами, были убиты во время Холокоста, и увековечение памяти погибших стало общим долгом простых людей и

* Эта статья была написана в рамках фундаментального исследования еврейской религиозной жизни в Советском Союзе после войны, проводившегося при поддержке Национального фонда науки, основанного Национальной академией наук Израиля.

¹ William Korey, *The Soviet Cage: Anti-Semitism in Russia* (New York: Viking, 1973), pp. 98–124.

высокопоставленных сановников, верующих евреев и нетерпимых к религии коммунистов. Холокост превратился в фактор, объединивший различные слои еврейского населения СССР. Поэтому неудивительно, что инициативы по увековечению памяти о Холокосте исходили снизу и носили местный характер; органы власти не принимали в них участия, более того, как правило, не одобряли их и всячески противились их осуществлению.

Многие, целиком потеряв свои семьи, полагали, что об увековечении памяти жертв Холокоста должен позаботиться Еврейский антифашистский комитет. Так, в декабре 1945 года генерал Давид Драгунский писал:

На моей родине [в местечке Новозыбкове]² немецкие изверги расстреляли всю мою семью – всего 74 человека из семьи Драгунских... Косточки моих сестер, детей валяются по полю, скот топчет их... [Следует р]азвернуть работу Антифашистского комитета по организации памятников расстрелянным детям, старикам, женщинам... Четырехлетний кошмар трудно забыть, надо построить везде ограды, памятники, надписи, указать даты [убийств]³.

По-видимому, Еврейский антифашистский комитет не отреагировал на предложение Драгунского и не стал заниматься проведением церемоний или установкой памятников. Инициаторами мемориальной деятельности были еврейские религиозные общины, которые представляли собой единственный легитимный орган еврейского самоуправления на местах и продолжили действовать и после роспуска Комитета в ноябре 1948 года. Об-

² Согласно переписи населения 1897 года, в Новозыбкове (в тот период – Черниговской губернии) проживали 3 836 евреев, составлявших около четверти (25,4%) населения местечка. С ростом населения города и миграцией евреев за его пределы относительная численность евреев уменьшилась. Перепись населения, состоявшаяся в январе 1939 года, показала 3 129 евреев, – только 13% от общей численности населения. Большинство евреев Новозыбкова не покинули город после начала советско-германской войны и оказались под нацистской оккупацией. 17 февраля 1942 года в городе состоялась первая акция, в ходе которой были убиты около 800 евреев (Илья Альтман, Ицхак Арад (ред.), *Неизвестная Черная книга*. Иерусалим–Москва: Яд Вашем, ГАРФ, 1993. С. 402).

³ Геннадий Костырченко (ред.), *Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история*. М.: Международные отношения, 1996. С. 108; Shimon Redlich (ed.), *War, Holocaust and Stalinism: A Documented Study of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR* (Luxemburg: Harwood Academic Publishers, 1995), p. 231. Я благодарю моего друга профессора Шимона Редлиха, обратившего мое внимание на этот документ.

щины возникли в большинстве городов и местечек, в которых собиралось еврейское население после освобождения от нацистской оккупации⁴, и увековечение памяти жертв Холокоста стало, прямо или косвенно, одной из важнейших сфер их работы. Эта работа общин и так или иначе связанных с ними людей выходила за рамки обеспечения культовых нужд населения, отведенные для деятельности религиозных общин государственными органами. К тому же посредством денежных пожертвований и личных связей с местными властями многие евреи превратились в активных участников деятельности по увековечению памяти о Холокосте, которая с формальной точки зрения велась религиозными общинами. Поскольку еврейские общины находились в ведении Совета по делам религиозных культов при СНК СССР и его областных уполномоченных, сведения о них можно найти в основном в архивных материалах этого учреждения, доступ к которым исследователи получили лишь в последние годы.

Помимо физического увековечения памяти жертв Холокоста, которая являлась наиболее важным и широко распространенным видом этой деятельности, общины неоднократно пытались публиковать свидетельства и списки погибших. В 1946 году община Львова начала сбор показаний уцелевших евреев, планируя опубликовать собранные материалы в 1947 году⁵. Община Винницы обратилась в горсовет с просьбой разрешить ей издать книгу с фамилиями евреев города, убитых нацистами. На полях просьбы председатель горсовета Петров написал: «Со стороны горсовета нет никаких возражений против издания книги о жертвах фашизма»⁶. Представляется, однако, что инициативы львовской и винницкой общин не имели продолжения, и работа в этой области сосредоточилась в основном на подготовке проекта «Черная книга», которым занимался Еврейский антифашистский комитет.

⁴ Yaacov Ro'i, "The Jewish Religion in the Soviet Union after World War II" // Yaacov Ro'i (ed.), *Jews and Jewish Life in Russia and Soviet Union* (Ilford: Frank Cass, 1995), pp. 264–289.

⁵ Отчет председателя общины Серебряного от 5 января 1947 года: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВУ). Ф. 4648. Оп. 2. Д. 33. Л. 138–139.

⁶ Письмо уполномоченного Совета по делам религиозных культов (далее – СДРК)

Мемориальные митинги

Один из первых таких митингов состоялся, по-видимому, в Харькове в январе 1945 года по случаю трехлетней годовщины страшного убийства евреев города. В ходе митинга община собрала 15 000 рублей на увековечение памяти жертв Холокоста⁷. Подобные собрания нередко вызывали сопротивление властей. В 1945–1946 годах община Новограда-Волынского неоднократно просила разрешить ей провести митинг на месте гибели евреев города, однако городские власти возражали⁸. В августе 1946 года евреи Каменца-Подольского попытались провести митинг в память годовщины уничтожения в городе 23 000 евреев в 1941 году, однако председатель горсовета Лемчук, по-видимому, в силу своих антисемитских взглядов, категорически запретил его проведение⁹. Члены общины не смирились с запретом и в июле 1948 года обратились с жалобой к председателю президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику и к председателю Совета министров Украины Н. С. Хрущеву. В своем письме они, в частности, писали:

В 1946 году, в день, когда мы все просили председателя горсовета дать нам возможность отметить трагический траурный день, когда наши матери, отцы и безвинные дети были в массовом порядке расстреляны и замучены, нам в этой просьбе, исходящей из глубины души сотен евреев, отказали... Неоднократные просьбы дать возможность скромно упорядочить братские могилы, где похоронены наши предки и отцы, и где заживо закопаны десятки тысяч наших родителей, братьев, сестер и детей, где земля содрогалась от ужаса и страха, пройдет еще год времени и нельзя будет узнать место, где в 1941 году немецкие палачи произвели неслыханную в истории человеческую трагедию, и ямы человеческих жизней зарастают бурьяном и травой и постепенно исчезает след и память наших дорогих сестер, матерей и близких,

в Винницкой области к заведующему областным отделом агитпропа от 1948 года о непонимании местными органами власти советской политики в области религии: Государственный архив Винницкой области (ГАВО). Ф. Р-2700. Оп. 19. Д. 35. Л. 27.

⁷ ЦГАВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 37. Л. 38.

⁸ Там же. Д. 301. Л. 77.

⁹ Жалоба евреев Каменец-Подольского председателю президиума Верховного Совета Украины от сентября 1947 года: там же. Д. 37. Л. 46.

и несмотря на эти законные требования, идущие от разбитых сердец сотен людей, от слез матерей, данный вопрос остался по сей день неразрешенным¹⁰.

Эта отчаянная просьба осталась без ответа, как и предшествующие, и власти отказались дать официальное разрешение на проведение митинга памяти жертв Холокоста, подобного тому, что состоялся за несколько лет до этого в Одессе.

В Богдановке (около 150 км от Одессы) во время немецкой и румынской оккупации были уничтожены десятки тысяч евреев. Их тела сожгли, чтобы замести следы преступления. Таков, в частности, был вывод официальной советской комиссии по расследованию преступлений нацистов, процитированный 30 апреля 1944 года в местной газете «Черноморская коммуна». Этой публикацией власти неявно признавали, что убиты были именно евреи, а не просто «советские граждане»¹¹. Д. В. Клинов, один из лидеров еврейской общины Одессы, по собственной инициативе поехал в Богдановку и собрал там прах убитых и остатки костей. От имени общины он обратился к уполномоченному Совета по делам религиозных культов с просьбой разрешить проведение публичного погребения 10 декабря 1946 года. Более того, он потребовал, чтобы объявления о предстоящей траурной церемонии были опубликованы в местной печати. Чиновник в местном отделении Совета не хотел самостоятельно принимать решение по этому вопросу и обратился к вышестоящему руководству в Киеве, откуда пришел строжайший запрет на проведение публичного погребения. В ответе руководства говорилось, в частности, что в Богдановке были сожжены люди различных национальностей, не только евреи, и поэтому «соответствующим органам» (то есть органам государственной безопасности) следует проверить, каким образом гражданин Д. В. Клинов смог собрать в Богдановке прах и кости убитых и распределить их по национальному признаку¹².

¹⁰ Жалоба общины Каменца-Подольского председателю президиума Верховного Совета Украины от сентября 1947 года: там же. Д. 37. Л. 47; Д. 52. Л. 92. См. также: Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 70. Д. 1172. Л. 5.

¹¹ Давид Стародинский, *Одесское гетто*. Одесса: Хайтех, 1991. С. 14–15. См. также: Ицхак Арад (ред.), *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)*. Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд Вашем, 1991. С. 164–166.

¹² ЦГАОВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 37. Л. 66–68.

Таким образом, власти не только запретили проведение символической публичной церемонии погребения жертв Холокоста, но и объявили, что любая подобная попытка таит в себе тенденции, которые привлекают внимание служб безопасности. Они вполне справедливо видели в таких действиях проявление национальных или, выражаясь их языком, «националистических» устремлений. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов на Украине указывал в памятной записке о еврейской религии в 1947 году, что националистические устремления проявляются особенно часто в связи с братскими могилами, в которых погребены «патриоты нашей родины, замученные немецкими фашистами». Хотя хорошо известно, говорилось далее, что в этих могилах покоятся останки как верующих, так и неверующих людей различных национальностей, некоторые круги еврейской общественности стремятся представить эти места погребения исключительно могилами убитых евреев¹³.

Категорически возражая против проведения митингов памяти жертв Холокоста под открытым небом, в конце войны власти не только разрешали поминальные церемонии в синагогах, но даже поощряли такие инициативы. Так, было получено согласие на проведение 14 марта 1945 года поминальной молитвы по жертвам Холокоста в Московской хоральной синагоге. Тем самым соответствующие инстанции откликнулись на призыв главного раввина Палестины Ицхака Герцога, одновременно рассчитывая укрепить престиж раввина синагоги Соломона Шлифера. На церемонию пропускали по билетам, причем билеты распределялись в соответствии с указаниями властей. Присутствовали видные государственные чиновники, в частности, Полина Жемчужина, жена В. М. Молотова, сидевшая в молитвенном зале с мужчинами, высокопоставленные военные, литераторы, писавшие на языке идиш (Ицик Фефер, Шмуэль Галкин, Давид Гофштейн, Лейб Квитко)¹⁴, и даже выдающийся советский историк, выкrest Евгений Тарле. Поминальные молитвы *Кадеш* и *Эль мале рахамим* прочел Михаил Александрович, очень популярный в те годы в Советском Со-

¹³ Отчет о положении еврейской религии на Украине от июля 1947 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 132.

¹⁴ Хотя писатели участвовали в поминальной службе с явного или неявного разрешения властей, этот «грех» им все же припомнили в ходе судебного процесса над

юзе певец¹⁵. После поминальной молитвы в московской синагоге такие же службы состоялись и в других городах. 12 августа 1945 года еврейская община в Мозыре провела специальную молитву в память жертв Холокоста. Накануне церемонии приглашения были разосланы пятистам видным гражданам, евреям и неевреям, в том числе и мозырьскому священнику русской православной церкви по фамилии Романушко. Из пятисот приглашенных около трехсот пятидесяти были молодыми людьми; присутствовали также евреи – члены партии¹⁶, занимавшие важные посты в городской администрации. О предстоящей поминальной молитве сообщили по областному радио. В ходе церемонии было собрано 13 000 рублей на восстановление синагоги и 4 000 рублей на нужды советского Красного Креста. Звучали хвалебные слова в адрес Красной Армии и Сталина, которому участники направили приветственную телеграмму. В отличие от Москвы, в Белоруссии проведение службы подверглось резкой критике, и местные органы власти были обвинены в «политической близорукости»¹⁷. Учитывая неясность политики относительно поминальных служб в синагогах, община при Московской хоральной синагоге направила в декабре 1945 года в адрес большинства еврейских религиозных общин телеграмму следующего содержания: «Московская религиозная община сообщает, что верующие евреи всего мира установили неделю траура по жертвам фашистских палачей, начинающуюся 8 марта»¹⁸ (телеграмма была послана, разумеется, с разрешения властей). Таким образом, в 1946 году поминальные молитвы по жертвам Холокоста состоялись во многих синагогах Советского Союза, в том числе и в Хоральной синагоге в Москве. Однако в 1947 году особых поминальных молитв в синагогах, по-видимому, уже не проводили, хотя во время

членами Еврейского антифашистского комитета. См.: Владимир Наумов (ред.), *Неправедный суд – последний сталинский расстрел*. М.: Наука, 1994. С. 38, 115, 116.

¹⁵ Imanuel Mikhlin, *Ha-gahelet* (Jerusalem: Shamir, 1986), pp. 94–96; Михаил Александрович, *Я помню...* М.: б. и., 1992. С. 138–140.

¹⁶ Из них на молитве присутствовали начальник отдела кадров Полесского облисполкома Винокур и редактор областного радио Готловский.

¹⁷ Отчет уполномоченного СДРК в Полесской области за третий квартал 1945 года: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 952. Оп. 2. Д. 2. Л. 84; Отчет уполномоченного СДРК в Полесской области с 1 октября 1945 года по 21 мая 1946 года: там же. Д. 5а. Л. 15–17.

¹⁸ Государственный архив Черновицкой области (ГАЧО). Ф. Р-623. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

традиционной молитвы в память умерших иногда читали общую поминальную молитву *Изкор* по жертвам Холокоста.

Почему же власти столь различно относились к поминальным церемониям по жертвам Холокоста в синагогах и за их пределами? По-видимому, это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, служба в синагоге может рассматриваться как часть религиозной деятельности, которая внутри молельного дома была разрешена и считалась законной, но за его пределами – строго запрещена. Во-вторых, участники поминальных служб в синагогах тщательно отбирались. Внутри синагоги легко было контролировать как присутствующих, так и ход церемонии, определенный и согласованный заранее, тогда как на месте казни события могли развиваться непредсказуемо.

Физическое увековечение

Траурные митинги и поминальные молитвы – уникальные, одноразовые события, тогда как монументы служат постоянным средоточием памяти и неизменным источником чувства солидарности с жертвами Холокоста. Поэтому не вызывает удивления особая чувствительность властей к установке памятников в местах погребения. Попытки устанавливать памятники начались еще до окончания войны, – например, идея монумента в честь бойцов Варшавского гетто родилась в Советском Союзе в 1943 году¹⁹.

Поскольку на оккупированной территории Советского Союза массовые убийства евреев происходили вблизи каждого города и местечка²⁰, действия по увековечению памяти жертв проводились повсеместно (сегодня нам стали известны лишь немногие конкретные примеры).

В Прибалтике советские власти часто терпимее относились к увековечению памяти жертв Холокоста, чем в других регионах Советского Союза²¹; это видно, в частности, из истории создания памятника жертвам Холокоста в Вильнюсе. В конце 1946 года

¹⁹ Nathan Rapoport, "Memoir of the Warsaw Ghetto Monument" // James E. Young (ed.), *The Art of Memory – Holocaust Memorials in History* (Munich: Prestel, 1994), p. 106.

²⁰ См.: Mordechai Altshuler, "The Unique Features of the Holocaust in the Soviet Union" // Ro'i (ed.), *Jews and Jewish Life*, pp. 171–211.

²¹ Причины этого отношения до сих пор не были изучены углубленным образом.

еврейская община Вильнюса обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов в Литве с просьбой разрешить привести в порядок братские могилы в Паняряй (Понарах) и установить там памятник. Лес Паняряй, расположенный в десяти километрах от Вильнюса, во время нацистской оккупации были местом казни десятков тысяч евреев, советских военнопленных и антифашистов. После освобождения территория оставалась в крайнем запустении, не отмеченная никаким памятным знаком. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Литве передал обращение общины заместителю председателя литовского правительства, порекомендовав ему удовлетворить просьбу и положительно рассмотреть вопрос об установке памятника (разумеется, по согласованию с главным архитектором Литовской ССР)²². По итогам этого обращения были установлены памятные знаки в местах казни евреев в ряде местечек Литвы (например, в Шете и Утяне), а также в городе Добеле в Латвии²³.

В соседней Белоруссии²⁴ также делались попытки увековечить память жертв Холокоста. В Минске были собраны деньги на постройку памятника; его строительство успешно завершилось благодаря тесному сотрудничеству между религиозной общиной и евреями, занимавшими видное положение в городском хозяйственном руководстве²⁵. После того как памятник с надписями

Такое исследование выходит за рамки темы настоящей статьи. См. примеры: Zvi Gitelman, "The Soviet Politics of the Holocaust" // Young, *The Art of Memory*, p. 141.

²² Письмо уполномоченного СДРК в Литве Пушиниса заместителю председателя Совета министров республики от 12 марта 1948 года: Центральный государственный архив Литовской ССР (Lietuvos TSR Centrinis Valstybinis Archyvas, LCVA). Ф. 12181. Оп. 1. Д. 26. Л. 77.

²³ Gitelman, "The Soviet Politics", pp. 144–145; idem, *A Century of Ambivalence* (New York: Schocken, 1988), p. 185.

²⁴ В недавно вышедшей в свет в Белоруссии книге упоминаются несколько населенных пунктов, в которых в описываемую эпоху были установлены памятники и памятные доски: города Борисов и Брест, поселки городского типа Дятлово, Радошковичи, Старобин, Узда и деревни Луговая, Тимковичи, Будслав, Узляны, Шацк, Чернавчицы и Деречин. По утверждению автора книги, памятники и памятные доски были установлены в местах гибели евреев, однако это не следует ни из контекста, в котором приводится информация, ни из источников, на которые ссылается автор. Нигде в книге не говорится и о том, что инициаторами установки знаков и досок были евреи. См.: Марат Ботвинник, *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск: Беларуская навука, 2000. С. 32–36, 43, 48, 55, 60–61, 68–69, 72–74, 77, 79, 81, 87, 89, 91–93, 96, 98, 111, 113, 117–118, 120, 135–136, 252, 257, 259, 271–272.

²⁵ Отчет уполномоченного СДРК в Белоруссии за третий квартал 1946 года: НАРБ.

на русском языке и на идише был установлен, члены общины обратились к властям с просьбой разрешить провести церемонию торжественного открытия в августе 1946 года. Власти ответили отказом, аргументировав его тем, что на этом месте погибли не только евреи и не только религиозные евреи, и религиозная община не может выступать от их имени. Несмотря на отказ, община все же устроила церемонию открытия памятника, и весьма многолюдную²⁶.

В ноябре – декабре 1945 года поставить памятник жертвам Холокоста попытались в городе Червень Минской области. Накануне Второй мировой войны в Червене проживал 1 491 еврей; большинство из них были убиты нацистами. После освобождения города Красной Армией в начале июля 1944 года туда вернулись десятки еврейских семей; они организовали миньян и назначили раввина. Члены миньяна считали своим долгом увековечить память евреев, уничтоженных во время оккупации. Они хотели не только поставить памятник, но и выгравировать на нем имена всех погибших, следуя изречению «У каждого человека есть имя», и их возраст. Для сбора данных о жертвах они обратились к выходцам из Червеня, проживавшим в различных городах Белоруссии и даже в Москве. В этой деятельности принял участие Владимир Фундатор, московский ученый, чьи родители были убиты в Червене. Те, кто желал увековечить память близких на памятнике, должны были заплатить не меньше 300 рублей. Таким образом была собрана сумма в 15 000 рублей. На эти деньги в одной из московских литейных мастерских заказали металлические плиты с выгравированными на них именами. На каждой из плит предполагалось высечь примерно 25 имен, а сам памятник должен был состоять из сорока подобных плит (другими словами, на памятнике хотели выгравировать около 1 000 фамилий). В ходе работы над памятником организаторы столкну-

Ф. 952. Оп. 2. Д. 6. Л. 41. См. также: Shalom Holavsky, *Be-sufat ha-kilayon: yehadut Beilorusiya ha-Mizrahit be-Milhemet ha-Olam ha-Shniya* (Jerusalem: Hebrew University, Institute of Contemporary Jewry, Moreshet, 1988), p. 248. В создании памятника оказали помощь заведующий хозяйственным отделом горисполкома Наум Гунин, заведующий отделом благоустройства города Иосиф Нисенбаум и Матвей Фалькович, директор завода, подчинявшегося этому отделу. См.: Леонид Смиловицкий, *История евреев Белоруссии, 1941–1944*. Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000. С. 280.

²⁶ Отчет уполномоченного СДРК в Белоруссии за третий квартал 1946 года: НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 6. Л. 41.

лись с финансовыми трудностями, которые помешали закончить работу²⁷. 14 сентября 1946 года Владимир Фундатор обратился к председателю Еврейского антифашистского комитета Соломону Михоэлсу с письмом следующего содержания:

*Посылаю Вам фото первой плиты на могиле жертв фашизма в г. Червене... Всего будет отлито 40 штук плит. Прошу Вашего ходатайства перед Советом Министров Белорусской ССР об отпуске 30 000 р. на установку памятника на могиле жертв фашизма в г. Червень дополнительно к собранным нами 15 000 р. на изготовление указанных плит в Москве. Некоторые советуют смонтировать указанные плиты в боковую стену одного из каменных домов в самом городе Червень, а на могиле жертв фашизма установить одну плиту с общей надписью. Ваше мнение не откажите сообщить*²⁸.

Выясняется, таким образом, что вплоть до конца 1946 года инициаторы создания памятника не завершили работы над своим проектом. Не сумев собрать необходимые средства, они были вынуждены обратиться за помощью к белорусским властям. Нам неизвестно, связывался ли Соломон Михоэлс с правительством Белоруссии по этому вопросу, однако учитывая сложное, а иногда и явно враждебное отношение властей к увековечению памяти жертв Холокоста, логично предположить, что реакция на его обращение, скорее всего, была бы отрицательной. Вместе с тем эта история показывает, что евреи – жители разных городов объединялись в своих усилиях увековечить память жертв; религиозные круги сотрудничали при этом с видными представителями советского истеблишмента.

В местечке Речица Гомельской области проживали накануне войны более 7 000 евреев, – около четверти местного населения. После освобождения туда вернулись лишь несколько десятков еврейских семей. В 1946 году на местном еврейском кладбище было установлено кирпичное надгробие в память погибших²⁹.

²⁷ Леонид Смиловицкий, «Это было в Червене» // *Евреи Беларуси: история и культура*. Минск: Белорусское объединение еврейских организаций и общин, 1998. Т. 3–4. С. 223–231.

²⁸ Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН, Иерусалим). P166. См. также: Mordechai Altschuler, "The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR in Light of New Documentation" // *Studies in Contemporary Jewry*, № 1 (1984), pp. 280–281.

²⁹ Смиловицкий, *История евреев Белоруссии*. С. 268.

Немногочисленные евреи, возвратившиеся в город Глубокое той же области, сумели поставить на могиле убитых памятник с надписью на идише³⁰.

В те же самые годы попытки увековечения памяти жертв Холокоста предпринимались по меньшей мере в пятнадцати городах и местечках в различных частях Украины, в том числе на территориях, аннексированных Советским Союзом во время Второй мировой войны, – во Львовской, Каменец-Подольской (ныне Хмельницкая) и Черновицкой областях.

В начале 1947 года глава львовской религиозной общины Лев Израилевич Серебряный предложил «установить монументальный памятник в Песках, где десятки тысяч евреев Львова были расстреляны гитлеровцами»³¹. На общем собрании общины было решено: «В 1947 году... установить памятник на братской могиле жертв фашизма, похороненных в Песках»³². Решение это, однако, не было реализовано на практике, так как спустя примерно три недели (25 марта) председатель общины был арестован; его обвинили в содействии нелегальной эмиграции евреев в Палестину, и после этого идея памятника более не обсуждалась. В Тернополе по инициативе раввина Хаима Давидовича Клейпера, приехавшего из Львова, был организован сбор средств среди евреев города. На собранные деньги на могиле жертв Холокоста установили памятник с надписями на русском языке и на идише: «Вечная память и слава евреям, убитым немецкими фашистами». В церемонии открытия памятника, состоявшейся в октябре 1946 года, приняли участие официальные представители горсовета; секретарь горкома партии выступил с речью³³. В местечке Шепетовка Каменец-Подольской области накануне войны проживали около 5 000 евреев, – около 20% от численности местного населения. Большинство из них были уничтожены нацистами, а немногие

³⁰ Gitelman, *A Century of Ambivalence*, p. 189.

³¹ Отчет председателя общины Серебряного от 5 июня 1947 года: ЦГАВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 33. Л. 138.

³² Михаил Мицель (ред.), *Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов: 1945–1981 гг.)*. Киев: Библиотека Института Иудаїки, 1998. С. 180.

³³ Отчет СДРК по Украине за последний квартал 1946 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 61–62; Отчет о еврейской религиозной деятельности на Украине от 25 июля 1947 года: там же. Л. 132; Краткий обзор еврейской религии за 1949 год: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3а. Д. 61. Л. 160. См. также: *Pinkas ha-kehilot Polin – Galiziya ha-Mizrahit* (Jerusalem: Yad Vashem, 1980), p. 251.

уцелевшие уехали в Польшу. Горстка евреев, оставшихся в городе, была не в состоянии поставить памятник, однако в 1946 году сообщалось, что «братские могилы, где расстреляно немцами 26 000 человек евреев и других национальностей... приведены в 1946 году в хороший порядок, над ямами сделаны насыпи и [ямы] огорожены железной оградой силами верующих евреев»³⁴.

В Черновцах, где после войны несколько религиозных общин соперничали между собой в различных областях деятельности, попытка поставить памятник жертвам Холокоста объединила общины. После того как в 1945–1946 годах большинство черновицких евреев уехали в Румынию, в город переехали евреи из других регионов Советского Союза, и новая еврейская община, едва образовавшись, решила установить памятник жертвам Холокоста. Община обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов и попросила разрешения установить памятник на месте казни евреев в 1941 году; предполагалось собрать пожертвования на памятник среди жителей города. Уполномоченный областного Совета в растерянности обратился к своему непосредственному начальнику в Киеве, который ответил, что на указанном месте были убиты советские граждане, и поэтому установка памятника является делом всего населения города, а не специфически еврейской проблемой, и следует категорически запретить собирать в синагогах деньги на создание памятника³⁵.

Так же отреагировали власти на инициативу религиозной общины Прилук Черниговской области. Община просила у городских властей официального разрешения провести сбор пожертвований («кружечный сбор») на установку памятника жертвам Холокоста. Община также попросила разрешить ей устроить массовый митинг по случаю открытия памятника, сообщив в прессе о предстоящей церемонии. Местные служащие, либо не зная точно, как следует реагировать на эту просьбу, либо пытаясь уклониться от ответственности, попросили указаний из Киева и получили ответ, гласивший, что установка памятников на могилах жертв немецкого фашизма является делом горсовета, а не религиозной

³⁴ Докладная записка о состоянии кладбищенского хозяйства в Каменец-Подольской области (ноябрь 1946 года): ЦГАВООУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 14. Л. 20.

³⁵ Письмо уполномоченного СДРК на Украине уполномоченному СДРК в Черновицкой области от 13 сентября 1948 года: там же. Д. 50. Л. 199.

общины; горсовет может привлечь к этому всех граждан, а община не должна заниматься сооружением памятников³⁶.

Большого успеха добились немногочисленные евреи города Щорс (прежнее название – Сновск) Черниговской области. Накануне войны там проживали 1 500 евреев, что составляло 15% населения города. Лишь немногие из них вернулись в Щорс после войны. Тем не менее им, по-видимому, удалось поставить в те годы памятник жертвам Холокоста. Русско-еврейский писатель Анатолий Рыбаков так описывает в своих воспоминаниях деятельность немногочисленных евреев города:

[Инициаторы установки памятника] вместе с другими стариками ходили по дворам, пустырям, дорогам, лесам и полям, собирали в мешки останки убитых... Останки эти они захоронили в братской могиле... На братской могиле был установлен большой надгробный камень из черного гранита. На нем высечена надпись: «Вечная память жертвам немецко-фашистских захватчиков», – на русском языке. Под ней надпись на еврейском: «Веникойси, домом лой никойси...»³⁷.

Как следует из отрывка, надпись на иврите как по тексту, так и по смыслу коренным образом отличалась от надписи на русском языке. Местные власти не заметили этого различия, так как полагали, что речь идет о переводе русской надписи на идиш («еврейский язык»). Автор воспоминаний Анатолий Рыбаков тоже понял значение написанного лишь после объяснений сопровождавшего его еврея. Писатель завершил этими словами свой роман «Тяжелый песок», вызвавший большой интерес во всем мире. Чтобы выразить свои подлинные чувства, евреям приходилось прибегать ко всяческим хитростям, и иногда они даже добивались успеха.

Деятельность по увековечению памяти жертв Холокоста не прекращалась и в те годы, когда антисемитская политика режи-

³⁶ Там же. Д. 116. Л. 93–94. См. также отчет украинского СДРК за последний квартал 1946 года (ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 61).

³⁷ Анатолий Рыбаков, *Роман-воспоминание*. М.: Вагриус, 1997. С. 233–235. (Приведенная надпись на современном иврите читается: “Ve-nikiti damam lo nikiti”; традиционный перевод – «И отомщу Я за кровь их, еще не отмщенную» (Йоэль, 4:21). Возможно, спутники Рыбакова (или он сам) внесли намеренное искажение в библейский текст, поскольку Рыбаков переводит эти слова иначе: «Мое прощение всему, [пролитой] крови нет моего прощения». – *Примеч. ред.*).

ма достигла своего апогея (в 1948–1953 годах). В частности, малочисленное еврейское население города Первомайска при помощи местной неофициальной религиозной общины добивалось установки памятника на могиле жертв Холокоста. В 1948 году уполномоченный Совета по делам религиозных культов на Украине приказал своему подчиненному в Одесской области³⁸ разъяснить обратившимся к нему лицам, что установкой памятников занимается горсовет, а не религиозная община. Он также предложил первомайскому горсовету и одесскому облисполкому принять необходимые меры для сохранения и благоустройства мест захоронения жертв фашизма³⁹.

Такой же ответ дал уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Киеве на обращение полтавской общины с просьбой провести сбор средств на постройку памятника жертвам Холокоста⁴⁰. Религиозная община Кременчуга (Полтавская область) в 1948 году обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов и к городским властям с просьбой разрешить ей провести специальный сбор пожертвований для этой же цели. В обращении подчеркивалось, что «каждый еврей должен принять участие в установке этого исторического памятника» и что после получения разрешения горсовета будут напечатаны специальные квитанции с указанием: «Сбор средств на установку памятника на могилах евреев, убитых гитлеровскими варварами». Инициаторы обещали заказать проект памятника у главного архитектора города. Предполагалось, что на памятнике будет высечена надпись на еврейском (то есть, вероятно, на идише) и русском языках⁴¹. Из Киева был получен ответ следующего содержания:

Вопрос об установке памятника на могиле жертв погибших от рук немецких фашистов входит в компетенцию органов Советской власти на месте. Здесь нужно особенно подчеркнуть то обстоятельство, что в числе замученных

³⁸ См.: John Anderson, "The Council for Religious Affairs and the Shaping of Soviet Religious Policy" // *Soviet Studies*, vol. 43, № 4 (1991), pp. 689–710.

³⁹ Письмо уполномоченного СДРК на Украине уполномоченному СДРК в Одесской области от 8 июля 1948 года: ЦГАВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 50. Л. 45.

⁴⁰ Письмо уполномоченного СДРК на Украине уполномоченному СДРК в Полтаве от 21 июля 1948 года: там же. Д. 50. Л. 71.

⁴¹ Письмо общины Кременчуга в горсовет: там же. Л. 73.

*советских граждан имеются не только евреи, но и украинцы, русские и другие. Следовательно, вопрос установления памятника является вопросом всего населения гор. Кременчуга*⁴².

В отличие от общины Кременчуга, небольшая еврейская община в Лубнах Полтавской области ограничилась более скромной просьбой. Ее представители просили, чтобы неухоженное место захоронения жертв Холокоста было передано под управление общины. Председатель общины и раввин Лейб Моисеевич Гринберг обратились в горсовет с просьбой разрешить общине убрать братскую могилу трех тысяч евреев города, которые были расстреляны возле лубненского пенькозавода. Вначале местные власти положительно откликнулись на эту просьбу, однако затем в дело вмешался уполномоченный Совета по делам религиозных культов в области и выразил свое категорическое несогласие с таким решением⁴³. И все же раввину удалось добиться, чтобы вокруг этого участка земли был устроен ров, который и стал своего рода памятным знаком. Участок очистили от мусора, и община продолжала заботиться о нем в течение многих лет. В 1953 году раввин города свидетельствовал: «Никто из евреев, у которых кто-то из близких погиб в это время (*во время Холокоста* – М. А.), не отказывает; каждый всегда дает нам какую-нибудь сумму». Он также отмечал, что в праздничные дни родственники погибших приезжают из Москвы, Ленинграда и других городов и собирают деньги на уборку и содержание места захоронения⁴⁴. В Умани заботу о месте казни более десяти тысячи евреев к северу от города также взяла на себя местная община. Комиссия по расследованию нацистских преступлений на оккупированной территории, по-видимому, в начале 1944 года установила, что в Сухом Яру были заживо сожжены около 13 000 евреев⁴⁵. Место захоронения

⁴² Письмо уполномоченного СДРК в Киеве по вопросу об установке памятника жертвам Холокоста в Кременчуге от 6 августа 1948 года: там же. Л. 74.

⁴³ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за август – октябрь 1946 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4555. Л. 391.

⁴⁴ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за 1953 год: там же. Д. 3531. Л. 33.

⁴⁵ Архив Яд Вашем. М-52/14. Л. 2. Об уничтожении евреев в Умани см.: *Неизвестная Черная книга*. С. 184–196. См. также: R. Tager, "A geveinlekher tog" // *Folks-Shtime* (Варшава), Мау 10, 1958; М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский (ред.), *Советские евреи пишут Илье Эренбургу*. Иерусалим: Яд Вашем, 1993. С. 148–149, 228–229.

оставалось неухоженным и после окончания войны; горсовет, который по закону должен был заботиться о его благоустройстве, пренебрегал своими обязанностями, о чем и сообщалось в отчете Совета по делам религиозных культов.

В Сухом Яру, сообщал отчет, где немцы казнили 18 000 «советских граждан» (большинство из которых были евреями), братская могила была благоустроена не по распоряжению горсовета, а по инициативе местной религиозной общины, ее силами и за ее счет. Община также поставила вопрос об установке на месте памятника. Уже подготовлен проект, говорилось в отчете, определен бюджет и собраны строительные материалы; ныне, в 1947 году, проходит кампания по сбору дополнительных средств, – горсовет же смотрит на всю эту деятельность со стороны⁴⁶.

Инициатива установки памятника жертвам Холокоста в главном городе Днепропетровской области демонстрирует, каким образом общины пытались использовать противоречия между различными органами советской власти, чтобы добиться осуществления своих планов. Особенно настойчив был заместитель председателя общины Шульман. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Днепропетровской области возражал против этой инициативы, используя избитый довод, согласно которому «это (установка памятников – М. А.) не входит в компетенцию религиозной общины, и среди расстрелянных были не только евреи». Шульман, однако, ни на минуту не прекращал своих усилий; воспользовавшись моментом, когда уполномоченного не было в городе, он получил разрешение на возведение памятника в строительном отделе горисполкома и даже заказал макет. Уполномоченный Совета пожаловался на поведение сотрудников исполкома, подчеркнув, что Шульман,

заручившись поддержкой некоторых руководящих работников на сооружение памятника, приступил к сбору средств для этой цели. В порядке осуществления своих планов Шульман успел договориться с группой артистов евреев о постановке спектакля в фонд сооружения памятника, и директор театра им. Шевченко дал ему согласие на предоставление театра для спектакля. В

⁴⁶ Отчет о состоянии кладбищ на Украине и в РСФСР за июнь 1947 года: НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

*городском лекторском бюро Шульман договорился об организации платной лекции о Палестине в одном из театров или клубе гор. Днепропетровска*⁴⁷.

Заместитель председателя горсовета горячо поддержал план Шульмана и даже приказал местному горкомхозу помочь в установке памятника. Горсовет также выдал инициаторам проекта требуемые справки.

18 ноября 1948 года Шульман со всеми необходимыми документами явился на дом к уполномоченному Совета по делам религиозных культов в Днепропетровской области, надеясь получить у него согласие на установку памятника. Однако уполномоченный обратился в горком партии с жалобой на «недопустимое поведение горсовета в этом вопросе». Между днепропетровским горсоветом и представителем центральной власти (Совета по делам религиозных культов) возникли трения; арбитром должен был стать горком партии. Представители горкома поддержали Совет по делам религиозных культов и осудили горсовет за «утрату политической бдительности». Несколько сотрудников горсовета были уволены, а некоторых из них даже исключили из партии. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов снял с должностей заместителя председателя религиозной общины Шульмана и поддерживавшего его раввина общины. Опасаясь ареста, оба уехали из города в 1950 году. Шульман переехал в Новосибирск, а раввин – в Ленинград⁴⁸. Попытка увековечения памяти жертв Холокоста в Днепропетровске указывает на упорное стремление евреев добиться установки памятника. При этом инициаторы максимально использовали в своих целях отсутствие четких и однозначных указаний, запрещавших подобную деятельность.

В Житомирской области попытки увековечить память жертв Холокоста предпринимались, по-видимому, в двух городах. В Новограде-Волынском эти попытки выглядели довольно скромно: члены общины привели в порядок четыре братские могилы, окружили их забором и поставили надгробные памятники с над-

⁴⁷ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за октябрь – декабрь 1948 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5667. Л. 59–60; Памятная записка о деятельности служителей культа за апрель 1949 года: там же. Л. 92–93; Отчет о еврейской религии в СССР от 18 марта 1949 года: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 23. Л. 31–32.

⁴⁸ Там же.

писью по-русски и «по-еврейски», то есть на идише⁴⁹. В Бердичеве же местная община в течение пятнадцати лет добивалась разрешения установить памятник на месте захоронения жертв Холокоста.

Большинство евреев Бердичева и окрестностей были уничтожены на дороге, ведущей к селу Романовка, поблизости от военного аэродрома, в четырех километрах от города⁵⁰. Возродившись вскоре после освобождения города, еврейская община начала работу по созданию памятника на месте убийства. Городские и военные власти возражали против предложенного общиной плана, и в 1946 году от председателя религиозной общины Метлера потребовали прекратить любые попытки поставить памятник. Метлер, однако, с гордостью заявил: «Я действовал ради верующих и ради всех евреев... Мы в любом случае поставим... памятники жертвам фашизма»⁵¹. Поскольку поставить памятник на месте казни не разрешили, евреи Бердичева воздвигли несколько символических надгробий жертв Холокоста на городском еврейском кладбище. При этом они не отказались от намерения установить памятник на месте казни и продолжали добиваться этого в конце 40-х и начале 50-х годов⁵². В начале 1953 года (во время «дела врачей», то есть как раз когда антисемитская политика властей достигла своего апогея) общине после великих усилий все же удалось воздвигнуть на месте захоронения памятный знак, однако спустя короткое время он исчез⁵³. После смерти Сталина еврейская община возобновила свои усилия по установке памятника. В середине 50-х годов был возобновлен сбор пожертвований. Жертвовали и евреи, проживавшие в то время в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах. Памятник с надписью на иврите или идише (в документах говорится

⁴⁹ Отчет о еврейской общине Новограда-Волынского от 2 марта 1948 года: ЦГАОВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 37. Л. 38.

⁵⁰ J. Garrard, C. Garrard, *The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman* (New York: The Free Press, 1996), pp. 175–176.

⁵¹ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за август – октябрь 1946 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4555. Л. 392; Отчет уполномоченного СДРК в Житомирской области о его поездке в Бердичев в 1949 году: ЦГАОВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 65. Л. 22.

⁵² Там же. Л. 21–28.

⁵³ С. Елисаветский, «Бердичев – от возникновения еврейской общины до наших дней» // *Штетл як феномен єврейської історії*. Київ: Інститут Іудаїки, 1999. С. 44.

о «еврейском языке», что может быть истолковано двояко) был заказан на камнерезном заводе (благодаря содействию директора завода Месиса). Русская надпись, также выгравированная на памятнике, гласила: «Здесь покоятся тела местных жителей и военнопленных, зверски расстрелянных гитлеровскими фашистами в 1941–1942 годах». Таким образом, надпись на памятнике (по меньшей мере, ее русский вариант) не указывала, что большинство погибших были евреями, – на это намекали лишь ивритские буквы. Стоимость изготовления и установки памятника оценивалась в 20 000 – 25 000 рублей. Очевидно, община располагала требуемыми средствами.

Наученные горьким опытом начала 50-х годов, члены общины на этот раз постарались получить официальное разрешение властей на установку памятника вблизи аэродрома. Несколько офицеров из воинской части, ответственной за работу аэродрома, были приглашены посетить завод, на котором изготавливался памятник. Можно предположить, что они также получили какие-то подарки. Наконец памятник был изготовлен; члены общины полагали, что на этот раз их просьба будет удовлетворена. В мае 1958 года председатель общины, Исаак Абрамович Хмельницкий, обратился в штаб части с просьбой разрешить общине установить памятник и провести публичную церемонию его открытия. Заместитель командира части не хотел брать ответственность на себя и послал соответствующий запрос заведующему отделом планирования горисполкома. В полученном им ответе подчеркивалось, что памятники павшим во время Великой Отечественной войны устанавливаются на кладбищах, а не в общественных местах. Родственники имеют право перенести останки своих близких из братских могил в новые могилы на этих кладбищах. Этот ответ, разумеется, не удовлетворил евреев Бердичева; они воспользовались своими обширными личными связями, чтобы убедить командира дивизии Магерина, которому подчинялся аэродром, дать соответствующее разрешение. В частности, они задействовали для этого бывшего начальника тыла 32-й дивизии Спивака, который во время войны дружил с отцом коменданта аэродрома. Сложная операция, в которой приняли участие многие евреи города, казалась успешной: командир дивизии приказал разрешить установить памятник на территории аэродрома. Его решение внушало надежду; церемонию открытия назначили на

2 июня 1958 года между десятью и двенадцатью часами дня. Члены общины также связались с городским управлением транспорта, которое согласилось выделить на нужды участников несколько автобусов. Программа предусматривала, что на церемонии выступят с речами несколько членов общины и представители властей. Однако в последний момент, по-видимому, вмешательство местного руководства или киевских властей нарушило планы организаторов. Установку памятника запретили, а некоторые участники кампании (прежде всего Спивак) были вызваны для разбирательства в горком партии и подверглись взысканию⁵⁴. Поскольку установить памятник на месте казни не представлялось возможным, его поставили на местном еврейском кладбище⁵⁵, а место казни оставалось в запустении вплоть до 1990-х годов⁵⁶.

Итак, евреи Бердичева боролись за установку памятника на могилах своих близких, погибших во время Холокоста, в течение пятнадцати лет. В этой продолжительной борьбе участвовали представители различных общественных слоев; несомненно, она оставила глубокий след в сердцах многих евреев.

Заключение

В наши дни, когда организации, муниципальные учреждения и даже правительства стран Европы и США занимаются увековечением памяти о Холокосте и установкой памятников его жертвам, мы обязаны помнить, как тысячи евреев в течение долгих лет неутомимо боролись за сохранение этой памяти в Советском Союзе, нередко преодолевая сопротивление властей.

Первичный материал, содержащийся в настоящей статье, со всей ясностью демонстрирует, что, подобно евреям большинства стран Восточной Европы, евреи СССР чувствовали острую необходимость увековечить память жертв. Интенсивная деятельность в этой области продолжалась многие годы и не прекратилась даже

⁵⁴ Выйдя с заседания горкома по его делу, Спивак сказал окружившим его людям: «Не беспокойтесь о мертвых, спасайте живых» (Государственный архив Житомирской области. Ф. Р-4954. Оп. 4а. Д. 3. Л. 40).

⁵⁵ Отчет СДРК по Житомирской области за 1958 год: там же. Л. 37–40.

⁵⁶ На фотографии, сделанной в 1991 году, место выглядит запущенным: в открытом поле виден лежащий памятник со звездой Давида. См.: Gargard, *Bones of Berdichev*, p. 247.

в последние годы правления Сталина. Хотя работа по увековечению велась от имени религиозных общин или связанных с ними людей, в ней принимали участие представители самых широких слоев еврейства; вероятно, именно в этом и заключалась причина упорного сопротивления властей любым попыткам проведения публичных мемориальных церемоний и установки памятников.

Религиозные общины, как и государственные органы, хорошо понимали, насколько важна работа по увековечению памяти о Холокосте. Члены общин осознавали, что она выходит за рамки чисто религиозной сферы и способна объединить еврейское общество в целом, включая тех, кто далек от религии и даже враждебен ей. Этот аспект не ускользнул от внимания властей, которые справедливо полагали, что деятельность подобного рода способствует укреплению коллективного еврейского национального самосознания. И действительно, памятники или приведенные в порядок могилы часто превращались в объект паломничества евреев и их семей⁵⁷. Увековечение памяти жертв стало, таким образом, объединяющим фактором, что противоречило политике атомизации еврейства, которую проводил в те годы советский режим.

В отличие от других стран Восточной Европы (включая коммунистические государства), в которых сопротивление увековечению памяти о Холокосте не носило активного характера, евреям Советского Союза приходилось не только прикладывать значительные усилия, чтобы собрать средства в отсутствие какой-либо помощи извне, но и маневрировать между различными органами государственной власти, чтобы осуществить хотя бы часть своих планов. Их труды зачастую оказывались бесплодными; однако приведенный материал показывает, какую важность придавали советские евреи увековечению памяти о Холокосте.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
"Jewish Holocaust Commemoration Activity in the USSR under Stalin"
в Yad Vashem Studies, том 30 (2002) pp. 221-240.
Перевод с иврита Бенциона Дымерского.*

⁵⁷ Фотографии таких собраний, происходивших, по-видимому, в первые годы после войны (как свидетельствует стиль одежды участников) возле Житомира и Ровно на Украине, см.: Gitelman, *A Century of Ambivalence*, p. 184; Idem, "The Soviet Politics", p. 146.

Нати (Анатолий) Канторович

РЕАКЦИЯ НА ПРОЦЕСС ЭЙХМАНА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
ПОПЫТКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА, 1960 - 1965 ГОДЫ*

Введение

На фоне систематического замалчивания Холокоста в СССР¹ анализ советской реакции на процесс Эйхмана позволяет сделать важные выводы об отношении советского общества к Катастрофе. Процесс, ставший событием международного масштаба, широко освещался средствами массовой информации всего мира, и советская пресса не могла игнорировать его. Исследователи располагают целым рядом газетных репортажей, статей и даже книг о процессе Эйхмана, вышедших в Советском Союзе². В дни самого процесса было предпринято несколько попыток выявить советскую позицию по этому вопросу, однако за отсутствием необходимой информации комментаторы ограничивались интерпретацией отдельных аспектов дела и не изучали целостную картину советской реакции на процесс³. Таким образом, большая часть материалов, в том числе и находившихся в открытом доступе, до сих пор не стала предметом научного исследования. Необходимо помнить, что в данном случае речь идет не только об изучении исторических событий, но и об анализе концепции, которую пытался построить советский истеблишмент⁴.

Настоящая статья рассматривает отношение Советского Союза к процессу Эйхмана на протяжении трех временных периодов:

* Эта статья является переработанной версией курсовой работы «Новые данные в исследовании Холокоста», представленной в рамках магистерского семинара под руководством проф. Иехуды Бауэра в Тель-Авивском университете. Я хочу поблагодарить проф. Яакова Рои за согласие прочесть работу и за полезные замечания.

¹ Подробный обзор этой темы см.: Zvi Gitelman, "Politics and the Historiography of the Holocaust in the Soviet Union" // Zvi Gitelman (ed.), *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR* (Bloomington: Indiana University Press, 1997), pp. 14–50.

² Большинство этих материалов опубликованы в сборниках «Евреи и еврейский народ», выходявших с 1962 года в Лондоне, а с 1970 года издававшихся Центром исследования и документации еврейства Восточной Европы при Еврейском университете в Иерусалиме. Я широко использовал эти сборники в ходе работы над статьей.

³ Об этих попытках см. ниже.

⁴ Yizhak Arad, "Ha-Shoah ba-historiografiya ha-sovyetit" // Yisrael Gutman, Gideon Greif (eds.), *Ha-Shoah be-historiografiya* (Jerusalem: Yad Vashem, 1987), p. 141.

- 1) между официальным заявлением Давида Бен-Гуриона в Кнессете о поимке Эйхмана и началом судебного процесса;
- 2) в ходе самого процесса;
- 3) в первые годы после его окончания.

Советская общественность не могла не отреагировать на суд, на заседаниях которого обсуждались убийства и страдания евреев. Поэтому на примере отношения Советского Союза к процессу Эйхмана мы постараемся проанализировать отношение СССР к Холокосту вообще.

Мы не случайно решили завершить рассматриваемый нами период 1965 годом. Именно в этом году враждебное отношение Советского Союза к Израилю как к центру международного сионизма получило официальное выражение: советский представитель впервые приравнял сионизм к нацизму с трибуны ООН⁵. Поэтому стоит задуматься, повлияла ли политическая позиция Советского Союза относительно Государства Израиль и сионизма на советскую официальную интерпретацию суда над Эйхманом.

Предыстория

Прежде чем рассмотреть позицию Советского Союза относительно процесса Эйхмана, следует познакомиться с настроением, которые господствовали в стране в предшествовавший период. Необходимо проанализировать отношение Советского Союза к Холокосту и к Израилю, а также внутреннюю политику СССР по еврейскому вопросу. Нужно помнить, что Израиль неизменно – как публично, так и посредством неофициальных каналов – подчеркивал тесные связи с советским еврейством. Советский же режим считал своим долгом эти связи разорвать⁶. Однако пре-

⁵ В 1965 году советский представитель впервые попытался провести параллель между сионизмом и нацизмом с трибуны официальной международной организации (ООН). См.: Yohanan Manor, *Alilat dam: Ha-ma'avak le-vitul hahlatat ha-U"М ha-mashva et ha-ziyonut le-gizanut* (Jerusalem: Ha-Sifriya Ha-Ziyonit, 1998), pp. 27–29. Понятие «международный сионизм» было призвано подчеркнуть всемирный размах сионизма и показать, что это явление не ограничивается одной-единственной маленькой страной. См.: William Korey, *Russian Antisemitism, Pamyat and the Demonology of Zionism* (Chur, Switzerland: Harwood Academic Publishers, 1995), pp. 30–45.

⁶ Yacov Ro'i, *The Struggle for Soviet Jewish Emigration* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), pp. 55–85.

жде всего мы должны коснуться советской концепции событий Второй мировой войны, на которую опиралось и отношение властей к процессу Эйхмана.

Лишь после XX съезда КПСС изучение Второй мировой войны приобрело в СССР серьезный размах, причем главное внимание уделялось советско-германскому противостоянию – Великой Отечественной войне⁷. Как только окончилась война, начались славословия гению Сталина, который привел народы Советского Союза к победе. Других объяснений не требовалось. Более того, главная задача советского общества, единолично установленная вождем, заключалась в скорейшем восстановлении страны. Ради достижения этой цели следовало оставить трагедию войны в прошлом⁸. Вместе с тем война служила постоянным напоминанием о титанической борьбе против сил, которые пытались уничтожить Советский Союз, причем подразумевалась не только фашистская Германия⁹, но и империалистические государства в целом. Тот факт, что Соединенные Штаты и Великобритания были союзниками СССР, не противоречил этой исторической интерпретации: утверждалось, что даже в разгар боевых действий они всячески вредили советскому режиму¹⁰.

Перемены, произошедшие в советском обществе во второй половине 50-х годов, коснулись и памяти о войне. Культ личности Сталина был разоблачен, и в роли главного фактора, приведшего страну к победе, оказались народы Советского Союза. При описании событий войны подчеркивались единство народа и общие для всех страдания и жертвы. Вместе с тем в трагедии можно было найти и повод для оптимизма: война закалила советский народ и продемонстрировала его героический дух¹¹. Конец 50-х

⁷ Это название напрямую перекликалось с Отечественной войной 1812 года против наполеоновских армий и символизировало сочетание героических традиций дореволюционного прошлого с советским настоящим. Идеологема «великая война» призвана была возвеличить деяния советского человека по сравнению с предыдущей эпохой. Подробнее об этом см.: Nurit Schleifman, "Moscow Victory Park: A Monumental Change" // *History & Memory*, vol. 13, № 2 (2003), p. 8.

⁸ Nina Tumarkin, "The Great Patriotic War as Myth and Memory" // *European Review*, vol. 11, № 4 (2003), p. 597.

⁹ В отличие от принятой на Западе терминологии, в советской историографии господствующая идеология Германии именовалась фашизмом. Вероятно, в СССР хотели избежать упоминания о социалистическом элементе нацистского движения.

¹⁰ Tumarkin, *The Great Patriotic War*, p. 597.

¹¹ Петр Вайль и Александр Генис, *60-е: мир советского человека*. М.: НЛО, 2001. С. 88–89.

годов в Советском Союзе был периодом смены поколений. В жизнь вступали те, для кого страдания и героизм были историческими событиями, а не фактами личной биографии.

Все эти события привели к значительным переменам в исторической памяти. Личная трагедия и индивидуальный героизм уступили место общенациональному героизму и общенациональным жертвам. Миф о войне затмил собой миф о революции, позаимствовав у него идейные символы (бескомпромиссная борьба против империализма ради выживания)¹². Внешняя символика также подверглась изменениям: культ павших всемерно усиливался и приобретал монументально-сакральный характер¹³. Пик этого процесса пришелся на вторую половину 60-х годов, но к тому времени Советский Союз утвердился в роли главного победителя в войне, в роли страны, в одиночку спасшей мир¹⁴. За считанные годы были написаны тысячи книг и статей, посвященных трагедии и героизму советских людей, однако трагедия еврейского народа не упоминалась в них вообще или упоминалась вскользь¹⁵.

После XX съезда Коммунистической партии и до разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем (1956–1967 годы) преобладало отношение к Холокосту как к одному из примеров трагедии народов Советского Союза. При этом о евреях как таковых, как правило, не говорилось ничего¹⁶. Это время представляло собой переходный этап между полным замалчива-

¹² Schleifman, "Moscow Victory Park", pp. 8–9; Gitelman, "Politics and the Historiography", p. 28. Борьба против внешних и внутренних врагов, замышляющих помешать строительству нового общества, является одним из главных элементов формирования идентичности в тоталитарных обществах вообще и в советском обществе в частности. О формировании концепции образа врага в Советском Союзе см.: Лев Гудков, «Идеология "врага": "враги" как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции» // Л. Гудков (ред.), *Образ врага*. М.: ОГИ, 2005. С. 7–97, особенно 43–69.

¹³ Catherine Merridale, "War, Death, and Remembrance in Soviet Russia" // Jay Winter and Emmanuel Sivan (eds.), *War and Remembrance in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), pp. 77–83.

¹⁴ Согласно советской «шкале врагов», нацистская Германия представляла собой абсолютное зло, не поддающееся осмыслению в рамках человеческой морали. Победа над нацизмом являлась, таким образом, не просто военным успехом, но моральным триумфом, подчеркивающим верность советских (а впоследствии русских) пути и политики (*Образ врага*. С. 58–59).

¹⁵ Arad, "Ha-Shoah ba-historiografiya", pp. 154–155.

¹⁶ Arad, "Ha-Shoah ba-historiografiya"; Gitelman, "Politics and the Historiography", pp. 18, 24–25.

нием Холокоста и последующими обвинениями сионистов в со-трудничестве с нацизмом.

В годы, предшествовавшие процессу над Эйхманом, одной из немногих связанных с Холокостом общественных дискуссий в Советском Союзе была дискуссия вокруг Бабьего Яра¹⁷. Вызван-ная публикацией известного стихотворения Евгения Евтушенко (19 сентября 1961 года) и последовавших откликов, она достигла своей кульминации уже после начала процесса. Однако на стра-ницах советской прессы споры вокруг этой темы велись еще в конце 50-х годов, хотя до выхода стихотворения в свет еврейская тема и не упоминалась открыто. Эта страница истории недоста-точно изучена вплоть до сегодняшнего дня, и все же можно ви-деть в дискуссии о Бабьем Яре один из ярких симптомов начала конфликта между тремя основными группами советских интел-лектуалов: либералами, советскими консерваторами и русскими националистами¹⁸. Либералы требовали свободы упоминания страданий и жертв каждого из народов Советского Союза, в то время как консерваторы и русские националисты возражали про-тив этого, причем каждая группа возражала по-своему¹⁹. Консер-ваторы следовали официальной политической линии, которая подчеркивала трагедию, пережитую совместно всеми народами СССР, а националисты утверждали (неофициально), что престу-пления, совершенные большевиками против русского народа, ни в чем не уступают преступлениям нацистов. Обе эти точки зрения вполне соответствовали официальной советской позиции, согласно которой Холокост был второстепенным историческим событием²⁰. Консерваторы и националисты придерживались

¹⁷ О месте, которое занимал Бабий Яр в исторической памяти евреев Советского Союза о Холокосте, см.: E. W. Clowes, "Constructing the Memory of the Holocaust: the Ambiguous Treatment of Babii Yar in Soviet Literature" // *Partial Answers*, № 3 (2) (2005), pp. 153–182.

¹⁸ Kiril Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust, 1941–1964* (unpublished M. A. thesis submitted to the Hebrew University, Jerusalem, 2000), pp. 37–41. Я хочу выразить благодарность Кириллу Феферману, предоставившему эту работу в мое распоряжение.

¹⁹ Подробнее об их позициях см.: Jay Bergman, "Soviet Dissidents on the Holocaust, Hitler and Nazism: A Study of the Preservation of Historical Memory" // *The Slavonic and East European Review*, vol. 70, № 30 (July 1992), pp. 477–504. Об отношении антисоветских националистических кругов к евреям см.: Binyamin Pinkus, "Ha-tnuot ha-disidentiyot bi-Vrit ha-Moazot ve-yahsan la-yehudim u-le-Medinat Yisrael" // *Shvut*, № 15 (1992), pp. 246–253.

²⁰ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 41.

сходных взглядов и вскоре объединились на почве признания русского характера советской идентичности, полную антитезу которому в их глазах представляло собой еврейство²¹.

В конце 50-х – начале 60-х годов серьезные изменения произошли и в отношении Советского Союза к Государству Израиль²². После некоторого затишья, наступившего вслед за окончанием «дела врачей» и возобновлением дипломатических отношений летом 1953 года, Синайская кампания 1956 года заново пробудила враждебность к Израилю²³. В 1958 году в свет вышли две публикации, окончательно поместившие Израиль в империалистический лагерь. Первой была статья Галины Никитиной, опубликованная в журнале «Советское востоковедение» (№ 10)²⁴. Автор статьи осуждала Израиль за связь с американским империализмом и утверждала, что это государство было создано империалистами и служит империалистическим интересам²⁵.

Одновременно со статьей Никитиной увидела свет книга Зиновия Шейниса и Константина Иванова²⁶ об Израиле. Она представляла собой первую в СССР попытку дать всеобъемлющее описание Израиля. Помимо упоминаний о «буржуазном характере» государства, которые уже встречались в статье Никитиной, в книге читатель находил удручающую картину экономического положения в стране. По мнению авторов, израильское хозяйство было отдано под полный контроль американских и

²¹ См.: Николай Митрохин, *Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985*. М.: НЛО, 2003. Это относительно недавнее исследование анализирует, в частности, историю русско-советской националистической группы в кругах партийного и советского политического аппарата в Советском Союзе.

²² Yosef Govrin, *Yahsei Yisrael – Brit ha-Moazot: 1953–1967* (Jerusalem: Magnes, 1990), p. 91.

²³ 5 ноября 1956 года председатель Совета министров СССР Николай Булганин направил главам Англии, Франции и Израиля письмо с предупреждением о том, что его страна не побоится применить военную силу для защиты Египта. Подробнее об этом см.: Govrin, *Yahsei Yisrael*, pp. 69–70.

²⁴ Галина Никитина считалась одним из ведущих советских «специалистов по Израилю» и даже защитила по этой теме докторскую диссертацию.

²⁵ Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 91.

²⁶ В своей покаянной книге «Провокация века», выпущенной в 1992 году, Шейнис раскрыл подлинное имя своего соавтора Иванова. Им был заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Семенов, курировавший политику по отношению к Израилю (Зиновий Шейнис, *Провокация века*. М.: ПИК, 1992. С. 174).

западноевропейских монополий²⁷. Шейнис и Иванов также постарались уладить противоречие между традиционной советской политикой поддержки молодых государств, недавно получивших независимость, и отрицательным отношением СССР к Израилю²⁸. Марксизм, объясняли они, не рассматривает национальное освобождение отдельных стран как самоцель, оправдывающую любые средства, но придает значение прежде всего международному контексту происходящих событий. Сионизм в двадцатом веке стал реакционным движением, подобно тому как в девятнадцатом веке реакционный характер приобрели национально-освободительные движения чехов и южных славян²⁹. Впервые то, о чем говорили в кулуарах, было высказано открыто.

Советский режим также критиковал Израиль за сотрудничество с Западной Германией³⁰. Впервые эта критика прозвучала еще в начале 50-х годов, когда после подписания соглашений о репарациях между Израилем и ФРГ Москва заявила, что они способствуют легитимации боннского режима³¹. Вместе с тем вплоть до начала 60-х годов советское правительство неоднократно и по различным каналам давало понять руководству Израиля, что считает подписание соглашений оправданным³².

Книга Иванова и Шейниса преследовала еще одну цель, не менее важную, а именно – отвратить советских евреев от Израиля. В те годы произошли два события, в рамках которых связь между

²⁷ Константин Иванов и Зиновий Шейнис, *Государство Израиль. Его положение и политика*. М.: Госполитиздат, 1958. С. 100–117.

²⁸ Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 93.

²⁹ *Ibid.*, p. 96; Иванов и Шейнис, *Государство Израиль*. С. 140–143.

³⁰ Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 97.

³¹ См., например: *Новое время*, № 25 (1952); *Литературная газета*, 17 февраля 1952; Yaacov Ro'i, *Soviet Decision Making in Practice* (New Brunswick: Transaction Books, 1980), pp. 422–423.

³² См., например: Б. Л. Колоколов и Э. Бенцур (ред.), *Советско-израильские отношения. Сборник документов 1941–1953*. Т. 1. Кн. 2. М.: Международные отношения, 2000. С. 299, 342, 348, 379–380. В этом контексте интересно, что советская сторона видела в уничтожении евреев нацистами достаточный повод для разрыва отношений с Германией. По словам Моше Сне, в конце 1961 года делегации компартии Израиля (МАКИ), находившейся с визитом в Москве, сказали, что Израиль может разорвать отношения с Западной Германией на «чисто еврейских основаниях» (см.: Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 97). Едва ли это предложение было плодом лишь советской позиции: вероятно, Моше Сне участвовал в его подготовке. См.: Pinhas Ginosar (ed.), *Moshe Sneh – ktavim, 1954–1965* (Tel Aviv: Am Oved, 2005), vol. 4, pp. 36–37.

евреями СССР и Израилем проявилась особенно сильно: Фестиваль молодежи и студентов в Москве летом 1957 года и репатриация из Советского Союза в Польшу бывших польских граждан (в том числе около 30 000 евреев, большинство из которых впоследствии уехали в Израиль) в 1956–1959 годах. Фестиваль продемонстрировал растущий интерес советских евреев к Израилю, а репатриация доказала несостоятельность утверждений, будто евреи СССР довольны жизнью и не хотят покинуть свою родину. Среди выехавших в Польшу евреев были и те, кто никогда не имел польского гражданства³³.

Пытаясь уменьшить притягательность Израиля в глазах евреев – советских граждан, СССР начал разнuzданную антиизраильскую кампанию. Она велась на двух фронтах – на тайном и на явном. Те, кто проявлял интерес к Израилю, подвергались негласным репрессиям вплоть до ареста. При этом не прекращалась открытая пропаганда – в книгах и статьях, репортажах в печати и по радио, – представлявшая Израиль в неприглядном свете.

В дополнение к традиционным обвинениям, в те годы в советских публикациях об Израиле сформировался новый литературный жанр: «голоса оттуда». В газетах печатались письма бывших советских граждан, репатрировавшихся в Израиль и теперь горько сожалевших об этом и рассказывавших о подлинном положении дел в «сионистском раю»³⁴. Израиль был представлен в них как расистское общество, лелеющее миф о превосходстве евреев – избранного народа. Советские граждане, побывавшие в Израиле, также публиковали письма и статьи о якобы безотрадном положении дел в стране³⁵. Изображение Израиля как общества, основанного на расовой теории, в сочетании с упоминанием сотрудничества между Израилем и Западной Германией, продолжательницей дела Гитлера, прокладывало путь к проведению параллелей между ними.

Накануне поимки Эйхмана советская концепция уже относила Израиль к «лагерю международной реакции». Израиль изо-

³³ Об этих событиях см.: Ro'i, *The Struggle*, pp. 252–268; Natan Shaham, *Pegishot be-Moskva, 1957* (Merhaviya, Ha-Kibuz Ha-Arzi – Ha-Shomer Ha-Zair, 1957).

³⁴ Binyamin Pinkus, *Yehudei Rusiya u-Vrit ha-Moazot: toldot miut leumi* (The Ben Gurion University of Negev: Center of Ben Gurion's Legacy, 1986), p. 390.

³⁵ Pinkus, *Yehudei Rusiya*, pp. 392–393.

бражался не только послушным орудием международного империализма, но и пособником возрождения нацизма – воплощения абсолютного зла.

*Советская позиция в период между заявлением Бен-Гуриона
и началом процесса*

Спустя два дня после заявления Бен-Гуриона о поимке Адольфа Эйхмана центральные газеты РСФСР, Украины и Белоруссии³⁶ опубликовали соответствующее сообщение ТАСС³⁷. Остальные газеты обошли случившееся молчанием, за исключением выходившей на идиш «Биробиджанер штерн», которая 27 мая 1960 года перепечатала сообщение ТАСС. Лишь «Советская Белоруссия» и вслед за ней «Биробиджанер штерн» указали, что Эйхман несет ответственность за уничтожение миллионов евреев Европы. Остальные газеты ограничились перепечаткой сообщения и указанием, что Эйхман будет предан суду в Иерусалиме.

Спустя неделю (3 июня 1960 года) «Червоны штандар», орган Коммунистической партии Литвы на польском языке, писал, ссылаясь на польскую прессу, что власти Западной Германии обратились к Израилю с просьбой о выдаче Эйхмана, дабы воспрепятствовать разоблачению военных преступников, которые нашли убежище в истеблишменте ФРГ. В этой статье обозначился один из характерных постулатов будущей позиции СССР по отношению к процессу – утверждение, будто Западная Германия пытается замять дело Эйхмана.

Через несколько дней это утверждение повторила газета «Вечерняя Москва». На этот раз, однако, трактовка несколько изменилась: в статье «Конец карьеры» утверждалось, что канцлер ФРГ Конрад Аденауэр официально обратился к премьер-министру Израиля с просьбой не давать процессу широкой огласки³⁸. Газета не ограничилась нападками на Германию и выдвинула еще более серьезные обвинения в адрес других стран Запада: амери-

³⁶ О структуре советской прессы см.: Eugene K. Keefe, Arsen A. Boucher et al., *Area Handbook of the Soviet Union* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1971), pp. 520–521.

³⁷ *Советская Россия, Правда Украины, Советская Белоруссия*, 25 мая 1960.

³⁸ *Вечерняя Москва*, 7 июня 1960.

канцы задержали Эйхмана, однако ему удалось бежать; затем он получил временное убежище у Франко в Испании, а позднее, при помощи католической церкви, эмигрировал в Латинскую Америку. Автор статьи не умалчивал о роли Эйхмана в осуществлении «окончательного решения»³⁹, однако не упоминал при этом, что его жертвами были евреи.

В статье была приведена несущественная на первый взгляд деталь, которая тем не менее могла серьезно повлиять на общественное мнение. Опираясь на «зарубежные источники», газета указывала, что Эйхман был задержан во время визита в Израиль [sic!], где гостил у приятельницы, которая и выдала его властям. Впечатление, что Эйхман был пойман на территории Израиля, складывается и при чтении статьи в «Правде Украины» от 25 мая 1960 года. Впрочем, для советского читателя это не было неожиданностью, ведь еще в 1959 году в прессе подчеркивались связи между Израилем и Западной Германией (правительство которой изображалось преемником дела Гитлера), – связи, оскорбляющие память жертв⁴⁰. В начале 1960 года предпринимались попытки косвенным образом связать Израиль с нацизмом, указывая на сотрудничество между Израилем и Западной Германией. В статье «Пылкие симпатии к свастике», опубликованной в «Литературной газете» в феврале, говорилось, что Бен-Гурион пытается «оглупить» граждан своей страны, изображая Советский Союз источником антисемитизма, а ГДР – истинной продолжительницей дела нацистов⁴¹. Несколькими неделями позже сатирический журнал на украинском языке «Перець» напечатал рядом карикатуры на Бен-Гуриона и Аденауэра. Канцлер ФРГ изображался художником, рисующим автопортрет по образцу портрета Гитлера⁴².

На этом этапе средства массовой информации СССР обычно обвиняли ФРГ в попытках воспрепятствовать разоблачению пре-

³⁹ Журналист Б. Ирнин указывает в начале статьи, что Эйхман руководил отделом, отвечавшим за «решение еврейского вопроса», однако из текста следует, что его работа касалась «расового вопроса» в целом.

⁴⁰ Понятия «Холокост» или «умышленное уничтожение» не использовались, речь шла о «еврейских жертвах фашизма» (см., например: Григорий Плоткин, *Поездка в Израиль*. М.: Литературная газета. 1959. С. 42–43.

⁴¹ *Литературная газета*, 6 февраля 1960.

⁴² *Перець*, № 8 (1960).

ступлений нацизма. 9 июня 1960 года в «Комсомольской правде» была опубликована статья о панике, охватившей официальный Бонн; в статье было впервые упомянуто имя Ганса Глобке, статс-секретаря и директора канцелярии Аденауэра, занимавшего при нацистском режиме пост юридического советника министерства внутренних дел⁴³. После информации о прошлом Глобке в статье сообщалось, что Глобке был вызван к Аденауэру для срочных консультаций. Автор выражал недоумение по поводу того, что глава правительства ФРГ оказался не осведомлен о многочисленных нацистах, проникших в ряды его администрации.

За исключением редких неизбежных упоминаний, в этих статьях об Израиле речь заходит только в одном контексте⁴⁴: в последние две недели июня 1960 года в Совете Безопасности ООН на нескольких заседаниях обсуждалась жалоба Аргентины на нарушение ее суверенитета в ходе похищения Эйхмана. 19 июня 1960 года только «Биробиджанер штерн» напечатала сообщение ТАСС о подаче жалобы, однако к тому времени, когда в Совете Безопасности начались обсуждения, эта ситуация широко освещалась центральной прессой. «Правда», например, привела пространные цитаты из выступления тогдашнего министра иностранных дел Израиля Голды Меир и из речи советского представителя в ООН Аркадия Соболева. Газета не ограничилась отрывками из речи Соболева о праве любой страны на наказание нацистских преступников, но подвергла резкой критике государства Запада, обвинив их в укрывательстве бывших нацистов. В тот же день «Вечерняя Москва» процитировала речь польского представителя, – сходной идеологической направленности и

⁴³ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 98, n. 243.

⁴⁴ Похищение Эйхмана и будущий процесс над ним не упоминались даже в ходе переговоров между Н. С. Хрущевым и генеральным секретарем МАКИ Самуилом Микунисом в ходе съезда Рабочей партии Румынии. В центре их беседы находился национальный вопрос, который, по мнению Хрущева, имел второстепенное значение по сравнению с вопросом социально-классовым (см.: *Kol ha-am*, June 20, 1960). Микунис, правда, признал, что газета привела слова Хрущева с некоторыми изменениями, но, скорее всего, газета не стала бы выбрасывать из текста упоминание о похищении, в особенности в свете предстоящего заседания Совета Безопасности ООН. В более поздних записях о беседе Микунис тоже не упоминает о деле Эйхмана, но указывает, что встреча состоялась по инициативе Хрущева и что говорил в основном Хрущев. Это позволяет понять, каковы были в то время советские приоритеты. См.: Shmuel Mikunis, "Yisrael ve-ha-am ha-yehudi – be-sihot im manhigim sovietiim ve-komunistiim". Архив израильского рабочего движения при Институте им. П. Лавона (Тель-Авив). Фонд Самуила Микуниса. IV-104-85. Д. 69.

тоже содержавшую нападки на Запад. Остальные газеты ограничились краткими сообщениями общего характера о состоявшемся в ООН обсуждении⁴⁵. Спустя несколько месяцев пресса прямо обвиняла правительство Аргентины в том, что оно предоставило убежище многим военным преступникам⁴⁶.

Серия статей в журнале «Новое время» резко обвиняла Германию и США, утверждая, что они пытаются воспрепятствовать судебному преследованию других нацистских преступников и их пособников, превратив Эйхмана в козла отпущения⁴⁷. Газета с удовлетворением отмечала, что Эйхман предстанет перед судом именно в Израиле (а не в Западной Германии, где отменена смертная казнь), тем самым выражая недоверие к судебной системе стран Запада⁴⁸. Подобные мнения звучали и в дипломатических кругах: министр иностранных дел СССР Андрей Громыко сказал в частной беседе с послом Израиля в Советском Союзе профессором Арье Харелем, что другие нацистские преступники, вроде Мартина Бормана и Йозефа Менгеле, все еще разгуливают на свободе и что лишь Израиль способен предать их справедливому суду⁴⁹.

Другими словами, в течение первого же месяца после сообщения о поимке Эйхмана советские представители постепенно предали гласности свои ожидания от предстоящего процесса. Наряду с Эйхманом, утверждали они, следует предать суду нацистских преступников, укрывшихся в государственном аппарате ФРГ.

Во всех этих публикациях Холокост занимал второстепенное место; о нем заходила речь, лишь когда невозможно было не упомянуть, чем именно занимались Эйхман и его сообщники. Эти упоминания обязательно уравновешивались указанием на страдания, выпавшие на долю других народов, или замалчиванием национального происхождения жертв. Так, газета «Труд», одна из

⁴⁵ *Красная звезда*, 23 июня 1960; *Труд, Советская Литва*, 25 июня 1960.

⁴⁶ *Советская Эстония*, 13 сентября 1960.

⁴⁷ В частности, утверждалось, что посол США в Израиле получил от президента Эйзенхауэра указание потребовать от Израиля свести будущий судебный процесс исключительно к обсуждению преступлений самого Эйхмана (*Новое время*, № 24 (10 июня 1960); № 25 (17 июня 1960)).

⁴⁸ *Новое время*, № 26 (24 июня 1960).

⁴⁹ Avigdor Dagan, *Moscow and Jerusalem* (New York: Abelard-Schuman, 1970), p. 138, n. 22.

самых распространенных в СССР, орган Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, упоминает в номере от 9 августа 1960 года антиеврейскую деятельность Глобке как одного из тех, кто ответствен за введение в Германии расовых законов⁵⁰. Статья приписывает Глобке не только гонения на евреев, но и преступления, совершенные на территории Советского Союза. В статье сказано, что в годы Второй мировой войны Глобке действовал в Литве, «где были уничтожены десятки тысяч советских граждан» (*разрядка моя – Н. К.*). Таким образом, умалчивая о национальном происхождении жертв, пресса старалась создать впечатление, будто Глобке каким-то образом замешан в деле Эйхмана. «Советская Россия», центральный печатный орган РСФСР, в номере от 30 ноября 1960 года открыто обвинила руководство израильской правящей Рабочей партии (МАПАЙ) в том, что, заключив союз с боннскими властями, оно предало память шести миллионов евреев – жертв нацизма. В ту пору лишь таким образом можно было упомянуть в советской прессе Холокост как историческое событие исключительного характера.

В этой связи интересно отметить русский перевод дневников Анны Франк, который вышел в свет во второй половине 1960 года. Предисловие к изданию написал Илья Эренбург. Говоря о Холокосте, Эренбург полностью игнорирует дело Эйхмана (книга была сдана в набор в конце мая 1960 года и подписана к печати в августе), однако резко нападает на Глобке, на совести которого «шесть миллионов безвинных жертв»⁵¹. В попытке превратить Эйхмана в «универсального преступника» советская пресса намеренно использовала неточные цитаты. В номерах «Литературной газеты» от 6 и 9 сентября говорилось, что Эйхман несет ответственность за смерть еврейских детей, брошенных в печи Май-

⁵⁰ *Труд*, 9 августа 1960. 13 августа 1960 года варшавская газета на идиш «Folksshtime» опубликовала статью И. Кормана под заголовком “Kegn di yidishe hetser tsu der ‘kalter milkhome’” («О еврейских подстрекателях “холодной войны”»). Автор обвиняет Нахума Гольдмана, «товарища Аденауэра», как он его называет, в попытке воспрепятствовать расследованию преступлений Глобке. Ближе к концу статьи Корман осуждает также сионистское движение, которое стремится отвлечь внимание общественности от дела Эйхмана путем организации Парижской конференции, направленной, по его словам, против Советского Союза. О международной конференции в Париже, посвященной еврейской проблеме в СССР, см.: Ro’i, *The Struggle*, pp. 138–141; Nehemiya Levanon, *Ha-kod: Nativ* (Tel Aviv: Am Oved, 1996), pp. 169–172.

⁵¹ *Дневник Анны Франк*. М.: ИЛ, 1960. С. 9. Эренбург, неизменно внимательный к теме Холокоста, обошел молчанием процесс Эйхмана и в других своих сочинени-

данека и Освенцима; при этом автор упоминал слова Эйхмана, сказанные незадолго до окончания войны, – о том, что он рад уничтожению миллионов людей⁵². Здесь же газета приписывала Эйхману преступления против советского режима: его объявили ответственным за приказы об уничтожении, помимо евреев, «большевиков-комиссаров». В отличие от «Литературной газеты» – всесоюзного органа печати, – менее значительные издания цитируют слова Эйхмана точно, но зато приписывают ему прямую ответственность за гибель не только евреев, но и миллионов поляков, чехов, русских и представителей других национальностей⁵³.

Что советский читатель мог узнать из этих статей о трагедии евреев? В «Новом времени» (№ 31) указывалось, что уничтожение евреев производилось с той же жестокостью, что и уничтожение коммунистов, советских солдат и партизан. В этом утверждении просматривается явная симпатия к евреям; однако оно демонстрирует, что советская пропаганда, игнорировавшая еврейскую трагедию, нуждалась в примерах и аналогах, чтобы описать страдания евреев, не упоминая при этом о Холокосте. Эта статья была уникальна для своего времени, поскольку содержала обвинения в адрес не только Германии, но и других стран Запада, которые почти ничего не сделали для спасения евреев. В качестве примера автор статьи приводит историю Йозеля Бранда, которого корыстолюбивые нацисты заставили поехать в Палестину, чтобы организовать поставки грузовиков в обмен на освобождение миллиона евреев⁵⁴. Глубокое негодование автора

ях (см.: Мордехай Альтшулер и др. (ред.), *Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966*. Иерусалим: Яд Вашем, 1993. С. 425). Более того, даже такое на первый взгляд беззубое предисловие вызвало негативную реакцию советского литературного и идеологического начальства, попытавшегося без ведома автора внести в текст кардинальные изменения, представив евреев трусами, «покорно шедшими на заклание» или «прятавшимися в порах человеческого общества». Только своевременное вмешательство Эренбурга и Зиновия Шейниса предотвратило публикацию измененного текста. См.: Шейнис, *Провокация века*. С. 143–146.

⁵² Согласно показаниям Дитера Вислицени на Нюрнбергском процессе, Эйхман несколько раз говорил о пяти-шести миллионах евреев, умерщвленных в рамках «окончательного решения». В продолжение своих показаний Вислицени цитирует слова Эйхмана о пяти миллионах людей в ответ на вопрос обвинителей о числе убитых евреев. См.: *The Trial of Major German War Criminals* (London: Published under the authority of H. M. Attorney-General by His Majesty's Stationery, 1964), vol. 3, pp. 287–289.

⁵³ *Советская Эстония*, 13 сентября 1960; *Московская правда*, 13 октября 1960.

⁵⁴ *Новое время*, № 31 (1960).

статьи вызывают как действия нацистов, так и поведение британских властей в Палестине, которые по собственным соображениям помешали осуществлению сделки и тем самым обрекли на смерть десятки тысяч людей.

Однако по прошествии нескольких месяцев эта история представляется уже в ином свете. К концу 1960 года отношение советской прессы к роли Израиля изменилось. В октябре 1960 года советская партийная газета обвинила правительство Израиля в том, что оно не только задерживает начало процесса, но и поддерживает экономические связи с государством, руки которого обогрены еврейской кровью⁵⁵. Ранее в печати уже говорилось о попытках ФРГ и США оказать давление на Израиль с целью замалчивания дела Эйхмана. Теперь же сам Бен-Гурион изображался человеком, который хочет скрыть правду и в угоду которому государственные чиновники выдумывают различные бюрократические отговорки, чтобы отложить начало суда. В номере от 22 декабря 1960 года «Вечерняя Москва» выражает серьезные сомнения по поводу будущего процесса и объясняет ожидания СССР: «Как будет проходить процесс над одним из самых кровавых палачей гитлеровского рейха, насколько он сможет помочь разоблачению неонацизма в Западной Германии, покажет будущее»⁵⁶. Израилю следовало не только предать нацистов суду, но и предотвратить любые попытки «любых реакционных сил» возродить гитлеровский режим⁵⁷.

Советская пресса не забывала и о других аспектах дела Эйхмана. Помимо нападок на ФРГ и на Запад – и в особенности на Ганса Глобке, в котором видели нацистского преступника, сумевшего избежать скамьи подсудимых⁵⁸, – усиливались и атаки на защитника Эйхмана д-ра Роберта Серватиуса (Сервациуса). Имя адвоката еще не было известно, когда в советской прессе появились сообщения о том, что правительство Западной Германии планирует направить в Израиль своего представителя, который заставит

⁵⁵ *Московская правда*, 13 октября 1960.

⁵⁶ *Вечерняя Москва*, 22 декабря 1960.

⁵⁷ *Новое время*, № 31, № 42.

⁵⁸ Так, в № 11 журнала «В защиту мира» был опубликован ряд документов, которые, по мнению советских властей, должны быть разоблачить подлинное (нацистское) лицо Глобке.

Эйхмана замолчать⁵⁹. Месяцем позже, когда личность защитника стала достоянием гласности, статья в белорусской газете «Звезда» обвинила Серватиуса в том, что он получил деньги от Глобке и теперь всячески старается воспрепятствовать его разоблачению⁶⁰. Ранее Серватиус защищал ответственного за мобилизацию рабочей силы в Третьем рейхе Фрица Заукеля, приговоренного к смертной казни на Нюрнбергском процессе, и в глазах советской прессы это доказывало его богатый опыт в защите нацистов⁶¹. В попытке добиться молчания Эйхмана обвиняли даже Вилли Брандта, который в то время находился с визитом в Израиле⁶².

1961 год начался в советской прессе с резких атак на Израиль. В «Труде», одной из важнейших советских газет, появилась большая статья под заголовком «Сборище банкротов», посвященная 25-му Сионистскому конгрессу, который проходил в это время в Иерусалиме⁶³. Автор статьи обвинял Израиль и руководство сионистского движения в том, что они предали память миллионов евреев, заключив кровавую сделку с продолжателями дела Гитлера, «боннскими реваншистами»⁶⁴. Язвительный стиль статьи, вскоре ставший типичным для газетных материалов, посвященных Израилю и сионизму, в ту пору был новшеством. На данном этапе подчеркивалось, что Западная Германия опасается показаний Эйхмана на суде; Израиль же изображался зависимой стороной, выполняющей все требования ФРГ⁶⁵.

В то же время советская пресса превращала процесс в событие, имеющее непосредственное отношение к СССР. За несколько недель до начала суда газета «Советская Белоруссия» опубликовала статью о прошлом Эйхмана⁶⁶. В статье говорилось, что Эйхман не только отвечал за уничтожение евреев, но был специалистом

⁵⁹ *Московская правда*, 13 октября 1960.

⁶⁰ *Звезда*, 25 ноября 1960. Спустя некоторое время Израиль обвинили в том, что государство согласилось взять на себя выплату гонорара Серватиусу.

⁶¹ *Вечерняя Москва*, 22 декабря 1960.

⁶² *Советская Россия*, 30 ноября 1960.

⁶³ *Труд*, 1 января 1961.

⁶⁴ Идеологема «боннские реваншисты» была в ту пору синонимом ФРГ.

⁶⁵ *Комсомольская правда*, 8 февраля 1961; *Коммунист* (Ереван), 22 марта 1961; *Советская Белоруссия*, 2 апреля 1961. Все эти издания уступали значимостью и влиятельностью газете «Труд».

⁶⁶ *Советская Белоруссия*, 2 апреля 1961.

и по другим «неполноценным народам», в частности, руководил отправкой в лагеря советских военнопленных. Автор статьи даже утверждал, что показания Эйхмана способны изобличить многих нацистов, уничтоживших советских граждан. Спустя неделю газета «Советская Россия» подвергла атаке другую видную фигуру государственного аппарата Западной Германии, генерала Фридриха Фёрча, незадолго до этого назначенного генерал-инспектором (главнокомандующим) армии Западной Германии. В статье утверждалось, что он «несет ответственность за смерть и злодейские преступления на советской земле»⁶⁷. Статья стремилась умерить ожидания читателей от предстоящего процесса и готовила их к тому, что может произойти в Иерусалиме: «Мы не знаем, какой приговор фашистскому палачу и массовому убийце Эйхману вынесет израильский суд – может быть, правящие круги Израиля предпочтут закрыть глаза на прошлое во имя своей сегодняшней дружбы с боннскими милитаристами». Далее автор нападал на французов и англичан за то, что они забыли уроки войны и заключили союз с правительством ФРГ.

«Известия» присоединились к общему хору и в день открытия процесса сообщили своим читателям, что «плата Серватиусу принесла свои плоды», и Эйхман замолчал⁶⁸. Автор статьи упрекал Израиль, согласившийся уплатить гонорар адвокату, в деятельности которого тайно участвует Западная Германия. Домыслы такого рода появились в советской прессе несколькими месяцами ранее, однако только сейчас достигли первых полос газет. Замечания о гонораре, выплаченном Израилем Серватиусу, сопровождались мрачными описаниями тяжелого экономического положения Израиля; советский читатель задавался естественным вопросом: каким образом страна, чьи граждане терпят такие лишения, платит деньги иностранному гражданину – защитнику нацистского преступника, более того – нацисту?

В 1961 году вышла в свет книга Александра Лебедева, которая, в сущности, обобщила официальную советскую позицию в

⁶⁷ *Советская Россия*, 9 апреля 1961 года. Генерал-лейтенант Фёрч, заместитель командующего сил НАТО в Европе, командовал во время Второй мировой войны различными воинскими частями на Восточном фронте, что делало его, по меркам советской идеологии, типичным военным преступником.

⁶⁸ *Известия*, 11 апреля 1961.

отношении процесса, окончательно сформулировала, как СССР видит процесс и чего от него ожидает⁶⁹. Судьба евреев не интересует автора; он пытается установить прямую связь между преступлениями Эйхмана и ему подобных и Великой Отечественной войной. Помимо Глобке и Фёрча, он упоминает целый ряд других видных фигур ФРГ, которые, по мнению советских властей, несут ответственность за военные преступления против мирных граждан, совершенные на территории СССР. Автор полагает, что они должны находиться на скамье подсудимых вместе с Эйхманом и что туда же следует посадить адвоката, доктора Серватиуса⁷⁰. Уничтожение евреев упоминается, лишь когда автор обвиняет Бен-Гуриона в предательстве памяти погибших и попытках преуменьшить важность процесса в угоду Бонну и всем, кто пытается помочь Эйхману и иже с ним уйти от ответа⁷¹.

Советская позиция во время процесса

Об открытии процесса сообщило большинство центральных и республиканских газет Советского Союза. Однако если центральные печатные издания ограничились короткими заметками⁷², другие газеты не только позволили себе нападки на Германию⁷³, но и обвинили израильские власти в том, что они не допускают широкую публику в зал суда⁷⁴.

Теперь не только ФРГ, но и Израиль обвинялся в попытке скрыть неудобные подробности о прошлом руководителей Германии и членов военного командования сил НАТО. В конце апреля 1961 года две главные советские газеты, «Правда» и «Известия», предположили существование сговора между Израилем и Западной Германией с целью воспрепятствовать разоблачению других

⁶⁹ А. Лебедев, *Солдаты малой войны. Записки освенцимского узника*. М.: Госполитиздат, 1961. С. 120–121.

⁷⁰ Лебедев, *Солдаты малой войны*. С. 123–126.

⁷¹ Там же. С. 126–127.

⁷² *Правда, Известия, Труд, Комсомольская правда*, 12 апреля 1961.

⁷³ *Гудок*, 12 апреля 1961; *Czerwony sztandar*, 13 апреля 1961.

⁷⁴ *Советская Россия*, 12 апреля 1961; *Казахстанская правда*, 13 апреля 1961.

нацистских преступников⁷⁵. Более того, в «Правде», в статье под названием «Суд или фарс?», было заявлено, что в ходе процесса «делаются попытки замалчивания прошлого военных преступников»⁷⁶. Статья заканчивалась недвусмысленным предупреждением: от Израиля ожидают справедливого суда, поскольку «сделки правящих кругов Израиля с преступниками из ФРГ не останутся без внимания. Этот номер не пройдет». В том же тоне были выдержаны статья в «Советской России», опубликованная двумя днями позже, и передачи московского радио 12 мая 1961 года⁷⁷. Спустя две недели, 23 мая, газета «Красная звезда» (печатный орган Министерства обороны СССР) поместила статью под названием «Операция “Пыль в глаза” продолжается», в которой говорилось о существовании сговора между Тель-Авивом и Бонном, цель которого – «во что бы то ни стало не допустить полного разоблачения и наказания военных преступников», занимающих высокие посты в правительстве Западной Германии⁷⁸.

Прожектора, до начала процесса обычно направленные на Западную Германию, были отныне наведены на Израиль. Более того, предпринимались попытки поставить под сомнение само право Государства Израиль предать суду нацистского преступника. Журнал «Новое время» вновь прибег к испытанному пропагандистскому приему, подвергнув нападкам саму суть сионизма и выразив удивление: как это нацистский преступник предстал перед судом в стране, где практикуется расовая сегрегация и нарушаются права арабов⁷⁹. Подобные обвинения выдвигались и в адрес стран Запада, – ведь их граждане ведут расистскую политику против народов Азии и Африки, а потому ничем не лучше Эйхмана⁸⁰. Вместе с тем не прекращались попытки подчер-

⁷⁵ *Правда, Известия*, 26 апреля 1961. Впервые об этом говорилось в передаче московского радио в день открытия процесса 11 апреля 1961 года. См.: Barukh Gur-Gureviz, *Hipus zehut: Bein hitbolelut le-hagira* (Jerusalem: Ha-Sifriya Ha-Ziyonit, 2003), p. 168.

⁷⁶ *Правда*, 28 апреля 1961.

⁷⁷ *Советская Россия*, 30 апреля 1961; William Korey, “Reporting the Eichmann Case” // *Survey*, № 39 (Dec. 1961), p. 21.

⁷⁸ См. также: *За рубежом*, № 13; *Советская Белоруссия*, 20 мая 1961; *Czerwony sztandar*, 2 июня 1961.

⁷⁹ *Новое время*, № 23.

⁸⁰ *Советская Латвия*, 30 апреля 1961.

кнуть эмоциональную заинтересованность Советского Союза в деле Эйхмана, который в ответе за гибель миллионов граждан СССР⁸¹.

В рамках обсуждения «сговора» между Израилем и ФРГ в адрес сионистского движения впервые прозвучали обвинения в сотрудничестве с нацистами, – в дальнейшем один из главных аспектов советской антиссионистской пропаганды⁸². Они заслуживают особого внимания, так как на их примере можно лучше понять методы советской пропаганды и ее отношение к Холокосту. На первом этапе обвинения носили характер намеков. В то же время они непосредственно затрагивали эмоции читателей, поскольку Израиль обвинялся в попытке использовать процесс в своих интересах, представив доказательства преступлений, совершенных исключительно против евреев. Тем самым Израиль наносил тяжкое оскорбление Советскому Союзу, осквернял память жертв фашизма и принижал заслуги народов Советского Союза, которые «выбили топор из лап гитлеровских палачей»⁸³. В неофициальных беседах между израильскими дипломатами и представителями советского истеблишмента эта тема всплывала неоднократно: СССР не был заинтересован в том, чтобы Израиль приобрел репутацию борца с фашизмом и лишил Советский Союз пальмы первенства в этой сфере⁸⁴.

Хотя в то время еще не представлялось возможным публично обвинить сионистов в сотрудничестве с нацистским режимом, можно было добиться желаемого результата, сочетая намеки на это с открытыми обвинениями Израиля в нежелании признать существование «нееврейских жертв Эйхмана». Это позволяло внушить советским читателям недоверие к Израилю и процессу⁸⁵. По утверждению авторов статей, «израильское вероломство» касает-

⁸¹ *Советская Латвия*, 30 апреля и 14 мая 1961.

⁸² *Советская Латвия, Советская Литва, Czerwony sztandar*, 20 апреля 1961; *Советская Киргизия*, 21 апреля 1961.

⁸³ *Труд, Московская правда*, 6 мая 1961; *Казахстанская правда*, 12 мая 1961; *Советская Латвия*, 14 мая 1961; *Комсомольская правда*, 16 мая 1961; *Czerwony sztandar*, 19 мая 1961; *Бакинский рабочий*, 23 мая 1961; *Литературная газета*, 20 июля 1961.

⁸⁴ Levanon, *Ha-kod: Nativ*, p. 180; Dagan, *Moscow and Jerusalem*, p. 139, n. 23; Moshe Zak, *40 shnot du-siah im Moskva* (Tel Aviv: Sifriyat Maariv, 1988), p. 121.

⁸⁵ См., например, резкую статью под названием «Цена крови», опубликованную

ся не только памяти жертв нацизма, но и событий сегодняшнего дня. Например, журнал «Новый мир» в июньском номере 1961 года указывал, что Бен-Гурион пытается защитить Западную Германию, несмотря на разгул антисемитизма в этой стране⁸⁶. Попытка израильтян представить Эйхмана убийцей одних лишь евреев символизировала в глазах советского руководства сущность сговора между Тель-Авивом и Бонном: ведь по утверждению прессы, Эйхман был повинен в убийстве не только евреев, но и «русских, украинцев, поляков, французов», и стремление игнорировать это являлось своего рода «обелением фашизма»⁸⁷.

Желание всячески затушевать еврейскую тему нередко приводило к прямому искажению фактов, которого советская пресса даже не старалась скрыть. Так, в журнале «Новое время» (№ 40), в статье с нападками на Фридриха Фёрча, приведена немецкая карта с указанием числа евреев, уничтоженных в балтийских странах. Об этом свидетельствует немецкая надпись на карте. Однако в пояснении говорится, что цифры на карте соответствуют числу казненных советских граждан⁸⁸.

Интересный пример постепенной перемены в отношении к процессу можно найти в ежегодниках Большой советской энциклопедии 1960 и 1961 годов. Ежегодник 1961 года (посвященный событиям 1960) не упоминает «дело Эйхмана» ни в статье об Израиле, ни в статье о ФРГ⁸⁹. Спустя год, в ежегоднике 1962 года (посвященном событиям 1961), описание процесса занимает видное место в статье «Израиль». Упомянув об уничтожении шести миллионов евреев, автор пишет: «Вопреки предшествовавшей процессу договоренности между правительствами Израиля и ФРГ, несмотря на старания суда, прокуратуры и защиты, на процессе

в газете «Червоны штандар» 25 июня 1961 года. В ней правительство Израиля обвиняется в «фарисействе» за свое отношение к жертвам фашизма.

⁸⁶ Имеются в виду антисемитские инциденты, которые произошли в этот период в странах Европы (*Новый мир*, № 6 (1961)). Журнал, однако, игнорировал подобные случаи в Советском Союзе, наиболее известным из которых был поджог синагоги в пригороде Москвы Малаховке в октябре 1959 года (см.: Pinkus, *Yehudei Rusiya*, pp. 370–371).

⁸⁷ *Крокодил*, № 16 (1961); *Литературная газета*, 18 и 20 июля 1961; *Труд*, 20 июля 1961.

⁸⁸ *Новое время*, № 40 (1961).

⁸⁹ 1961. *Ежегодник Большой советской энциклопедии*. М.: БСЭ, 1961. С. 225–226, 346–347.

было доказано участие в кровавых преступлениях гитлеровских войск ряда руководящих деятелей ФРГ». Автор статьи «Западная Германия» (в этом же выпуске) полностью игнорирует процесс и подвергает критике назначение Фёрча на пост командующего вооруженными силами ФРГ как «вызывающий, недружественный акт в отношении СССР и всех государств, подвергшихся агрессии со стороны гитлеровской Германии»⁹⁰.

Советская пресса всячески подчеркивала «антисоветскую» деятельность обвиняемого, однако власти СССР полностью игнорировали просьбы Израиля о предоставлении информации, которая могла бы помочь в ведении процесса. Официальное обращение по этому поводу было передано министерству иностранных дел Советского Союза 27 июня 1960 года (предварительные переговоры впервые состоялись в начале июня). Посольство Израиля в Москве повторило просьбу в декабре того же года⁹¹. Оба запроса остались без ответа. Официальное объяснение гласило, что «все требуемые материалы уже были предоставлены в ходе Нюрнбергских процессов»⁹². Неофициально же советские представители объясняли свое нежелание сотрудничать с Израилем тем, что оказание такой помощи может лишить Советский Союз славы страны-освободительницы и помочь Израилю приобрести репутацию борца с нацизмом. Представителю израильского правительства пришлось заявить с трибуны Кнессета, что Советский Союз, в отличие от других стран Восточной Европы, полностью игнорирует просьбы о предоставлении информации⁹³.

Внимания советской прессы не избежала и правовая система Израиля, как утверждалось, обслуживавшая интересы правительства страны. Под правовой системой подразумевали как обвинителей, так и судей, которые, согласно мнению советских газет, исполняли указания свыше⁹⁴. Один автор прямо пишет: «Су-

⁹⁰ 1962. Ежегодник Большой советской энциклопедии. М.: БСЭ, 1962. С. 252, 374.

⁹¹ *Teudot le-mediniyut ha-huz shel Medinat Yisrael* (Jerusalem, 1997), vol. 14, p. 462. См. также сноску 1 на той же странице.

⁹² *Teudot le-mediniyut ha-huz*, vol. 14, p. 462; Zak, *40 shnot du-siah*, p. 121; *Levanon, Ha-kod: Nativ*, p. 180; Dagan, *Moscow and Jerusalem*, p. 139, n. 23.

⁹³ Сообщение об этом прозвучало из уст министра юстиции Дова Йосефа на пленарном заседании Кнессета 28 ноября 1961 года.

⁹⁴ *За рубежом*, № 18 (1961); *Заря Востока*, 1 июля 1961; *Советская Литва*, 14 июля 1961; *Гудок*, 18 июля 1961; *Правда Украины*, 27 июля 1961.

дья сомкнулись с обвиняемыми» [sic!]⁹⁵. Обвинителю и судьям ставилось в вину и немецкое происхождение (одно из советских изданий говорило о «немцах, ставших израильскими гражданами») ⁹⁶.

Если израильская судебная система пытается скрыть преступления нацистов (например, всячески затягивая процесс), то Нюрнбергские процессы видятся автору образцом справедливого суда, – а вот его-то и не хотят допустить участники «сговора»⁹⁷. Пресса даже старалась провести различие между ведущимся в Иерусалиме «процессом Эйхмана», цель которого – покрыть преступления нацистов, и «делом Эйхмана», призванным разоблачить истинное лицо нацистских преступников⁹⁸. Неслучайно после 1961 года советская печать неизменно широко освещала процессы над пособниками нацистов, проходившие на территории СССР⁹⁹.

Итак, советская печать изображала суд над Эйхманом не иначе как инсценированным действием, призванным скрыть правду. Об этом, в частности, свидетельствовал набор слов, которым пользовались журналисты. Перерыв в обсуждениях именовался «антрактом»¹⁰⁰. Даже советские лидеры высказывались в том же духе: сам Хрущев говорил о «режиссере процесса» и о «следовании сценарию»¹⁰¹. Более того, советский лидер продолжил линию «эмоциональной заинтересованности», заявив, что процесс «позорит сыновей и дочерей Советского Союза, отдавших жизнь ради будущего мира»¹⁰².

После окончания прений сторон и вплоть до обнародования решения суда дело Эйхмана перестало быть объектом внимания

⁹⁵ *Литературная газета*, 20 июля 1961.

⁹⁶ *В защиту мира*, № 7–8 (1961).

⁹⁷ *Комсомольская правда*, 16 мая 1961; *Литературная газета*, 23 мая 1961.

⁹⁸ *Литературная газета*, 20 июля 1961.

⁹⁹ Emanuel Brand, "Al mishpatim neged poshim naziim bi-Vrit ha-Moazot, 1961–1965" // *Yediot Yad Vashem*, № 36 (June 1966), pp. 18, 22; Benjamin Pinkus, *The Soviet Government and the Jews*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), pp. 426, 560, n. 34; Lukasz Hirszwicz, "The Holocaust in the Soviet Mirror" // Lucjan Dobroszycki and Jeffrey Gurock (eds.), *The Holocaust in the Soviet Union* (New York: M. E. Sharp, 1993), pp. 39–46.

¹⁰⁰ *Известия*, 15 июня 1961.

¹⁰¹ *Правда*, 23 июня 1961.

¹⁰² Там же.

советской печати, хотя этот перерыв был представлен этапом «согласования версий»¹⁰³. Вместе с тем, чтобы читательская аудитория не забыла о процессе окончательно, упоминания о нем периодически появлялись в печати. 3 сентября 1961 года в «Известиях» вышла большая статья Герхарда Лео из ГДР. Лео изложил свои впечатления о процессе, особо подчеркнув роль Красной Армии как армии-освободительницы, – об этом часто говорили свидетели. Автор говорит о шести миллионах погибших евреев и параллельно пытается проанализировать позицию Израиля. Его вывод заключается в том, что Бен-Гуриону не удалось избавиться от подозрения в пособничестве наследникам Гитлера. В своей статье Лео придерживается характерного для советской журналистики подхода к процессу. С одной стороны, он подчеркивает вину Эйхмана в истреблении многих советских народов, а с другой – старается затушевать факт уничтожения евреев. Говоря о конференции в Ванзее, он утверждает, что отдел Эйхмана принял решение об «окончательной ликвидации миллионов людей различных наций: поляков, русских, украинцев, белорусов, евреев, французов, сербов, чехов». Таким образом, вторая по значению советская газета пыталась изобразить «еврейский отдел» как организацию, занимавшуюся уничтожением различных народов, прежде всего славянских, в то время как евреи, по имени которых отдел получил свое название, занимали в этом перечне далеко не первое место.

Во время процесса Эйхмана была также предпринята первая попытка провести аналогию между уничтожением евреев и уничтожением славян. Для этого так называемый «Генеральный план “Ост”» (*Generalplan Ost*) был представлен в качестве главной цели войны¹⁰⁴. В журнале «Новое время» (№ 29) автор статьи «Под стеклом» А. Леонидов анализирует «260 часов процесса Эйхмана». Об уничтожении евреев он говорит как о единичных фактах, в то время как убийство славян изображается результатом заранее

¹⁰³ *Московская правда*, 24 августа 1961; *Бакинский рабочий*, 25 августа 1961; *Советская Белоруссия*, 12 ноября 1961.

¹⁰⁴ О развитии советского восприятия «Генерального плана “Ост”» см.: Arad, “Ha-Shoa ba-historiografiya ha-sovyetit”, pp. 153–154, 157; Dan Zhitz, “Mediniyut hapirsum ha-sovyetit be-yahas le-rezah ha-yehudim” // *Dapim le-heker tkufat ha-Shoa*, № 15 (1999), p. 171. Ср. с более поздними советскими публикациями, например: «План “Ост”» // *Великая Отечественная война. Энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 521.

разработанного плана, целью которого было полное истребление поляков, русских, украинцев и белорусов как «расово неполноценных»¹⁰⁵. Автор статьи также делится с читателями «подлинной» причиной, вследствие которой, по его мнению, Бен-Гурион пытался помешать разоблачению преступлений нацистов: в годы войны деятельность сионистов по спасению евреев сосредоточилась исключительно на спасении их близких, остальные же евреи были обречены на уничтожение, так как не вписывались в сионистские планы по созданию единой еврейской нации¹⁰⁶. Другими словами, как во время войны сионисты сотрудничали с нацистами, так и сегодня сотрудничают с продолжателями дела Гитлера. Разоблачение пособников Эйхмана приведет к разоблачению деятельности сионистов, поэтому защищая нацистов, сионисты, прежде всего, защищают самих себя. С этого времени адресованное сионистам обвинение в сотрудничестве с нацистами превратилось в один из ключевых элементов советской пропаганды¹⁰⁷.

Освещая процесс Эйхмана, советская пресса широко использовала карикатуры¹⁰⁸, – в соответствии с общими идеологическими установками. Вначале сарказм касался в основном немцев, обвинявшихся в серьезных преступлениях; на более позднем этапе делалась попытка разоблачить израильско-западногерманский сговор. Иногда карикатуры упоминали уничтожение евреев; это были перепечатки из иностранных изданий, Холокост они изображали в завуалированной форме или делали упор на чудовищность нацистских преступлений в целом¹⁰⁹.

¹⁰⁵ *Новое время*, № 29 (1961); Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 48.

¹⁰⁶ Согласно официальной советской концепции, высказанной в свое время Сталиным в его сочинении «Марксизм и национальный вопрос», евреи не являются единой нацией.

¹⁰⁷ Эти обвинения повторились в советской печати позднее в том же году. См.: *Иностранная литература*, № 11 (1961)

¹⁰⁸ О советских карикатурах см.: Yaakov Guri, *Sinat yehudim, be-rei ha-karikatura* (Tel Aviv, Sifriyat Maariv, 1986); Judith Vogt, "Kaasher ha-nazizm hafakh la-ziyonut – nituah karikaturot politiyot" // Shmuel Etinger (ed.), *Antishemiyut bi-Vrit ha-Moazot* (Tel Aviv, 1986); Kevin McKenna, *All the Views Fit to Print – Changing Images of the U.S. in Pravda Political Cartoons, 1917–1991* (New York: Peter Lang, 2001).

¹⁰⁹ *Новое время*, № 31 (1960), 29, 32 (1961); *Правда Украины*, 11 мая 1961; *Известия*, 18 мая, 4 июля 1961; *Czerwony sztandar*, 4 и 20 июня 1961; *Литературная газета*, 30 мая 1961; *Советская Эстония*, 28 июня 1961; *Крокодил*, № 14 (1961); *За рубежом*, № 18 (1961); *Советская Литва*, 20 декабря 1961; *Наука и религия*, № 12 (1961).

*Трогательное единение. Бонн – Гурион.
На портфеле, который держит Аденауэр, написано:
«Дело Эйхмана».*



Эта карикатура, изображающая, по мнению советского издания, «подлинную причину действий сионистов», была помещена в журнале «Перец» (№ 15) в 1961 году. Она заслуживает особого внимания. В ней впервые присутствует сочетание «звезды Давида» и свастики, которое в будущем станет постоянным атрибутом советской пропаганды. Вместе с тем, мне кажется, что здесь все еще нет пропагандистско-эмоционального накала, характерного для обсуждения этой темы в 70-е годы. Здесь этим символам можно дать буквальную интерпретацию: сотрудничество между сионистами и продолжателями дела Гитлера – Западной Герма-

нией. В советской пропаганде «звезда Давида» символизировала сионистов, свастика и железный крест обозначали нацистов и их наследников. Использование «звезды Давида» в негативном контексте началось в Советском Союзе лишь в начале 60-х годов. В карикатурах периода «дела врачей» и Синайской кампании сионизм и Израиль еще не обладали своим собственным отличительным знаком. В описываемую эпоху «звезда Давида» упоминалась в положительном контексте лишь однажды: в начале 60-х годов Хрущев был награжден эфиопским Орденом Царицы Савской, имевшим форму шестиконечной звезды. Советскому руководителю пришлось тогда пригласить посла Израиля в СССР Арье Хареля прочесть лекцию «об историческом значении этого древнего символа»¹¹⁰.

Сообщения о приговоре также послужили советской прессе поводом для атак на Израиль и Западную Германию. К ФРГ были обращены требования предать суду других нацистских преступников¹¹¹, а к Израилю – подозрения, что израильский суд, даже приговорив Эйхмана к смерти, все же способен помиловать его¹¹². Вплоть до самого повешения Эйхмана советская печать уделяла преимущественное внимание двум аспектам: требованию предать суду других нацистов и опасениям, что Эйхман будет помилован.

Осенью 1961 года скромным тиражом в 25 000 экземпляров увидело свет второе исправленное издание книги секретаря советской делегации на Нюрнбергском процессе Аркадия Полторака «От Мюнхена до Нюрнберга». Основная идея книги заключалась в том, что без Мюнхенских соглашений не могла бы свершиться нацистская агрессия¹¹³. Пост, который автор занимал в прошлом, придавал дополнительный вес его критике в адрес позиции западных стран в отношении ФРГ: напрашива-

¹¹⁰ Zak, *40 shnot du-siah*, p. 352.

¹¹¹ *Советская Латвия*, 12 декабря 1961; *Правда Украины, Советская Литва*, 14 декабря 1961; *Birobidzhaner shtern*, *Правда, Известия, Комсомольская правда, Красная звезда*, 16 декабря 1961; *Birobidzhaner shtern*, 17 декабря 1961; *Советская Литва*, 20 декабря 1961; *Новое время*, № 51 (1961); *Огонек*, № 52 (1961).

¹¹² *Новое время*, № 52 (1961); *Вечерняя Москва*, 5 февраля 1962.

¹¹³ Аркадий Полторака, *От Мюнхена до Нюрнберга*. 2-е изд., испр. М.: Институт международных отношений, 1961. С. 2.

лась параллель между событиями 30-х и 40-х годов и текущей эпохой. Более того, автор книги резко осуждал бывших союзников Советского Союза, пытающихся приписать себе ведущую роль в победе над Германией¹¹⁴.

Во втором издании книги (в отличие от первого, увидевшего свет годом ранее) Полторацк рассматривает процесс Эйхмана. Он подробно перечисляет все совершенные им преступления, особо подчеркивая, что их жертвами были евреи. Автор нередко прибегает к особым формулировкам для описания места евреев в нацистской пропаганде и в массовых убийствах¹¹⁵. Вместе с тем он использует эту тему в своем сочинении, чтобы еще раз заклеить позором Запад и Израиль – за попытки выгородить преступников, стоящих за спиной подсудимого. Автор цитирует протоколы Нюрнбергского процесса, чтобы продемонстрировать, что вина Эйхмана уже давно доказана и что израильская судебная система отказывается выполнить свою историческую миссию – разоблачить многочисленных нацистских преступников, нашедших убежище на Западе¹¹⁶.

Книга Полторака, увидевшая свет незадолго до окончания процесса, представляет собой своего рода итог пропагандистских усилий, предпринятых СССР до объявления приговора. Автор обвиняет Израиль в сокрытии правды и проводит параллель между контактами сионистов с нацистским руководством в 1944 году и связями Израиля с ФРГ¹¹⁷. И все это является, по мнению автора, лишь одним из многочисленных аспектов сговора между западными странами, направленного против Советского Союза.

Советская позиция после окончания процесса

Число упоминаний о процессе в советской прессе резко сократилось после объявления приговора. Отныне вместо кратких информационных заметок газеты и журналы предпочитали публиковать аналитические статьи, рассматривавшие различные аспекты ситуации. Вначале были заметны две основных тенден-

¹¹⁴ Там же. С. 594–598.

¹¹⁵ Там же. С. 266–272, 283.

¹¹⁶ Там же. С. 275, 280, 285.

¹¹⁷ Там же. С. 282–283.

ции – требование к Западной Германии предать суду других нацистских преступников и специфическое изображение позиции Израиля: Израиль чувствует, что исполнил порученную ему задачу, и готов возобновить сотрудничество с Западной Германией. В последнем номере журнала «Новое время» за 1961 год была опубликована статья Л. Гинзбурга под названием «Закрыто ли дело Эйхмана?», подводящая в какой-то мере итог процессу¹¹⁸. Автор, в частности, писал:

Эйхман осужден. Но глухое чувство тревоги не оставляет человечество. И не исчезает видение: полосатые колонны, призраки, восставшие из могил. Говорят, мертвые молчат, мертвые обвиняют... Нет, обвиняют и действуют живые... Пусть не надеются те, кто хочет воздать «рыцарские почести» палачам прошлой и зачинщикам новых войн, – дело Эйхмана не закрыто.

Опираясь на сказанное его предшественниками о деле Эйхмана, автор статьи формулирует один из главных постулатов советской концепции результатов Второй мировой войны: Запад пытается предать случившееся забвению, но Советский Союз не позволит это сделать¹¹⁹.

Новая советская позиция, обогащенная мессианскими элементами (борьба против сил мирового зла¹²⁰, пытающихся стереть память о страданиях и героизме), ярко проявилась в статье Е. Зайцева «О чем молчала Фемида в Тель-Авиве?» в литературном ежемесячнике «Нева» (органе Союза писателей РСФСР)¹²¹. Негативное отношению автора к Израилю видно уже из заголовка: местом процесса назван Тель-Авив, а не Иерусалим¹²².

¹¹⁸ *Новое время*, № 52 (1961).

¹¹⁹ Вайль и Генис, 60-е. С. 90.

¹²⁰ Концепция Великой Отечественной войны как борьбы против сил зла, стремящихся нанести удар по миру будущего, своего рода священной войны, события скорее мистического, нежели политического или исторического, широко разделялась советским обществом (Вайль и Генис, 60-е. С. 91). Готовность к предстоящей войне пробуждала в людях патриотически-мессианские чувства, подогревая агрессивный русский национализм на грани шовинизма, – и одним из важнейших признаков его был антисемитизм. См.: Peter J.S. Duncan, *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After* (New York: Routledge, 2000), p. 69.

¹²¹ Е. Зайцев, «О чем молчала Фемида в Тель-Авиве?» // *Нева*, № 3 (1962).

¹²² Во всех советских публикациях об Израиле столицей страны именовался Тель-

По его утверждению, правительство Израиля не только не предприняло достаточных усилий, чтобы разоблачить нацизм, но и превратило процесс в фарс: следствие велось полтора года и только затемнило правду. Нюрнбергские процессы (с точки зрения автора – образец судебного разбирательства), несмотря на большое число подсудимых, закончились быстрее; они как раз и проложили путь к признанию Эйхмана виновным. Однако, утверждает Зайцев, тель-авивский режим решил использовать процесс для замалчивания связей, установившихся между нацистами и сионистами в конце войны. Вопреки прошлогодним публикациям¹²³, дело Йоэля Бранда представляется теперь в совершенно ином свете: именно СССР косвенным путем добился провала этой попытки. Страны Запада, которые вначале хотели помочь злодейскому сговору антисемита Гимmlера и сионистов, поняли, что Советский Союз не допустит этого, и отказались поддержать сделку. Отсюда следует, что не Эйхман, а сами сионисты несут ответственность за уничтожение евреев Венгрии. Более того, сионисты даже пытались помешать освобождению Венгрии советскими войсками. Страх перед продвижением Красной Армии объединил стороны, чьи интересы, на первый взгляд, были противоположны: сионистов, нацистов и страны Запада. Поэтому не стоит удивляться, что Бен-Гурион и Аденауэр быстро нашли общий язык. Зайцев также обвинил сионистов в том, что они находились на службе у гестапо, которое использовало их для предотвращения восстаний в концлагерях.

Автор этих обвинений утверждает, что дело не в Эйхмане и не в нацизме, а в борьбе между силами добра и зла. Из его слов следует, что всякий, кто пытается лишить Советский Союз пальмы первенства в победе над нацизмом, сам является пособником нацистов.

Статья Зайцева опередила свое время. Ее содержание характерно для идеологической линии, занявшей ведущее место в советской пропаганде спустя десять лет (борьба с сионизмом как с

Авив. Упоминанием Тель-Авива автор статьи, по-видимому, намекает на вмешательство израильского правительства в ход процесса.

¹²³ *Новое время*, № 31 (1960); Полтораки, *От Мюнхена до Нюрнберга*. С. 282–283.

воплощением зла на земле). Мы не знаем, принадлежал ли автор к националистическим кругам советского общества, которые впоследствии повели борьбу с сионизмом, однако тон статьи вполне соответствует тону известной книги Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас». Это сочинение также опередило свое время, причем есть веские основания считать его автора украинским националистом и антисемитом¹²⁴. В реакции литературных кругов на стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр», увидевшее свет в 1961 году, явственно слышны националистические ноты: поэта обвинили прежде всего в том, что он предал память «русских ребят», пожертвовавших жизнью во имя человечества, ради «космополитов» (другими словами, евреев)¹²⁵.

В третьем номере журнала «Советская юстиция» была опубликована статья Н. Комлева¹²⁶ о состоявшемся процессе, менее агрессивная по тону, чем статья Зайцева, и посвященная анализу результатов процесса с профессионально-юридической точки зрения. В отличие от Зайцева, Комлев не отходит от принятой линии и даже считает возможным похвалить представителей обвинения за то, что они сумели опровергнуть ложные показания подсудимого. Вместе с тем, говоря об уничтожении евреев, Комлев цитирует слова Бен-Гуриона в интервью немецкой газете «Дойче цайтунг»¹²⁷, – о том, что нацистская Германия окончательно осталась в прошлом, – и называет их «предательством, не-

¹²⁴ Кичко утверждал, что еврейский капитал проложил Гитлеру дорогу к власти, а еврейские банкиры даже получили звания «почетных арийцев», защитившие их от уничтожения. См.: Трофим Кичко, *Иудаїзм без прикрас*. Киев: Академия наук УССР, 1963. С. 160–161, 168–170. О Кичко см.: Pinkus, *Yehudei Rusiya*, pp. 433–434; Митрохин, *Русская партия*. С. 167.

¹²⁵ Алексей Марков, «Мой ответ» // *Литература и жизнь*, 24 сентября 1961; Дмитрий Стариков, «Об одном стихотворении» // *Литература и жизнь*, 27 сентября 1961. Оба критика принадлежали к националистическим кругам (Митрохин, *Русская партия*. С. 152–153, 160). Аналогичные отклики прозвучали и после исполнения 13-й симфонии Дмитрия Шостаковича, написанной на тексты Евтушенко, в том числе на стихотворение «Бабий Яр». См., например, статью в «Советской Белоруссии» (2 апреля 1963 года), где приводится следующее обобщение: «И когда поэт, а вслед за ним и любимый всеми композитор, композитор, которого мы считаем большим мыслителем, возводит мелкий жизненный случай (*разрядка моя – Н. К.*) в ранг чуть ли не народной трагедии, тогда неизбежно возникает мысль о фальши и в душе неотвратимо зреет чувство внутреннего протеста».

¹²⁶ Н. Комлев, «Окончено ли дело Эйхмана?» // *Советская юстиция*, № 3 (1962).

¹²⁷ Видимо, речь идет об интервью, которое Бен-Гурион дал Рольфу Фогелю, кельнскому корреспонденту «Дойче цайтунг», 13 августа 1961 года. См. электронный архив Бен-Гуриона: <http://bgarchives.bgu.ac.il/archives/archion>.

приемлемым для народов мира», предательством памяти убитых. Более того, автор привносит в статью эмоциональный элемент, неизменно подчеркивая, что нацистская Германия возрождается и это возрождение оскорбляет память погибших советских солдат. Такая же точно тенденция присутствует и в книге Сергея Андреева «Израиль. Записки журналиста», которая вышла в свет в том же году¹²⁸.

Другая тенденция в подходе советской печати к процессу Эйхмана проявилась в намеках на то, что Эйхман может быть помилован, особенно частых в мае 1962 года, накануне рассмотрения его апелляции. Например, 15 мая «Комсомольская правда» задавалась вопросом, почему не хотят казнить Эйхмана, – и сама же объясняла, что пожизненное заключение вместо смертной казни открывает путь к помилованию. Спустя неделю Зиновий Шейнис опубликовал статью в том же духе в газете «Советская Молдавия». Автор не упоминает помилование прямо, но из его слов можно понять, что Израиль, который лишь под принуждением предал Эйхмана суду, в угоду своим западным покровителям сделает все возможное, чтобы его защитить. На это указывало, в частности, название статьи: «Палач Эйхман и его покровители»¹²⁹. Статья «Два шага до виселицы, но будут ли они сделаны?», опубликованная в «Литературе и жизни» 25 мая, намекала на такие же опасения.

Об отклонении апелляции Эйхмана известила своих читателей «Правда», а о приведении приговора в исполнение написали и «Правда», и «Известия». Однако если «Известия» сопроводили свое сообщение большим заголовком, то «Правда» опубликовала эту информацию в рубрике «Вести из разных стран», никак не выделив ее¹³⁰. В тексте заметки подчеркивалось, что Эйхман был приговорен к смерти за уничтожение евреев. Неясно, почему редакторы газеты решили обратить внимание на этот факт, однако учитывая склонность советской прессы замалчивать Холокост и неоднократные обвинения Израйля в попытках свести процесс к чисто еврейским аспектам, можно предположить, что это было сделано по идеологическим соображениям. По-видимому, таким

¹²⁸ Сергей Андреев, *Израиль. Записки журналиста*. М.: ИВЛ, 1962. С. 112–118.

¹²⁹ *Советская Молдавия*, 22 мая 1962.

¹³⁰ *Правда*, 30 мая 1962; *Правда, Известия*, 2 июня 1962.

образом предполагалось подчеркнуть, что другие преступления обвиняемого израильтяне сумели скрыть¹³¹. В этой связи следует также отметить перевод статьи о Симоне Визентале, который предоставил информацию, сыгравшую важную роль в поимке Эйхмана. Статья, первоначально опубликованная в болгарском еженедельнике, была очень позитивной. Ее публикация как нельзя лучше иллюстрирует перемены в советской пропаганде. Спустя всего лишь несколько лет участие Визенталея в поимке Эйхмана стали изображать актом дешевой саморекламы, а его самого – шпионом и «осквернителем могил и памяти миллионов жертв фашизма»¹³².

Начиная со второй половины 1962 года дело Эйхмана перестает активно интересовать советские средства массовой информации. Как правило, его упоминали теперь в качестве одного из примеров «предательства Запада», стремящегося возродить нацизм. Но «выводы» и «факты» об Израиле и евреях, впервые опубликованные во время процесса, приводились часто. 1963 год ознаменовал поворотную точку в официальной советской концепции войны: если во времена Сталина обвинения в адрес поджигателей войны носили национально-коллективный характер, то теперь им на смену пришли обвинения классового толка¹³³. Хотя антиимпериалистический пафос присутствовал в советском подходе ко Второй мировой войне с момента ее окончания, в годы правления Хрущева он звучал отчетливее и подчеркивался настойчивее. Отход от концепции войны как национального кон-

¹³¹ Эти тенденции заметны во многих статьях; см.: *За рубежом*, № 23; *Новое время*, № 25; *Советская юстиция*, № 15–16 (1962).

¹³² Черновик статьи, посвященной анализу различий в характеристике деятельности Визенталея, находится в архивной коллекции Якова Гури, автора книги «Антисемитизм через призму карикатуры»; см. примеч. 108 (Архив Центра по изучению диаспоры при Тель-Авивском университете. Р-40/89).

¹³³ 10 марта 1963 года «Правда» опубликовала речь Хрущева на встрече с писателями и артистами, в которой подчеркивалось, что поступки человека определяются не национальностью, а классовой принадлежностью. Как русский народ не несет ответственности за преступления черносотенцев, так и еврейский народ не отвечает за поступки провокаторов, выдававших революционеров, или за «сионистский национализм Бунда» [*sic!*]. Свои слова Хрущев решил оживить рассказом о некоем Когане, который служил переводчиком в штабе фельдмаршала фон Паулюса под Сталинградом. Итак, евреи не только страдали от рук нацистов, но и могли служить им. Вследствие этого «открытия» появились многочисленные «очевидцы», утверждавшие, что они действительно знают этого Когана и наблюдали его деятельность в различных местах. Эта история вошла во второе, 1965 года, издание книги Порфирия Гаврут-

фликта с одной стороны позволил СССР в будущем сблизиться с Западной Германией, а с другой – заложил идеологический фундамент под обвинение сионизма в сотрудничестве с продолжателями дела нацистов и даже с самим нацистским движением¹³⁴.

Заголовки статей вновь заговорили о процессе Эйхмана в июле 1965 года, во время международного кинофестиваля в Москве, на котором среди других картин демонстрировался и израильский фильм «Помни!». Кинокритики встретили фильм как положительными, так и отрицательными отзывами¹³⁵, однако в прессе было выражено недовольство содержанием фильма, который, рассказывая о процессе, умалчивает о борцах, тех борцах, которые спасли жизнь миллионам¹³⁶.

В 1963–1965 годах были опубликованы несколько репортажей и статей, подчеркивавших оскорбительную для памяти жертв связь между сионизмом и продолжателями дела Гитлера: «Антинациональный характер политики правительства Израиля ярко проявился и в период подготовки и проведения судебного процесса кровавого палача Эйхмана. Правящие круги Израиля приложили немало усилий для того, чтобы в ходе процесса не были разоблачены многочисленные эйхманы различных калибров...»¹³⁷. Появился и ряд карикатур в этом духе¹³⁸.

то о подполье в Херсоне «Тучи над городом», где изображен «палач Моисей Коган», «самый преданный из слуг Паулюса». В литературных кругах книга была встречена отрицательно, и один из критиков даже назвала ее вредной. Интересно отметить, что в первом ее издании, которое увидело свет в 1963 году, еще до выступления Хрущева, Моисей Коган упоминается в качестве человека, выдавшего подпольщиков оккупантам, однако ничего не говорится о его связях с фон Паулюсом. К тому же, в отличие от «Когана» Гаврутто, «Коган» Хрущева действовал в Киеве. См.: Pinkus, *The Soviet Government and the Jews*, pp. 76, 127–133, 492–493, notes 111–115.

¹³⁴ Вайль и Генис, 60-е. С. 91–92; Nina Tumarkin, *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia* (New York: Basic Books, 1994), p. 50.

¹³⁵ *Правда*, 12 июля 1965; *Труд*, 13 июля 1965.

¹³⁶ *Советская культура*, *Труд*, 13 июля 1965.

¹³⁷ *Народы Азии и Африки сегодня*, № 4 (1963).

¹³⁸ Кичко, *Иудаизм без прикрас*. С. 161, 170, 175; *Известия*, 12 ноября 1964.

Заключение

Дело Эйхмана пришлось на период формирования в Советском Союзе исторической памяти и концепции прошлого. Советский гражданин, «герой-жертва», изображался главной движущей силой победы. Он сумел разгромить нацистское зло, благодаря своим особым качествам и вопреки козням западных союзников, которые из-за страха перед большевизмом пытались ослабить Советский Союз, даже во время совместной борьбы против Гитлера.

Суд, состоявшийся в Израиле, послужил своего рода катализатором развития этой концепции. Замалчивание того факта, что жертвами преступлений Эйхмана были евреи, происходившее на первом этапе, являлось продолжением традиционной советской установки не подчеркивать и не выделять горькую участь евреев на фоне страданий, выпавших на долю всех народов Советского Союза. Более того, еврейский Израиль представлялся подходящим местом для проведения суда над нацистским преступником, поскольку евреи тоже пострадали и пережитое ими можно было уподобить пережитому подлинными героями той войны: солдатами и партизанами. При этом ожидалось, что Западная Германия, «продолжательница дела Гитлера», подогреваемая странами Запада, которые в своей ненависти к Советскому Союзу готовы забыть прошлое, сделает все, чтобы выгородить преступников и оскорбить Советский Союз самым болезненным образом – оскорбить память о героях.

Холокост и уничтожение евреев упоминались лишь изредка, причем, как правило, не советскими авторами, а в статьях, перепечатанных из иностранной прессы. Каждое такое упоминание сопровождалось идеологически обязательными фразами о страданиях, пережитых советскими гражданами¹³⁹. Советская пропаганда и до поимки Эйхмана использовала память жертв Холокоста не для того, чтобы заклеить геноцид, осуществленный нацистской Германией, а для того, чтобы критиковать Израиль, проводящий неугодную Советскому Союзу политику.

Освещение процесса Эйхмана изменилось в тот момент, когда

¹³⁹ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 47.

в Советском Союзе осознали, что еврейская составляющая процесса конкурирует с официальной советской концепцией истории. Отныне советская печать проводила гораздо более агрессивную по отношению к Израилю линию, пытаясь прежде всего доказать, что Израиль не вправе судить нацистских преступников. Вначале главным обвинением было предательство памяти жертв нацизма вследствие сотрудничества с властями Западной Германии; постепенно основной упор был перенесен с оскорбления памяти погибших советских граждан на обвинение Израиля в попытках лишить СССР его статуса нации, которая заслонила мир от нацизма и больше всех от нацизма пострадала. Эти атаки носили не только дипломатический характер, но и проявлялись в грубом вмешательстве в публикацию сведений о процессе. Мы располагаем свидетельством о неудачной попытке опубликовать книгу о суде над Эйхманом немедленно по завершении процесса¹⁴⁰. Из переписки между Авраамом Беловым-Элинсоном (автором) и Госюриздатом (издательством при министерстве юстиции СССР) следует, что книгу согласились напечатать, – при условии, что автор подчеркнет героизм и трагедию всех граждан Советского Союза и несколько затушет участь евреев как нации. Поскольку открыто говорить о подобных вещах не представлялось возможным, все переговоры велись при помощи намеков и устных замечаний. Рукопись книги была исправлена в соответствии с требованиями властей, однако и это не помогло, и крамольную книгу, уже сданную было в печать, в последний момент исключили из плана издательства под надуманным предлогом¹⁴¹.

Каждое отклонение от ожидаемого в СССР порядка процесса сталкивалось как намеренное оскорбление Советского Союза

¹⁴⁰ Avraham Belov (Elinson), "Mishpat Aikhman' be-Moskva" // *Shvut*, № 8 (Tel Aviv, 1981), pp. 99–107.

¹⁴¹ Та же судьба постигла книгу директора Еврейского исторического института (*Żydowski Instytut Historyczny*) в Варшаве Бернарда Марка о восстании и гибели Варшавского гетто (Bernard Mark, *Walka i zagłada warszawskiego getta* (Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1959)). Книга была переведена на многие языки, однако русское издание так и не осуществилось, несмотря на бесчисленные обсуждения, которые велись в течение трех лет (1960–1963). Поводом для отказа в публикации книги, которая была переведена на русский язык еще в конце 1959 года, послужил ее «явный сионистский дух» (то есть подчеркнутое в книге участие евреев в борьбе с нацизмом). Вместе с тем официальная причина, о которой сообщили автору, ничем не отличалась от причины, сообщенной Белову: отсутствие бумаги и сокращение издательского плана в области гуманитарных наук, а также насыщение

и как результат иностранного вмешательства. Впрочем, после открытия процесса советская позиция изменилась. Теперь в попытке воспрепятствовать торжеству справедливости обвинялись не только ФРГ и страны Запада, но и Израиль. Подразумевалось, что Израиль не просто поддается давлению Запада, но выполняет уготованную ему роль с радостью и усердием. Отсюда следовало, что сионисты, как и их западные покровители, пытаются скрыть факт своего сотрудничества с нацизмом.

Советскую позицию в отношении процесса следует рассматривать в двух планах: внутреннем и международном. В международном плане суд над Эйхманом интерпретировали как стремление оправдать преступления нацистов и обелить реваншистскую Западную Германию. Во внутреннем плане процесс с самого начала представляли как попытку скрыть главную правду – правду о величайших потерях и страданиях, выпавших во время войны с нацистами на долю советских народов (и в первую очередь русского). Одновременно культивировалось ощущение, что наряду с желанием скрыть преступления нацистов, обелить Западную Германию и преуменьшить жертвы и страдания народов Советского Союза организаторы процесса посягают на роль СССР и Красной Армии в избавлении человечества от нацизма.

Сионизм посмел посягнуть на первенство народов СССР в страданиях, – и получил клеймо продолжателя дела нацистов. Вначале советская пропагандистская машина использовала в борьбе против сионизма традиционный арсенал средств – обвиняла его в желании угодить Западу и в расизме, подчеркивала экономические трудности Государства Израиль. Вскоре тон обвинений изменился, и была предпринята попытка опровергнуть тезис об уникальности еврейской трагедии в годы войны.

Это позволило постепенно изменить и саму концепцию вины. Согласно сталинской теории, некоторые народы пострадали во время войны, а некоторые запятнали себя, совершили предатель-

литературного рынка работами по истории борцов против нацизма за пределами Советского Союза. Подробнее см.: Семен Чарный, «Советский государственный антисемитизм в цензуре начала 60-х годов (на примере судьбы книги Б. Марка "Восстание в Варшавском гетто")» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 2 (15) (1997). С. 76–81; Шейнис, *Провокация века*. С. 141–143. Тогда же (но, по-видимому, совершенно самостоятельно) вышеупомянутый Авраам Белов тоже безуспешно пытался опубликовать книгу Марка. См.: Avraham Belov (Elinson), *Eikh hayiti kushi* (Jerusalem: Aviel, 1990), pp. 36–44.

ство и должны быть наказаны¹⁴². По этой теории, евреи – один из народов, обреченных на истребление, – не могли сотрудничать с Гитлером. В эпоху Хрущева национальная концепция вины превратилась в классовую. Теперь евреи могли не только страдать от рук нацистов, но и сотрудничать с ними.

Перемены в отношении к процессу Эйхмана позволяют проанализировать работу советской пропагандистской машины и увидеть, как в течение полутора лет менялась официальная точка зрения на различные события.

Оживленное обсуждение процесса велось, как правило, на страницах второстепенных и вышедших относительно небольшим тиражом газет¹⁴³. Публикации в центральной печати в основном подводили итог сказанному в местной прессе и представляли официальную (обычно отрицательную) точку зрения на дело Эйхмана¹⁴⁴. Вместе с тем определенный разноречивостью в освещении событий различными газетами позволяет предположить, что полного единства мнений не существовало. Очевидно, журналисты, писавшие о процессе, принадлежали к нескольким течениям. Одна группа, включавшая некоторых еврейских авторов, старалась соблюдать правила игры и атаковала Израиль за его связи с Бонном в рамках довольно профессионального анализа процесса и фактов. Другая группа шла дальше и изображала отношения между Израилем и Германией как уникальный исторический феномен, возникший еще во времена Второй мировой войны или даже до нее. Позиции членов этой группы соответствовали будущим взглядам советских националистических кругов, состоявших из консерваторов-сталинистов и русских националистов¹⁴⁵.

¹⁴² О депортации целых народов, сотрудничавших с немецкими оккупантами или подозревавшихся в таком сотрудничестве (как немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и др.), см.: Alek D. Epshtein, *Jenosaid: tihurim politiiim ve-etniim bi-Vrit ha-Moazot 1918–1953* (Raanana: Ha-Universita Ha-Ptuha, 2007), pp. 113–144; Robert Conquest, *The Nations Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (Glasgow: Macmillan, 1970), pp. 84–111; Павел Полян, *Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР*. М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001. С. 116–143. О взглядах Сталина на национальный характер см.: Erik van Ree, "Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character" // *Kritika*, № 8 (1) (2007), pp. 41–65.

¹⁴³ Вместе с тем в республиканской и местной прессе часто перепечатывали статьи из центральных печатных органов и республиканских газет, что позволяло шире освещать тему (Keefe, Boucher et al., *Area Handbook of the Soviet Union*, pp. 521–522).

¹⁴⁴ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 46.

¹⁴⁵ См. издание книги Михаила Агурского на иврите: Mikhael Agurski, *Roma ha-*

Попытки проанализировать советскую позицию предпринимались еще во время процесса и немедленно после его окончания. Во всех этих публикациях отмечается некоторая путаница, связанная с противоречиями в официальном отношении к делу Эйхмана. С одной стороны, СССР и страны Восточной Европы всегда стремились предать суду нацистских преступников; с другой стороны, они занимали антиизраильскую позицию¹⁴⁶. Поддержка процесса другими странами советского блока лишь углубляла эту путаницу, достигшую своего пика с публикацией статьи Зайцева¹⁴⁷: если прежде советская позиция казалась логическим продолжением традиционной антиизраильской политики¹⁴⁸, то статьи Зайцева и близких ему авторов выглядели рецидивом сталинизма в Советском Союзе и попыткой возродить антисемитизм¹⁴⁹.

Освещение процесса стало поворотной точкой в советской концепции Холокоста и еврейских жертв. В ходе суда советскому гражданину стали известны многие вещи, прежде от него сокрытые¹⁵⁰; однако информация подавалась с намеренными искажениями, иногда грубыми, призванными не допустить признания того факта, что существует народ, пострадавший от нацизма больше, чем советский народ. Одновременно серьезная перемена произошла и в советском отношении к сионизму. Логично пред-

shlishit (mi-mahapehat oktober ad le-perestroika (Tel Aviv: Sifriyat Ha-Poalim, 1989), pp. 92–129. Это издание не только повторяет, но и в значительной мере дополняет предыдущие книги Агурского: «Идеология национал-большевизма» и «The Third Rome».

¹⁴⁶ М. Mushkat, "Be-shulei ha-tguvot al mishpat Aikhman" // *Yediot Yad Vashem*, № 30 (March 1963), p. 31.

¹⁴⁷ Gideon HAUZNER, *Mishpat Yerushalayim* (Tel Aviv, 1980), vol. 2, p. 302.

¹⁴⁸ См., например: *Davar*, May 10, 18, 22, 1961.

¹⁴⁹ Mushkat, "Be-shulei ha-tguvot", p. 33; Mordekhai Oren, "Zutot – pulmus shel yedid" // *Al ha-mishmar*, May 22, 1962.

¹⁵⁰ Трудно оценить, какая читательская аудитория оказывалась под воздействием этих публикаций. Не представляется возможным выяснить, сколько человек читали каждую статью, однако известно, что население СССР в целом читало много. Более того, большинство сведений о процессе печатались в рубрике новостей из-за рубежа, подававшихся в удобной для чтения форме. Более подробные статьи и репортажи обычно сопровождалась крупными заголовками, привлекавшими внимание читателя. К тому же большинство значительных заметок о процессе вышли в крупных периодических изданиях, читательская аудитория которых была очень велика. См.: Keefe, Boucher et al., *Area Handbook of the Soviet Union*, pp. 522, 524, 526–528. Я благодарен редакции журнала, обратившей мое внимание на этот момент.

положить, что дело Эйхмана с его израильским и еврейским контекстом ускорило процесс изменения концепции Второй мировой войны в советском обществе. Начало этим переменам было положено еще в конце 50-х годов, и они хорошо сочетались с ростом националистического патриотизма в 60-х годах, патриотизма, который частично опирался на старый антисемитский фундамент. Этот процесс и привел к изменению концепции: евреи теперь могли не только страдать, но и причинять страдания другим. Сионизм оказался в антисоветском лагере, а значит, на стороне фашизма, главного воплощения мирового зла, – что и позволило со временем приравнять сионизм к фашизму¹⁵¹.

Вместе с тем такое освещение процесса имело и положительный результат: многие евреи впервые познакомились с фактами из истории своего народа. Попытки властей воспрепятствовать этому лишь усилили интерес советских евреев к еврейству и открыли новый этап еврейского национального возрождения в СССР.

Советская реакция на процесс Эйхмана была следствием ряда причин и факторов, которые привели к описанным выше результатам. Трудно представить себе, что бы случилось, если бы процесс такого масштаба проходил в другой «империалистической» стране или в стране с иной исторической памятью. В любом случае, с точки зрения Советского Союза процесс был попыткой отобрать у СССР первенство в сфере принесенных жертв и перенесенных страданий и поэтому не мог получить поддержку. Немалую роль сыграло здесь и отрицательное отношение советского режима к сионизму и Государству Израиль.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
“Soviet Reactions to the Eichmann Trial: A Preliminary Investigation 1960-1965”
в Yad Vashem Studies, том 35 (2007) pp. 91-122.
Перевод с иврита Бенциона Дымерского.*

¹⁵¹ Анализ последствий этой концепции см.: Gitelman, “Politics and Historiography of the Holocaust”, pp. 29–31; Korey, *Russian Antisemitism*, pp. 13–59.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абугов Александр 164, 165
Аденауэр Конрад 181, 218, 222
Айк Пауль 139
Александрович Михаил 176, 177
Аллерханд Мауриций 134
Альнор Вальтер 126
Альтшулер Мордехай 7, 9, 11,
Андреев Сергей 224
Арад Ицхак 7, 8,
Атлас Йехезкель 162
- Багазий Владимир 138
Байер Георг 75
Баршай 24, 26, 27, 29
Баскин Шая 166
Бауэр Иехуда 193
Бах-Зелевски Эрих фон дем 110
Бегма Василий 160, 165
Бейлин Абрам 26
Бек Йозеф 146
Беккер, капитан Вермахта 73, 74
Белов-Элинсон Авраам 228
Бельские, братья 162
Бен-Гурион Давид 194, 201,
201, 207, 210, 213, 216, 217,
222, 223
Бенке Карлхайнц 83
Бергер Зигфрид 87, 88
Бердяев Николай 15, 16, 20
Беренштейн Леонид 165, 166
Берман Борис 25
Бингель Эрвин 7, 73, 92
Борман Мартин 204
Бранд Йозель 206, 222
Брандт Вилли 208
Булганин Николай 198
Буркардт Ганс 90
Бурмистренко Михаил 155
Бялик Хаим-Нахман 27
- Вагнер Эдвард 106
Вайсман, партизан 163
Вейнриб Бернард 71
Вёлер Отто 143
Виалон Карл Фридрих 126
Визенталь Симон 225
Виллерс Георг 82, 87
Винокур 177
Вислицени Дитер 206
Вольф Фридрих 85
- Гаврутто Порфирий 225
Галкин Шмуэль 176
Гальдер Франц фон 101
Гамарник Ян 27
Гарфункель Лейб 135
Геббельс Йозеф 137
Гейдрих Рейнхарт 104
Гейзлер Шломо 61
Генин Яков 145
Гёпнер Эрих 117
Геринг Герман 122
Герцог Ицхак 176
Гильденман Моисей 162, 169
Гиммлер Генрих 77, 97, 107, 141, 149,
150, 222
Гинзбург Лев 221
Гитлер Адольф 8, 35, 93, 94, 95, 96,
98, 99, 100, 104, 105, 109, 110, 114,
116, 117, 156, 200, 202, 208, 216, 217,
218, 223, 226, 227
Глидер Михаил 166
Глобке Ганс 203, 205, 207, 208, 210
Гольдман Нахум 205
Готловский 177
Гофштейн Давид 176
Грановский, майор 163
Гречуха Михаил 155
Гринберг Лейб 186

- Громаков М. Е. 147
Громыко Андрей 204
Груневич Зинаида 144
Гунин Наум 180
- Давидзон Яков 166
Даллин Александр 129
Даннлер Рихард 148
Драгунский Давид 172
Дубинский 50
Дуборский Давид 166
- Евтушенко Евгений 197, 223
Екельн Фридрих 148
- Жемчужина Полина 176
- Зайцев Е. 221, 222, 223, 231
Зельцер Аркадий 7, 11, 12
Зиновьев Григорий 21
- Иванов Константин 199
Иванов Л. Я. 168
Ивицкий Иван 145
Иоахим Ганс 82
Йордан Фриц 136
Йосеф Дов 214
Иринин Б. 202
- Каганович Лазарь 47
Кайзер Ганс 125
Каменев Лев 21
Канарис Вильгельм 104
Канторович Елена 164
Канторович Нати (Анатолий) 7, 10
Канторович Ольга 164
Карклин Мартин 28
Кацман Фриц 151, 153
Кац Яков 165
Квитко Лейб 176
Кейтель Вильгельм 104
- Келлер Вальтер 84
Келлер Иоахим 86
Кичко Трофим 223
Клейпер Хаим 182
Клинов Д. В. 175
Кнорр Франц 85
Ковпак Сидор 157, 160, 169
Кольхаммер Эрнст 82
Комлев Н. 223
Кондратюк Анатолий 169
Контовт М. 126
Корман И. 205
Коротченко Демьян 155
Кох Эрих 129
Криницкий Александр 17, 28
Крук Герман 137
Крумейх Петер 91
Круцек Йозеф 84
Крюгер Ганс 142
Кубе Вильгельм 149
- Лангерман Леонид 142
Лашевич Михаил 21
Лебедев Александр 209
Левин Дов 7
Лееб Вильгельм фон 97
Лео Герхард 216
Леонидов А. 216
Либерман Мендель 56
Лиховидов 30
Лицман Карл 150
Лишевский С. А. 167
Лозе Гинрих 123, 124, 125, 126, 128, 129, 148, 149, 150, 151
- Магерин 180
Маевская Дина 166
Манштейн Эрих фон 109, 111
Марголис Александр 166
Марк Бернард (Бер) 61, 228
Маркхубер Эрхард 83

- Мартынов 147
Медведев Дмитрий 160
Мейнеке Фридрих 94
Меир Голда 203
Мельник Я. И. 163
Менгеле Йозеф 204
Мере Айн-Эрвин 150
Месис 190
Метлер 189
Мецгер Самуэль 89
Микунис Самуил 203
Михоэлс Соломон 181
Мицель Михаил 182
Молотов Вячеслав 176
Мольтке Гельмут Джеймс фон 104, 116
Мурер Франц 130, 131
Мюллер 101
- Найдхамер Георг 86
Наумов Михаил 168, 169
Никитина Галина 198
Нисенбаум Иосиф 180
Нойрат, штурмбанфюрер 149
Нольте Эрнст 93
- Одуха Антон 168
Озин 50
Олендорф Отто 143
Олеюнас Альбертас 146
- Павловский Яша 166
Паулюс Фридрих фон 225, 226
Пачановский М. 51
Пелипчук, партизан 163
Петерсен 134
Пикк Альфреда 64
Плоткин Григорий 202
Пол Пот 93
Полторак Аркадий 219, 220
Пономаренко Пантелеймон 159
Пришкольник Ицик 139
- Пушинис 179
Пынтя Герман 147
Пятигорские, семья 145
Рейхенау Вольтер фон 111
Реннер, оберфельдфебель Вермахта 77, 91
Рикке, оберлейтенант Вермахта 73
Розенберг Альфред 127, 149
Рок Франц фон 97
Романушко 177
Ротфельд Адольф 137
Руппенталь Хайнц 90
Рыбаков Анатолий 184
Рыбак Шмуэль 57, 58
- Сабуров Александр 157, 160
Семенов Владимир 198
Серватиус (Сервациус) Роберт 207, 208, 209
Серебряный Лев 173, 182
Смоляр Герш 65
Сне Моше 199
Соболев Аркадий 203
Соболь Яков 166
Сова Н. Т. 145
Сойфер 164
Сокольников Григорий 21
Спектор Шмуэль 7, 9
Спивак 190, 191
Спивак Моисей 156, 158
Сталин Иосиф 21, 114, 155, 156, 159, 192, 195, 225, 230
Стариков Дмитрий 223
Старосельский Натан 165
Строкач Тимофей 159
Сфард Давид 65
Талес Яков 162, 166
Танк Максим 65
Тарасюк Г. 144
Тарле Евгений 176
Тимошенко Семен 158

- Тиунелис 146
Томас Георг 122
Тракторенко Хона 162
Тресков Хеннинг фон 116
Троцкий Лев 21
- Фалькович Матвей 180
Фарштейнигер Нахман 162
Фассхубер Ганс 85
Федоров Алексей 157, 160, 166
Федоров Иван 160
Фелицин 147
Фельтен Эрнст 89
Фельтер Курт 90
Фёрстер Юрген 7, 8
Фёрч Фридрих 209, 213
Фефер Ицик 176
Фидерман, партизан 166
Фогель Рольф 223
Фундатор Владимир 180, 181
- Хайдеман Зигфрид 83
Хайнрихзон Эрнст 94
Харель Арье 204
Хассель Ульрих фон 116
Хацкевич Александр 32
Херборт Макс 86
Хилберг Рауль 129
Хингст Ганс 126
Хмельницкий Исаак 190
Хохрат Хайнц 90, 91
Хрущев Никита 155, 158, 203, 215,
219, 225
- Цесарский Вениамин 166
- Чортковер Шмуэль 134
- Шапира Ицхак 46
- Шахнович Вениамин 158, 159, 162
Шац-Анин Макс 67
Шверник Николай 174
Шейнис Зиновий 198, 199, 206, 224,
229
Шембелев И. С. 147
Шенкендорф Макс фон 110, 129
Шер М. 66
Шитов Иван 165
Школьник Яков 55
Шлифер Соломон 176
Шмойш Абрам 139, 140
Шор Гриша 162
Шор Давид 162
Шостакович Дмитрий 223
Штауффенберг Клаус фон 104, 117
Штейнборц 56
Штрайт Кристиан 105
Штюльпнагель Карл-Генрих 117
Шульман 187, 188
- Эйзенхауэр Дуайт 204
Эйхман 193-195, 197, 200-210, 212,
213, 215-227, 229-232
Эренбург Илья 131, 205
Эрлих, партизан 166
- Юнгханс Карл 83, 84

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Александрия 52
Аргентина 203, 204
Артемовск 113
- Бабий Яр 161, 171, 197
Балканы 81
Барановичи 131
Белая Церковь 138, 144
Белжец 153
Белоруссия 7, 11, 12, 16, 17, 21, 25, 26, 27, 42, 54, 57, 59, 63, 70, 115, 120, 123, 125, 128, 132, 134, 139, 144, 145, 159, 162, 177, 179, 180
Белорутения (генералкомиссариат) 125
Белосток 44, 65
Бельгия 81
Бердичев 140, 145, 146, 189, 190, 191
Берлин 82, 107, 127, 128, 139, 140, 142, 143, 150, 151, 152
Бершадь 162, 164
Бессарабия 7, 43, 45, 48, 49, 52, 55, 62, 68, 69, 70, 71, 120, 162
Бешенковичи 19, 21, 141
Бобруйск 24, 27
Богдановка 175
Бонн 203, 211, 213, 230
Борислав 160
Борисов 179
Бреслау – см. Вроцлав
Брест 131, 132, 133, 165, 179
Бричень (Бричены) 49
Будслав 179
Буковина 7, 71, 85, 120, 162
Бюрштадт 94
- Валмиера 148
Ванзее 216
- Великобритания 195
Вена 91
Венгрия 222
Верхняя Силезия 83
Вильнюс 10, 46, 61, 178
Вильянди 64
Винница 73, 74, 79, 80, 82, 86, 173
Висбаден 73, 87, 89, 90
Витебск 7, 12, 14, 15, 18, 19, 22, 24, 29, 35, 40, 41
Волынь 9, 44, 45, 54, 57, 61, 69, 70, 71, 161, 164
Воронежская область 159
Восточная Галиция 45, 51, 54, 70, 151, 153
Восточная Европа 171, 191, 192, 193, 214, 231
Вроцлав 83, 87
Вюрцбург 88
- Гайсин 139
Галиция 73
Ганау-на-Майне 73, 87
Германия 7, 8, 33, 35, 36, 42, 44, 66, 73, 85, 93, 94, 96, 106, 119, 130, 137, 152, 195, 201, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 214, 221, 229
Германская Демократическая Республика (Восточная Германия) 202, 216
Гермерсхайм-на-Рейне 78
Глубокое 134
Голландия 81
Гомель 114
Городок 19
Горностаевка 112
Гродненская область 56
- Давид-Городок 63

- Дармштадт 84
Даугавпилс 45, 109
Деречин 179
Днепропетровск 132, 159, 189
Днестр 52, 56, 62, 63, 69
Добеле 179
Добосьянка 112
Дольск 164
Дрогичин 132
Дрогобыч 160
Дрогобычский район 169
Дубровица 69
Дубровно 30
Дюссельдорф 84
Дятлово 56, 179
- Евпатория 136
Европа 48, 95, 119, 121, 137, 141,
156, 168, 171, 191, 192, 193, 201,
213, 214, 231
Единец (Единцы) 55, 56
- Жетл – см. Дятлово
Житомир 141, 160, 163, 144
- Западная Белоруссия 7, 57, 59, 63,
70, 120, 162
Западная Вольтыня 9
Западная Германия - см.
Федеративная Республика Германия
Западная Украина 7, 162
Западный Буг 48
- Ивано-Франковск 142
Игналина 146
Иерусалим 201, 208, 209, 215, 222
Израиль 10, 194, 198, 199, 200, 201,
202, 204, 207, 208, 209, 210, 211,
212, 213, 214, 219, 220, 221, 224,
227, 228, 229, 230, 232
Ильинцы 163
- Испания 202
Йонава 60
- Кавказ 167
Кайзерслаутерн 91
Калараш 51
Каменец-Подольский 174
Каменец-Подольская область -
см. Хмельницкая область
Каменка 63
Карело-Финская ССР 47
Кассель 86
Каунас 44, 97, 127, 135, 136
Киев 75, 114, 129, 138, 161, 165,
169, 170, 175, 183, 185, 224
Кировоград 164
Кобрин 132
Ковель 69, 161
Коломыя 58
Колышки 33, 34
Корец 53, 69
Корюковка 113
Коттбус 83
Кременец 57
Кременчуг 185, 186
Кривой Рог 160
Криулень (Криуляны) 52
Кронштадт 58
Крым 111, 136, 139, 143
Курляндия 54
- Латвия 43, 68
Латинская Америка 202
Левобережная Украина 129, 155
Ленинград 17, 20, 28, 32, 36, 189
Лиепая 45, 58, 126
Липкань (Липканы) 48
Литва 43, 68, 69, 70, 146, 179, 201
Лондон 193
Лубны 186
Луговая 179

- Луцк 69, 132
Львов 44, 73, 77, 182
- Майнц 84, 86, 87, 89
Майнц-Гонзенхайм 89
Марганец 158
Маутхаузен 105
Мацеев 69
Мизоч 69
Минск 12, 125, 129, 132, 179
Миргород 112
Могилев 103, 114, 147
Мозырь 177
Молдавия 47, 224
Москва 28, 32, 36, 155, 177,
180, 181, 189, 199, 200, 214,
226, 229
Мурованные Куриловцы 139
Мэркулешть (Маркулешты) 62
Мюнхен 83, 85, 219, 222
- Неман 44
Несвиж 45, 60
Николаев 141
Новоград-Волинский 53, 174, 188,
189
Новозыбков 172
Новомосковск 113, 157
Новосибирск 188
Новый Свержень 63
Норвегия 81
Нюрнберг 219, 222
- Одесса 147, 164, 175
Ольшаны 59
Опава 83
Орловская область 159
Орхей (Оргеев) 52
Орша 106, 132, 139
Освенцим 64, 206
Острог 69
- Палестина 182, 188, 206, 207
Паняряй 64, 133, 179
Пески 182
Пиков 142
Пинск 45, 131
Полесье 45, 54, 57, 63, 128, 164
Полоцк 7, 12, 24, 35
Полтава 141, 185
Польша 7, 33, 40, 43, 51, 52, 54, 61,
65, 70, 74, 81, 89, 97, 98, 102, 106,
115, 132, 161, 162, 163
Понары – см. Паняряй
Прибалтика 7, 81, 85, 120, 178
Приднепровье 128
Прилуки 183
Прут 48, 49
Пярну 57
- Радошковичи 59, 179
Резекне 109
Резина 52
Речица 181
Рига 44, 45, 46, 127, 134, 148, 149
Ровенская область 45, 160
Ровно 44, 129, 131, 132, 160, 192
Рокитно 61, 69
Романовка 55, 189
Россия 12, 37, 43, 53, 54, 63, 66, 95,
99, 100, 111, 141, 211
Ростов 87, 139
Российская Советская Федеративная
Социалистическая Республика
(РСФСР) 39, 47, 129, 187, 201,
205, 221
Румыния 43, 89, 96, 203
- Саарбрюккен 90
Саксония 85
Сан 49
Санок 165
Сарны 57

- Себеж 60
Северная Буковина 7, 43, 45, 70
Селекционная 163
Сенно 36
Сербия 87
Серники 164
Сибирь 64
Симферополь 143
Скалат 169
Слоним 57, 103
Слуцк 129
Смела 165
Сновск - см. Щорс
Соединенные Штаты Америки (США)
33, 95, 191, 204, 207
Софиевка 162
Союз Независимых Государств 119
Станислав - см. Ивано-Франковск
Старобин 179
Сумская область 157, 165
Сухой Яр 186, 187
- Таллинн 57, 66
Тарту 66
Тель-Авив 66, 211, 213, 222
Тернополь 182
Тимковичи 179
Транснистрия 141, 147, 162
Треблинка 64
Троппау – см. Опава
Турийск 69
- Узда 179
Узляны 179
Украина 7, 9, 73, 129, 138, 141, 144,
146, 157, 159, 162, 166, 167, 168,
169, 170, 176, 182, 183, 185, 186,
187, 188, 189, 192
Умань 73, 74, 75, 79, 80, 82, 86, 87,
92, 162, 186
Утяна 179
Ушомир 163
- Федеративная Республика Германия
(Западная Германия) 93, 199, 200,
201, 202, 203, 204, 207, 208, 209,
210, 211, 212, 213, 214, 219, 218,
221, 226, 229
Феодосия 139
Финляндия 96
Финский залив 69
Франкфурт-на-Майне 89
Франция 93, 198
- Харьков 132, 142, 147, 174
Хмельник 163
Хмельницкая область 157, 161, 163,
182
Хорватия 87
- Цвиккау 85
Цехановец 52
- Червень 180, 181
Черкассы 165
Чернавчицы 179
Чернигов 157, 183, 184
Черновцы 183
Чехословакия 165
Чичельник 163
- Шарлоттенбург 82
Шацк 179
Швянчёнис 146
Шепетовка 182
Шета 179
Штутгарт 82
- Щорс 184
- Эссен-Барбек 86
Эстония 43, 45, 48, 54, 61, 64, 65,
66, 68, 69, 150
- Ярмолинцы 163